

**Дружба
народов**

11/2022

Дружба на возраст

«ДРУЖБА НА ВЫРОСТ»—2022

Начиная с 2015 года, ноябрьский номер «ДН» посвящен проблемам детства, семьи, школы, литературе для детей и о детях.

Магия детства

— Я вырос в доме, где не было книг, но Русланова на патефонной пластинке пела некрасовское «Меж высоких хлебов...».

— Своим детям после положенных Чуковского, Маршака, Житкова я довольно рано начал читать Шекспира, «Слово о полку Игореве» и наиболее поэтические отрывки из Евангелий. Как это сказалося на их будущем? Случалось и прекрасное, и ужасное.

По традиции номер открывается воспоминаниями наших авторов:

Ефима БЕРШИНА, Георгия ГРАТТА, Константина КОМАРОВА, Анны МАТВЕЕВОЙ, Александра МЕЛИХОВА, Бориса МИНАЕВА, Дениса ОСОКИНА, Натальи РУБАНОВОЙ, Кирилла РЯБОВА, Ильи ФАЛИКОВА, Александра ЧАНЦЕВА, Ганны ШЕВЧЕНКО — о КНИГЕ их детства и о том, что читают их дети и внуки.

Совпадение несовпадений

Что получается, если молодой человек, не находящий себя в жизни, от безвыходности становится учителем? Из него получается педагог от бога. В дебютной повести Анатолия СЛОВЦОВА «Сюжет и фабула не совпадают» молодой учитель укрощает нерадивых подопечных, наживая себе и друзей, и врагов. Терпит поражения и одерживает победы. Всё как в жизни, только куда остроумнее: «Я тащил конопатого через всю школу на глазах у его друзей, у моих коллег, тащил, как тащит жениха к алтарю беременная невеста, и думал — зачем? Зачем я это делаю? Наказать? Да не хочу я его наказывать! Проучить? Тоже не хочу. Если не дурак — подрастёт и сам поймёт. Так зачем?! Неужели потому что... надо?»

Застрявший в небесах

«Как всё-таки хорошо, что никто из его юных слушателей (Хармс выступал перед детьми на Путиловском заводе) не знал, что в комнате этого смешного гражданина в шляпе, клетчатом пиджаке и брюках гольф висела надпись: «Здесь убивают детей!», — замечает Максим ГУРЕЕВ и торопится уточнить: «Скорее всего, он, начертав эту вывеску, помышлял лишь об одном лопухом мальчишке по имени Даня Ювачёв, не мог скрыться от его простого и открытого взора, в котором таилось что-то хармсовское — «вот как такого негодника не убить?!»». Глава из будущей биографической книги — о времени, смертельном *для поэтов.

«Жизнь состоит из вопросов»

«Ведь ты и оставлен услышать, как молвится слово,/ и детское пенье проходит иглою под рёбра...» Стихи о любви и творчестве Александра АМЧИСЛАВСКОГО запоминаются плотностью мысли и глубиной чувства.

Им созвучна ностальгическая лирика Ольги СУЛЬЧИНСКОЙ, которая на вопрос: «Что ждёт нас?» — отвечает конкретно: «Труба зовёт, и подана карета,/ И слёзы поднимаются к глазам».

Поэтическая подборка «Море волнуется — раз» представляет молодых авторов: Эгвину ФЕТ, Артемия СЕМИЧАЕВСКОГО, Ольгу ЛАПЕНКОВУ, Ивана УДАЛЬЦОВА и Татьяну КИЗИЧЕНКО. Это стихи о детях, для детей — и не только. Это стихи о жизни детей в мире взрослых: «Изображая самолётик,/ Кружится мальчик по паркету./ Его война не там, не где-то,/ А здесь, в пяти шагах от лета».

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

11'2022

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaompk.pf тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.09.2022.
Подписано в печать 31.10.2022.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ 3607/22. Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Ольга
БРЕЙНИНГЕР

Ирина
ДОРНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА

Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА

Сухбат
АФЛАТУНИ

Муса
АХМАДОВ

Ольга
БАЛЛА

Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО

Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА

Фарид
НАГИМ

Илья
ОДЕГОВ

Валерия
ПУСТОВАЯ

Кнут
СКУЕНИЕКС

Сергей
ФИЛАТОВ

Ренат
ХАРИС

Александр
ЧАНЦЕВ

ЭЛЬЧИН

«Только детские книги читать...» В заочном «круглом столе» принимают участие:
Ефим БЕРШИН, Георгий ГРАТТ, Константин КОМАРОВ, Анна МАТВЕЕВА,
Александр МЕЛИХОВ, Борис МИНАЕВ, Денис ОСОКИН, Наталья РУБАНОВА,
Кирилл РЯБОВ, Илья ФАЛИКОВ, Александр ЧАНЦЕВ, Ганна ШЕВЧЕНКО 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Александр АМЧИСЛАВСКИЙ. Как молвится слово. Стихи	19
Анатолий СЛОВЦОВ. Сюжет и фабула не совпадают. Повесть	22
Андрей ЛОМОВЦЕВ. Рыжий, рыжий, конопатый... Рассказ	112
Море волнуется — раз... Стихи для детей и не только	
Эгвина ФЕТ. Петралиада. Отрывок из поэмы	125
Артемий СЕМИЧАЕВСКИЙ. Родственные связи	127
Ольга ЛАПЕНКОВА. На небе не одно, а сорок солнц	128
Иван УДАЛЬЦОВ. Шпага, шеврон и шинель	129
Татьяна КИЗИЧЕНКО. Играют дети в мире взрослых	130
Ирина КРАЕВА. Мама. Мыла. Раму. Повесть	132
Анна ШИПИЛОВА. Улыбаясь про себя. Рассказы	155
Галина ДАНИЛЬЕВА. Два детских дебюта для взрослых	163
Алексей КОЛЕСНИКОВ. Недоразумение. Рассказы	178
Анна КАВАЛЛИ. Междумирье. Рассказы	193
Анатолий ВАЛЕВСКИЙ. Иду до упаду, не оглядываясь... Рассказ	207
Ольга СУЛЬЧИНСКАЯ. Здравствуй, сколько сумеешь! Стихи	213

ФЕСТИВАЛИ И КОНКУРСЫ

Алый парус вдохновения. Литературный конкурс. На страницах «ДН» сочинения — Каролины УСТИНОВИЧ, Родиона КРАЕВА, Елизаветы ЖДАНОВОЙ, Александры ЕРМАКОВОЙ, Юлии СУКГОВОЙ, Михаила БАРОНЕНКО, Даниила КРИВУШИНА, Екатерины ЩЕРБА, Марка КОБЦЕВА	216
--	-----

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Филипп ХОРВАТ. Дедушкин Краскомовский	233
---	-----

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

Мария АНУФРИЕВА. Портал в библиотеку	243
--	-----

ЖИЗНЬ В ЛИТЕРАТУРЕ

Максим ГУРЕЕВ. Будьте как дети... Главы из книги	250
--	-----

БИБЛИОНАВТИКА

Ольга БАЛЛА. И это будет наш мир (Р.Козлов. «Stabat mater»; Ш.Идиатуллин. «Возвращение "Пионера"»; Д.Исакжанов. «Толкование прошлого»)	261
---	-----

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Манюня и её армия	269
---------------------------------------	-----

«Только детские книги читать...»

В заочном «круглом столе» принимают участие:

*Ефим БЕРШИН, Георгий ГРАТТ, Константин КОМАРОВ,
Анна МАТВЕЕВА, Александр МЕЛИХОВ, Борис МИНАЕВ,
Денис ОСОКИН, Наталья РУБАНОВА, Кирилл РЯБОВ,
Илья ФАЛИКОВ, Александр ЧАНЦЕВ, Ганна ШЕВЧЕНКО*

Начиная с 2015 года, ноябрьский номер «ДН» — «Дружба на вырост» — посвящен проблемам детства, семьи, школы, литературе для детей и о детях. По сложившейся традиции он открывается воспоминаниями наших авторов о КНИГЕ их детства и рассказами о том, что любят (и любят ли) читать их дети и внуки.

Ефим Бершин, поэт, прозаик (г. Москва)

Лопухи за окнами

В детстве я, кажется, вообще не читал. Нет, «Мойдодыр» я, конечно, освоил, но на слух. Мне прочитали, и я запомнил. Да и как я мог читать, если в доме не было ни одной книжки. Не было, и все тут. Родители не читали. Не до того было. До войны по шесть классов успели закончить, а потом уж надо было выживать, а не читать. Я их понимаю. Зачем книжки на стройке или в цеху? Не так поймут. В общем, и я не читал. Только играл в футбол, участвовал в дворовых сражениях на развалинах, оставшихся со времени немецко-румынской оккупации, а еще и пел довольно неплохо. Мне было достаточно.

Первая книжка, которая произвела на меня впечатление, досталась мне от отличницы-соседки, и называлась «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара. Она так понравилась, что я прочел ее пять раз подряд. И каждый раз, когда история про Тимура, Женю и хулигана Квакина подходила к концу, на глаза наворачивались слезы. Реальные мокрые слезы. Кстати, второй книгой, которую я прочел пять раз подряд, были «Три товарища» Ремарка. Просто во время службы в армии меня как-то оставили одного на полигоне в лесу, а в моей избушке была только одна книга. Вот я ее пять раз и прочел. Тоже понравилась. Но уже без слез, потому что было мне к тому времени лет двадцать, и вообще я был солдатом, солдату плакать не полагается. А после приключений Тимура и его команды моя жизнь показалась мне настолько тусклой и почти бесполезной, что без слез было не обойтись. Но мама сказала, что плакать не надо, потому что это всего лишь книжка, а в книжках все выдумывают. И я успокоился. До того успокоился, что по русскому языку и литературе у меня в школе были сплошь двойки, и лишь благодаря доброте учителей меня не оставляли на второй год.

Однако урок я все-таки усвоил, и нашего сына еще в раннем детстве мы с женой заставили прочесть столько книг, сколько мне за всю жизнь не одолеть. Поэтому он вырос умным, а я как был неучем, так и остался.

Я и сейчас не могу с полной уверенностью ответить, права ли была моя мама. Потому что до сих пор не знаю, в книжках пишут правду или книжка — отдельно, а жизнь — тоже отдельно. И прав ли Пушкин в «Золотом петушке», написавший, что «сказка ложь да в ней намек, добрым молодцам урок». То есть если наша жизнь — сказка, то жизнь эта — абсолютная ложь. А если не сказка, но о ней пишут, то что это? И зачем?

В общем, в детстве я почти ничего не читал и жил свободно и раскованно, как дворовые лопухи. И был счастлив. Я же не знал, что после такого детства и такой юности я сразу перескочу к Лермонтову, Есенину, Толстому, «Фаусту», «Доктору Фаустусу» и прочим цветаевым и мандельштамам. После чего моя жизнь утратила даже проблески света и счастья.

И не лучше ли было сохранить в себе то безоблачное послевоенное детство, где не было книг, но зато был футбол, дворовые войны и лопухи за окнами?

Георгий Гратт, прозаик (г. Ярославль)

Новая колея

Любимая книга детства? Сложный вопрос. А была ли такая? В детстве, где всё круговорот, где события буквально наслаиваются одно на другое и прочитанная только что книга, нет, не забывается, но тут же заслоняется другой, еще более захватывающей и интригующей... И лишь много-много позже, когда уже подрастают собственные дети и ты выбираешь, что бы этакое им почитать на ночь глядя, память неизбежно возвращает тебя к лучшему из читанного в юности, к героям Стивенсона, Жюль Верна, Майн Рида, Фенимора Купера, Александра Дюма, Аркадия Гайдара...

Но тут ты вдруг с удивлением обнаруживаешь, что что-то в этой жизни пошло не так, изменилось до неузнаваемости. Мир стал другим, не таким, как прежде, и те старые герои, что «в шорохе мышинном, в скрипе половиц» сходили когда-то со страниц твоих любимейших произведений, остались где-то далеко в прошлом. На смену им явились новые — хоббиты, Муми-тролли, Гарри Поттер и К°. Поначалу это обескураживает и даже слегка раздражает — как же так? Но потом приходит понимание, что таковы законы развития, и ты смиряешься — ничего необычного. Просто жизнь совершила очередной виток, проложила новую колею.

Константин Комаров, поэт, литературный критик (г. Липецк)

Магия детства

Едва научившись читать (кажется, это произошло лет в пять), я стал с жадным любопытством поглощать все попадающиеся под руку тексты — от хрестоматийных Андерсена и Барто до клочков бумаги с рецептами, инструкций и газет с телепрограммой. Нравился сам процесс — вот буквы складываются в слова, слова в предложения, и я эту непостижимую механику понимаю! Типичный азарт неофита.

Как только представилась возможность, я записался в библиотеку. Первой взятой на дом книгой (ощущался этот вполне рутинный ритуал с формулярами и карточками как сакральное торжество) стал «Незнайка на Луне». Пожалуй, именно эта книга опрокинула меня из пространства просто чтения в собственно литературную вселенную, за что Николаю Носову моя вневременная благодарность и признательность. С тех пор библиотека (точнее, две екатеринбургские библиотеки — сначала Крыловка, а позже Чеховка) стала моим вторым домом. В благодатной тишине читального зала я проводил, наверное, половину свободного времени (другая половина доставалась двору и футбольным полям). Часовые блуждания между пыльными стеллажами казались не менее увлекательными, чем странствия Одиссея. Читательский билет носил с гордостью, как пионерский галстук (хоть его я и не носил, но представить могу — спасибо развивающим воображение книгам).

Провести ревизию всех дорогих моему детскому сердцу книжек не представляется возможным. Остановлюсь здесь на тех, которые запомнились не только содержательно и визуально, но — более того — психосоматически, ощущенчески.

Томик сказок Вильгельма Гауфа с гладкой темно-зеленой обложкой, зовущей нырнуть (и нырять!) в сей дивный омут. Объемный и растрепанный том «Сказки народов мира», где общность сюжетов (привет от ещё неведомых Веселовского и Проппа) искупалась национальным колоритом. Приводил в недоумение китайский мандарин. Как фрукт может быть царственной особой? Позже эти недоумения разрешил «Чиполлино». Манящая глянцево-обложкой с арабской вязью «Тысяча и одна ночь», Синдбад и птица Рух и прочая восточная экзотика заходила на ура. Как и восточноевропейский сюрреализм в лице Яна Бжехвы и его «Академии пана Кляксы», в которой я был бы весьма не прочь отучиться. Запомнилось дешевое издание «Синей Бороды». Зловещая черная обложка была пришта кверху ногами, и этот таинственный брак устрашал даже больше, чем сами истории о кровавых делишках известного женоненавистника.

Но самым экзотическим чтением стала, пожалуй, книга под названием «Приключения Гвоздика». Автора не помню в упор (погуглил, оказывается, их двое — итальянские коммунисты — Марчелла Арджилли и Габриэлла Парка), но подушечки пальцев до сих пор живо ощущают сухость прикосновения к шершавой обложке с аляповатым изображением главного героя с блаженно-идиотическим выражением металлического лица. Несколько лет назад мой друг начал мне эту книгу на диктофон (есть у нас с ним такой обычай — читать друг другу разное), и я был поражен: как можно было зачитываться этим чудовищным (даже со скидкой на вероятность недобросовестного перевода), неподъемным, избыточным корявостями всех сортов языком и дремучим синтаксисом текстом?! Не говоря уже об очевидном эпигонстве по отношению к «Пиноккио» (там мальчик деревянный, тут — железный). Но ведь зачитывался, был очарован Гвоздиком, его смелостью, целеустремленностью, находчивостью, добротой к друзьям и стойкостью в борьбе со злыми и коварными толстосумами. Магия детства, не иначе. Но, если задуматься, не сюда ли уходит корнями моя неизменная и верная любовь к Маяковскому с его производственной метафорикой, с его «я жирных с детства привык ненавидеть, всегда себя за обед продавая», с его пламенным желанием приблизить мир, где «некому будет человека мучить»?

Засим умолкаю, оставаясь наедине с ласковыми и тонизирующими воспоминаниями о книжном детстве. Спасибо «Дружбе народов» за возможность беззаветно им предаться!

Александр Амчиславский

Как молвится слово

Парафраз

Расслышишь какую-то песню, затопит слезами,
сбежишь продышаться, так ветром впечатает в стенку,
на тонкие рёбра, бедняга, тебя нанизали,
зачем-то оставив любить эту бедную землю,
и любишь ведь, любишь не ради случайной подачки,
тягучей баллады, выдавшего виды сонета,
но голод не тётка, научит скулить по-собачьи
и ждать непонятно чего от хозяйского неба,
а уши торчком на пространстве от моря до моря,
где ветхие домны разлезлись под шорох ползучий
и дети поют, босоногому мальчику вторя,
как только и можно и должно — чем горше тем лучше,
попробуй не выживи, бедный, от счастья и скорби,
ведь ты и оставлен услышать, как молвится слово,
и детское пенье проходит иглою под рёбра
последнею волей бескрайней фабричной столовой.

* * *

Два слова свяжешь — Господи, прости! —
на рельсы глядя, вспомнишь, как пути
проходят сквозь, переполняясь гудом,
который не унять, не унести,
который сточит слово до кости,
замкнёт уста и обесцветит губы,
а следом хлынет воздух питьевой —
обдаст нутро студёною судьбой,
той самой, бедный мой, твоей не ставшей,
теперь по развесёлой мостовой
гарцуя, всё своё несёшь с собой,
на узел память завязавши,

Амчиславский Александр Аркадьевич — поэт (1958— 2022). Родился в Москве. Окончил филологический факультет пединститута, учился в Академии Художеств имени И.Е.Репина (Ленинград). Работал учителем, художником-реставратором в Политехническом музее. В 1990—1998 гг. жил в Израиле, с 1998-го — в Канаде. Лауреат премии Эрнеста Хемингуэя журнала «Новый свет» (Торонто) за сборник стихов «За тонким полотном» (М., 2017).

но отчего ж так мучаешься ты,
легко верша нетрудные труды,
когда вокруг поют громкоголосо
павлины, пусть чванливы и горды,
фонтаны, пусть в нечистые пруды,
цикады, пусть высасывая лозы.
Ах, бедный мой, давно растёт трава
в душе твоей, не помнящей родства,
глаза молчат, закрытые травой,
а те слова? Забыты все слова,
живи как бог — ботва всегда права,
а тот ушёл, который был с тобою.

Лесной романс

Где бурундук в траве сновал,
домишко встал среди подлеска,
так мал, что не хватало места
одежде, памяти, словам.
Немного дров, немного круп,
и жили мы, не понимая,
что я немой, что ты немая,
и это было царством рук
и только нам понятных знаков,
где ни один не одинаков
из тех, которые не врут.
Мы спали спинами к стенам,
избушка за ночь ужималась,
и милость божья с божью малость
без удержу давалась нам.
Спросонья руки разлепив,
под стрёкот бурундучьей блажи
глаза в глаза делились кашей
с высокой плотностью любви.
Стояли строго по местам —
вода в реке, луна в окошке,
кровать в доме, перловка в ложке.
Мы жили там. Мы жили там.

* * *

Здесь всё цепляется за всё —
туман за свет, вода за камень, —
которым дерево ползёт
и волочит над берегами
полураспахнутую тень,
ещё горячую, сквозную,
играют зайчики в воде,
приняв её за гладь лесную.
Что крик луны, что дятла стук
за тишиною незаметны,
кидает взгляды бурундук,
мой нежный зверь, мой друг бессмертный,

ни зла, ни желчи, ни стихов
ни суетных, ни волооких —
не подпускает никого
мой брат, мой воздух одинокий,
мой воздух, брат мой одинокий,
не подпускает никого.

* * *

О чём бы то ни было как бы не было
и в зимнюю скуку и в дождик осенний
глядела куда-то и выла и выла
и век доживала сосудом скудельным
от кислого жмыха от памяти слёзной
с утра уползала к себе в эмпиреи
где с чашкой портвейна гуляла в трёх соснах
и братья по цеху на солнышке прели
сдавали бутылки дежурно поддаты
читали своё и чужое читали
и вольно журчала струя самиздата
и видели свет молодые печали
по бедности юной по юности бедной
им было не тесно в кромешной родимой
больничной гостиной всеобщей котельной
где всё выходило то боком то дымом
где все пропадали и эти и эти
которые снова легко и бездельно
топили словами свой воздух нательный
для тех кто потом улетали на ветер
кто к смерти мгновенной кто к долгому гуду
чужого прибоя чужого привоя
и эта старуха скудельным сосудом
стоит у окна оживая от воя.

20 декабря

Нас тьмы и тьмы. И чёрная зима
Лежит, раскинулась, не дышит. И не надо
ни плача для души, ни горя для ума,
и с высохших небес беспомощного знака
давно не ждём, а будет, — наплевать,
чёрно который век, и дело точно в снеге:
он, видно, с головой засыпал снова
и жизнь, и смерть, и сани, и телеги,
вдавил исподний грунт и сделал всё как есть —
и тощими стада, и ржавыми орала,
а память бедным нам оставил днесь,
чтоб и она всё время умирала,
под мерный тик сапог, не различая лет,
тащила в поводу и глаз поднять не смела.
Мы — дети чёрных зим, где двери крестят мелом,
и отблеск нашей тьмы у бога на челе.

Анатолий Слоцов

Сюжет и фабула не совпадают

Повесть

Я куплю себе туфли к фракту,
Буду петь по ночам псалом.
Заведу большую собаку,
Ничего, как-нибудь проживём.

Автор неизвестен

Куда ж нам плыть?

Бровей у неё не было. Вместо них — две серые стрелки. Зачем выщипывать брови, чтобы рисовать новые? Есть многое на свете, друг Гораций, что неизвестно нашим мудрецам.

Уже минуты три девушка изучала моё резюме. Закусывала губку от усердия. Выглядело весьма соблазнительно. Я решил, что независимо от исхода собеседование прошло не зря.

Отсутствие завтрака сказывалось. Гастрономические намёки мерещились даже в самых невинных словах. Вот, скажем, резюме. Что это? Ризотто с изюмом? Азу с рисом? Официант, тарелочку резюме! Сию секунду, синьоре!

Девушка, наконец, подняла глаза:

— Восемь мест работы — за шесть лет. Впечатляет...

— Человек ищет, где лучше, — в тон ответил я.

— А как же карьерный рост? — упорствовала визави.

Не опыт работы её волновал. Не знание английского и не владение ПК, а — системность. Что такое «системность»? Привычка катить квадратное и не задавать вопросов. Как ювелир, отделяющий драгоценные камни от мутных стекляшек, она решала: «лояльный» перед ней или «смутьян»? Второй, хоть семи, хоть двадцати семи пядей во лбу, категорически не требовался.

— Не все мечтают о карьере, — мягко парировал я.

Девушка побарабанила ногтями по столу:

Слоцов Анатолий Иванович родился и живёт в Вологде (1992). По образованию — учитель русского языка и литературы. Участник Форумов молодых писателей России и стран СНГ ФСЭИП, Школ писательского мастерства СЗФО. Рассказы печатались в сборнике ФСЭИП «Новые писатели» (2020). В «Дружбе народов» публикуется впервые.

— Иван, у вас есть автомобиль?

— Автомобиль? В вакансии об этом — ни слова.

— Понимаю, — кивнула она, — но и вы поймите. Продажник — профессия динамичная. Придётся много ездить. Встречаться с клиентами. Рассказывать им о компании. Без автомобиля никак не обойтись.

Я пожал плечами:

— Где денег взять? Весь разорился я, рыцарям усердно помогая.

Собеседница хлопнула глазами. Цитату не опознала, но суть уловила — черкнула что-то у себя в записях. Можно, конечно, было и соврать — как ни крути, у отца в гараже ржавела старая «копейка». Да только... зачем?

— Пожалуй, достаточно. Всё, что нужно, я узнала. Благодарю.

— И когда ждать ответ?

— В течение недели мы позвоним и сообщим о своём решении.

Четвёртое собеседование за месяц. Перезвонить, кстати, обещали всего на двух. Один раз просто отпустили с миром. Ау? А как же клиентоориентированность?

— Спасибо. До свидания.

— До свидания.

Направился к выходу. Взялся за ручку.

Наверное, в каждом дремлет маленький Пугачёв. Дикий сиволапый мужик. Изредка просыпается и густым, с хмельной хрипотцой баском призывает к бунту. Бессмысленному. Прекрасному. Послать начальника. Вдарить по газам под истошный свист гаишника. Уйти за хлебом и рвануть куда-нибудь на Байкал — подальше от постылой жены. Но с ним просыпается и Молчалин, шепчущий: «Ипотека-с. Кредиты-с. Семеро по лавкам-с».

Обернулся:

— Давайте начистоту. Вы ведь не позвоните?

Она стала похожа на актрису, в разгар монолога забывшую слова:

— Иван, у нас есть пул кандидатов — нужно опросить всех... — Суфлёр! Суфлёр! Что там дальше по тексту?!

— Бросьте, — оборвал я. — Говорите как есть.

Девушка развела руками:

— Вы и сами всё понимаете.

Она играла ежедневную пьесу. Близился занавес. Тут с криком: «А король-то голый!» — вломился я. Порвал полог с намалёванными улицами Парижа. Обнаружил за ним кирпичную, неровной кладки стену. В общем, испортил песню, дурак.

На улице сёк дождь. Косой и мелкий, будто шрапнель. Внезапный и скоротечный, какие часто бывают на закате лета. Полномочный посланник грядущего сентября.

Укрылся от обстрела под козырьком ларька. Отчаянно хотелось курить. Нашарил пачку. Открыл. Сигарет, как и бойцов у незнакомого посёлка, — оставалось три. Сдвинул их в угол. Приподнял среднюю над остальными. Ну-с? Что видите, голубчик? Ракета, доктор? Сталинская высотка? Отнюдь, батенька. В вашем случае — известный жест.

Безжалостно выдернул высотке шпиль. Затянулся. Сорванец-ветер из стороны в сторону гонял по луже жухлый лист. Уж осень близится, работы нет и нет. Третий месяц я — на вольных хлебах. Финансы активно готовятся начать вокальную карьеру.

Осмотрелся. Дурацкая привычка — залипать на всякие вывески. Видимо, годы

работы с текстами даром не прошли. Замечу слоган и думаю: как бы я написал? Профессиональная, мать её, деформация.

Сейчас я взирал на бизнес-центр, из которого вышел пару минут назад. Бизнес-центр. Модное словцо глубоко пустило корни в лексикон офисных рыбёшек. Бизнес-центрами равно величают и деревянные домики с резными наличниками, и бетонные высотки. Любые здания, где пирожники обитают бок о бок с сапожниками. БЦ, что я покинул, разместился в корпусах бывшего вагоноремонтного завода. Кирпичное чудище. Распластавший щупальца, издыхающий кракен. Ныне его цеха, где некогда ставили стахановские рекорды, заняли туристические и маркетинговые агентства, танцевальные и веб-студии, магазины мебели и игрушек.

Фасад завода прикрывал огромных размеров баннер. «Рекламное агентство “Июнь”». Название удачное — веер позитивных ассоциаций. Милый логотип — жёлтая клякса с потёками. Попроси ребёнка солнце нарисовать — такая же каляка будет. А вот лозунг подкачал: «С нами у вас всё получится!» Больше средству для потенции подходит.

На баннере мужчина с модельно подстриженной бородой (крутой бизнесмен?) жал руку девушке. В бизнесмене я признал актёра городского ТЮЗа. Играл Ивана-дурака и был частым героем «Светского хроника» — газеты, где я когда-то промышлял. То с режиссёром во взглядах на роль не сойдётся, то жене начнёт азы Домостроя втолковывать. Помню, писал о нём заметку. Называлась — «Иван не дурак подраться».

Ладно, хорош сопли жевать. Я щелчком послал бычок в урну. Вставайте, граф! Вас ждут великие дела! Поднял воротник и, перепрыгивая в разлитом море с островка на островок, двинул к остановке.

Былое и думы

Моя квартирная хозяйка консервативна. Всем видам денег предпочитает те, что хрустят, шуршат или, на худой конец, звенят в карманах. В результате раз в месяц я имею честь лично лицезреть Розалию Эдмундовну. Вот и сегодня она проверила, политы ли цветы. Пересчитала чашки в сервизе. Даже заглянула в туалет. Уходя, наказала:

— Двадцать девятого. Не забудь!

Едва удержался, чтобы не взять под козырёк. Есть, есть ещё дамы в русских селениях!.. Вот хотя бы моя домовладелица — настоящая офицерская вдова! Такая и себя, и тебя высечет. Особенно если вовремя не заплатишь.

Вернулся в комнату. Свёл дебет с кредитом. Кажется, питаться скоро придётся святым духом... Голодная смерть не пугала. В студенчестве я усвоил, что один чайный пакетик можно заварить девять раз. В армии — что хлеб с растительным маслом вкуснее любого деликатеса. Да и вообще — много ли надо настоящему индейцу?

Плюнул на всё: помирать, так с музыкой. Сбегал до магазина и на половину оставшихся денег затарился пивом. Расфасовал пузатые «торпеды» по ярусам холодильника. Сразу пить не стал. Пить в одиночестве — алкоголизм. В компании — праздник. А вдвоём — психотерапия. Кто будет вторым? Погадаю на книге. Телефонной. Заметил, что чем она обширнее, тем быстрее листается. В списке контактов те, с кем учился. С кем работал. С кем спал. Друзей — немного. Один, если совсем точно. Марлен Дитрих говорила: друг — это тот, кому можешь позвонить в четыре часа утра. Повезло. У меня такой есть.

Лёня работает пожарным. А русский пожарный может раздавить поллитру беленькой, шлифануть пивасиком, взвалить на спину штурмовую лестницу, пробежать тридцать метров, взмыть на четвёртый этаж и вынести из огня хоть ребёнка, хоть котёнка, хоть тушку, хоть чучело. Однако Лёня выделялся и на фоне опытных старших товарищей. Он был Моцартом возлияний. Сократом застойной мысли. Бизнес-проект «Собутыльник на час» вызрел у Лёни ещё в школе, и только природная лень помешала ему заработать миллионы.

Набрал Лёнин номер:

— Здорово, — говорю. — В гости приезжай. Пивка дёрнем.

— Что за новости? Вроде не пятница.

— Новости? С работы уволился.

— С каких пор это новость? У тебя ж трудовая — как Берлинская стена.

— Так приедешь?

Через полчаса он стоял на пороге с двумя бряцающими пакетами.

— Чего так скромно? Ушёл из большого спорта?

— Паузу взял. — Лёня ухнул пакеты на стол. — На службе не одобряют. Гудели тут у кента одного. Назавтра смена. Начкар мне: если ты, Зайцев, сука, думаешь... Думаю, говорю, товарищ лейтенант. Думаю — и вам советую.

— А он?

— Дома, говорит, бухай. А когда дома-то? Я домой уже пьяный прихожу.

Почему Лёня такой дерзкий? Всё просто. Лёнин папа — полковник. Что ему этот летёха начкар?

Он устроился в кресле. Я разместился на кушетке. Пшикнула бутылка. Сеанс начался.

— Может, тебе в газету какую пойти?

— Хватит с меня газет.

— Слушай, а ты у нас по специальности кто?

— По специальности? Преподаватель. Русского и литературы.

Лёня возбуждённо хлопнул по ляжке:

— Так это ж замечательно! Матушка моя в школе трудится. Поваром. Текучка, говорит, страшная! Вечно кто-то нужен.

Я покачал головой:

— Какой из меня учитель?

По образованию я — филолог. Знаю-знаю. Не спрашивайте.

Мои родители были глубоко советскими людьми. Как и их родители. Как и родители их родителей. Они росли с убеждением, что все профессии важны, а дело жизни следует выбирать сердцем. В итоге папа определился на инженера. Мама — на учительницу. Когда закончилась эпоха джинсов-варёнок и колбасы по два девяносто, а «Лебединым озером» глушили танковые залпы, отец переопределился в таксисты. Мать — в продавцы. Родители ждали, что грозные времена минуют и настанет вожденная стабильность. Они придерживались самых широких взглядов на моё воспитание. Им и невдомёк было, что такая русская в своей природе мантра «придут и сами всё дадут» раз и навсегда сменилась буржуазной «все животные равны, но некоторые равнее других». Неудивительно, что в пору «Кем быть? Каким быть?» я вступил отягощённым максимальной свободой выбора.

Городок наш, и без того невеликий, всё больше замыкался в себе. Проулки завершались тупиками. Закорючки домов — колодезными двориками. Профессии мечтали стать сословиями.

Самыми престижными числились сословия силовиков и чиновников. Войти в них можно было тремя способами. Родиться. Породниться. Выучиться и сделать карьеру. В силу плебейского происхождения первые два пути мне были заказаны. Третий требовал усилий и отнюдь не гарантировал успеха. Что, в сущности, оставалось?

Городская система образования покоилась на двух китах. Первый — педагогический. Педагогический институт. Пед. Ума нет... и так далее. Его выпускники встречались повсюду. Они работали тренерами и таксистами. Официантами и клерками. Продавцами и фотографами. Некоторые трудились по специальности — бывает.

Второй кит носил длинное скучное название. В народе его называли просто — Вертушка. Там готовили будущих тюремных охранников. Выпускники Вертушки напротив — все как один, спрессованные в идеальные, неотличимые коробки, отправлялись на север, где сливались с подопечными в сплошную короткостриженую массу.

Дубинка или указка? Выбор поистине гамлетовский. Разницы между тюрьмой и школой я не видел. Разница — в длине волос. И тем не менее между шконкой и партой выбрал второе.

Вокруг власть имущих крутятся репортёры. Их окружают пиарщики и пресс-секретари. Значит, рассудил я, нужно стать журналистом. Журфака в педу не было. Зато имелся филфак.

Филология представлялась зоной повышенной абстракции. Бермудским треугольником в океане наук. Что должен уметь студент филфака? Читать книги. Пока врачи зубрят анатомию, а юристы — законодательство, филологи спрягают старославянские глаголы. Вишенкой на торте становится дипломная работа: «Образ дождя в творчестве поэтов Серебряного века».

На экзамене однокурсник Андрей заявил седовласому профессору:

— Мы здесь изучаем то, чего в жизни — не бывает.

Он понял это раньше меня.

Армия. Здравствуй, юность в сапогах. Триста шестьдесят пять дней подъёмов и отбоев. Приказов и команд. Берцев, кителей, бушлатов. Бытовок, кубриков, каптёрок. Штык-ножей, марш-бросков, плащ-палаток. Дембель и третий по масштабу национальный вопрос — куда ж нам плыть? — в полный рост.

Я взялся осаждать чертоги городских редакций. Манило само это слово — «редакция». Рисовалась романтическая картина. Сизый дым сигарет. Дробный перестук клавиш. Диспуты о литературе и политике за чашкой кофе.

Реальность оказалась далека от фантазии. Меня встречали люди в мятых рубашках с мятыми лицами. «Вакансий нет», «не нужен», «не требуется» гундосил неглаженный хор. Сословие журналистов не спешило принимать чужака в свои ряды. На восьмом отказе я понял: броня энтузиазма готова дать трещину.

Выручил, не поверите, сын маминой подруги. Уволился из газеты и, как и подобает честному человеку, обещал подыскать замену. Рассказал маме, та — моей, а уже она — мне. Хорошо, когда грань между маленьким городом и большой деревней столь тонка.

Советского Союза давно нет, но обломки его разбросаны по свету. В любом уголке страны вы найдёте улицу Красных Текстильщиков, библиотеку имени Щорса или газету «Стойкий ленинец». В такую меня и приняли.

Провинциальная газета подобна эстрадной диве: годы над ней не властны. Не властны были годы и над «ленинскими» заголовками. Они по-прежнему сулили рекордные урожаи и фантастические надои. Грандиозные стройки шли ударными

темпами, а на пыльных тропинках далёких планет вот-вот должны были зацвести яблони.

Архив «Ленинца» мог посоперничать с музеем «Поля чудес». Чего здесь только не было! Шахтёрские каски и ржавые кипятильники. Казацкие шашки и курчавые парики. Пожелтевшие подшивки времён лихих девяностых и почти бурые — огневых сороковых.

О современности напоминал лишь кабинет главреда. Черноокая плазма днём и ночью вещала об успехах русского оружия на Ближнем Востоке и Диком Западе. Рядом висел портрет Верховного. Он доверительно шурился, словно приглашал стать внештатным сотрудником.

— Что делать? — спросил я главреда.

— Пишите письма, — отмахнулся тот.

«Письма читателей» ютились на двух страничках — между рецептами и кроссвордами. Особенно мне удавались послания разочарованных в мужчинах дам.

«И тут я поняла, что мой избранник — предатель! Да, я не кандидат наук, как его мама, а простой продавец. Зато покупатели меня уважают! И я заслуживаю лучшего! Лучшего человека рядом с собой!»

Слова стоили дешево. Среди пишущей братии хватало случайных людей.

Экономический обозреватель Татьяна Дамировна двадцать лет работала бухгалтером. Спортивный журналист Вадик Глухов раньше трудился барменом. В его заметках нет-нет да проскакивали «опьянение успехом» или «похмельная горечь поражения». Рабочим состоянием Вадика был запой. Повод к запою всегда звучал одинаково: «Наши проиграли». «Нашими» по ситуации могли оказаться московский ЦСКА, английский «Челси» или испанская «Барселона».

Редакционная нимфа Верочка Лагунова превращала любое интервью в собеседование с потенциальным супругом. Намётанным глазом разведёнки за тридцать она легко вычисляла непристроенных мужиков.

— Мужчина без женщины — как хищник без мяса, — наставляла Верочка. — Чахнет.

Бобыля она опознала и во мне. Из благих побуждений записала на свидание вслепую. Сообщила, конечно, постфактум. Я поблагодарил за заботу, но на свидание, понятно, не пошёл.

Мне доверяли всё больше: статьи о политике, криминале, светской жизни. Назначили вести колонку про культуру. Поговаривали, могут сделать замом главреда.

И тут произошло страшное. Я проявил преступную невнимательность. В материале о заседании правительства назвал первого заместителя губернатора просто заместителем. Заместителей у губернатора было восемь. Разразилась буря. Долетавшие молнии накалили атмосферу в редакции до предела. От главреда требовали выводов и мер.

Зелёный дисковый телефон на его столе слегка покраснел. Сам главред был красен уже пару дней. И даже в прищуре Верховного чудился мягкий отеческий укор: эх, Ваня, Ваня...

Главред указал на рассохшийся стул:

— Ты уж не сердчай, Ванёк. — Он закашлялся. Поскрёб щетину. — По тебе и не ударит почти: ни детей, ни ипотеки... — Убедительный довод поскорее обзавестись тем и другим.

Утлая лодчонка благополучия стремительно шла ко дну. Снова на распутье. Некоторые назовут это свободой. Буксир прибыл откуда не ждали. И какой! Компания «Акси». «Флагман на рынке стройматериалов». Кто тот фантаст, что сочиняет эти

инопланетные названия? Верно, одной рукой строчит: «С криком “За Империю!” Кэлахар всадил секиру в череп орка». Другой выводит: кафе «Берж», кондитерская «Ювелин», салон красоты «Аламель».

«Акси», и правда, была компанией крупной. Торговые центры в десятке регионов. Шесть тысяч сотрудников. Кто-то даже считал её градообразующим предприятием. Как по мне, плохи дела у города, чьё благополучие зависит от продаж обоев. Платили, однако, не в пример лучше, чем в газете, и жалеть об увольнении я быстро перестал. Словно из трущоб перебрался в лофт в центре Москвы.

Офис «Акси» смахивал на гигантский аквариум. Стеклообразные стены символизировали прозрачность в делах. Рекреации украшали мотивирующие призывы на английском. Believe in yourself! Think global, act local. Right here, right now! По этажам прогулялся — точно на выступлении бизнес-тренера побывал.

— Откуда цитаты? — спросил я Родиона из отдела рекламы.

— Из гугла.

— Ясно, что не из яндекса.

— Ты не понял, — засмеялся Родион. — Из офиса «Гугла». Там такие же.

Впору было приниматься за мемуары — «Как я попал в Кремниевую Долину».

На мне были пресс-релизы, сайт и соцсети. Слово «копирайтер» не нравилось. От него тянуло прозекторским холодом. Я предпочитал — «пишущий человек». Но объяснить коллегам, чем я занимаюсь, оказалось непросто. У них тоже были руки, тоже была клавиатура, и они тоже считали себя пишущими людьми.

Смешенье языков господствовало. Кофе-пойнты и летучки. Комьюнити-менеджеры и управделами. Того же Родиона всерьёз называли «некипийным». Сокращению подлежало всё. Названия отделов. Должностей. Даже имена. Генерального, Юрия Тимофеевича Брызгалова, величали игристой аббревиатурой БРЮТ. «Что скажет БРЮТ?» «Нужно согласовать с БРЮТ». «Думаете, это понравится БРЮТ?»

Так продолжалось, пока генеральным не стал Евгений Сергеевич Быков. Культура аббревиации сошла на нет.

Новая метла и метёт по-новому. Одним из первых генеральный вызвал меня к себе.

— Удачи! — шепнула в предбаннике секретарша Маша. Все звали её Марусей.

— Дай, что ли, воды.

— Зачем?

— Как-никак к генеральному иду — вернусь с фужером полусладкого.

— Дурак!

Вошёл — и заблудился взглядом. Длинный, как взлётная полоса, совещательный стол упирался в короткий начальственный столик. За спиной у генерального дизайнер сохранил кирпичный простенок. Терракотовые пластинки, разделённые жирными пластами цемента. Не хватало отметин от пуль. Для внушительности.

Генеральный сидел, уставившись в монитор размером с детский бассейн. У его локтя в прозрачном бруске стакана плавала лимонная долька.

— Присаживайтесь. — Он просканировал меня поверх очков. — Иван, если не ошибаюсь?

— Всё правильно.

Генеральный порыскал в кипе бумаг. С удовлетворением извлёк пару листов.

— Напомните, где вы трудитесь?

— В отделе корпоративных коммуникаций.

— Вот! — Он торжественно погрозил пальцем. — Вы должны развивать у коллег чувство единства. Я бы сказал — единомыслия! А вы? Что вы пишете? Например, здесь: «...Собравшиеся разделились на пять команд».

— А в чём дело?

— Почему было не написать «объединились в пять команд»?

— Это противоречит правилам русского языка. И законам логики. Простите, но части объединяются в целое, а не наоборот.

— Ну хорошо. Предположим. — Он сделал маленький глоток. Подцепил лимон ажурной ложечкой. Изящным движением отправил в рот. — Но здесь-то? Здесь? «Акси» входит в число крупнейших налогоплательщиков области...»

— Что-то не так?

— Ну как же? Ведь отдел маркетинга утвердил положение, согласно которому название компании мы пишем без кавычек.

— Почему?

Генеральный приосанился:

— Бренд «Акси» достиг той степени узнаваемости, когда в кавычках нет необходимости.

— А в «Газпроме» об этом знают?

Похоже, он наконец разжевал лимон. Отвечать не стал. Махнул рукой — иди, мол.

На следующий день я подписал заявление по собственному. Жалел ли я? Да, жалел. Мог ли поступить иначе? Наверное, нет. Я ощущал свою неуместность. Будто фрагмент пазла, по ошибке затесавшийся в другой набор. Вроде такой же, — но ни к чему не подходит.

С работой не ладилось. Дольше года нигде не задерживался. Откуда-то увольняли. Чаще уходил сам. Писал про мясорубки и лазерную очистку крови. Параллельно начал делать робкие литературные попытки. Какие-то наброски. Этюды. Анекдоты из жизни. Где-то мельком подсмотрел. Что-то мимоходом подслушал. Стал выпивать. Думаю, эти вещи как-то связаны.

Докатился до того, что сочинял «кликабельные» заголовки для новостного портала. «Снимки мэра с тёлочками взбудоражили общественность». Читатель переходит по ссылке — и наблюдает фотографии белозубого городского головы в окружении альпийских бурёнок.

Скоро ушёл и оттуда. Круговорот собеседований. Привычная кутерьма. Что вы знаете о нашей компании? Кем себя видите через пять лет? Кем-кем... Президентом планеты Земля. И это как минимум. Деньги заканчивались. А тут — Лёня с его идеей. Школа? Учитель? Учитель. Слово-то какое... А я? Свои бы проблемы разгрести.

— Какой из меня учитель? — повторил я.

Доживём до понедельника

Она есть в каждом районе. Типовая. Панельная. Иногда — кирпичная. С липовой аллеей и спортивной площадкой. С галереей никому не нужных медалей и кубков. С портретами давно забытых чемпионов. Я сам такую закончил, а сейчас шёл устраиваться в такую на работу.

У дверей таилась вахтёрша, типовая, как сама школа. Причёска — «престарелая Мальвина». Бульдожьки брыли. Гирьки кулачков. Подобных женщин я отношу к типу

«цербер». По обострённому чувству порядка они намного превосходят армейских старшин и уступают только патологоанатомам. Профессии выбирают с красивыми иноязычными названиями и почему-то строго на «к»: консьержки, кастелянши, комендантши.

— Куда?!

— На собеседование.

— Рабочие не требуются, — отрезала цербер.

— Могу охранником. У меня чёрный пояс по разгадыванию кроссвордов.

Вахтёрша открыла рот. Закрыла. Снова открыла. Зашарила по столу. Я напрягся. Что там у неё? От неминуемой расправы спасла воздушная дама. Выпорхнула из-за спины цербера и приветственно протянула руку.

— Анжела Алексеевна. Руководитель методического объединения филологов.

А вы, я так полагаю, Иван?

— Правильно полагаете.

— Идёмте.

Вахтёрша метнула вдогонку взгляд, где мешались ненависть и облегчение: как ни крути, на её место я не посягал.

— Школа большая. Сотрудников много, — щебетала Анжела, ведя коридорами, длинными и тёмными, как фабричные трубы. — С Ириной Палной, хранительницей нашего покоя, вы уже знакомы. Мимо неё мышшь не проскочит. Между нами... — старшая над филологами понизила голос: — За глаза мы зовём её фюрером — Ирина Пална двадцать лет заведовала столовой.

Я хмыкнул.

Мы добрались до клетушки, которая, видимо, полагалась Анжеле как руководителю МО. Шкафы и подоконники были завалены разноцветными папками. Пунцовый классный журнал на столе соседствовал с томиком Цветаевой. «Господа Головлёвы» — с каталогом Avon. Солидную часть стены занимал красный угол: грамоты, дипломы, благодарности. «Награждается Паюсова Анжела Алексеевна...» «Любимой учительнице от 11-го “А”...» Посреди иконостаса — сочное профессиональное фото: Анжела в окружении рослых парней и дебелых девиц с выпускными портупеями. Почти что Тайная вечеря.

Я наконец-то рассмотрел потенциальную начальницу. Легкомысленные кудряшки. Белая блузка. Серая юбка-карандаш. Возраст... неопределённый. Некоторые женщины — словно воск. Застывают на пороге четвёртого десятка и умудряются длить это состояние бесконечно. Вопрос лишь, как давно застыла Анжела?

Она села, прилежно, по-ученически сложив руки. Улыбнулась:

— Признаюсь, Иван, вы — необычный кандидат. Мужчина. С солидным опытом.

Правда, всё больше в журналистике. С детьми не работали?

— Не довелось.

— Своих, так понимаю, тоже нет?

— К сожалению. А может, к счастью. Для них.

— Почему для них? — не поняла Анжела.

— А зачем им такой отец?

Её лицом можно было иллюстрировать слово «смятение»: он неуч? сумасбродит? пьёт одно стаканом красное вино? Последнее, между прочим, недалеко от истины.

— Шутка, — успокоил я. — Часто шучу, и не всегда — удачно.

Старшая над филологами натужно рассмеялась:

— А у меня, знаете, проблемы с... юмором. Вернёмся, однако, к нашим баранам. Кандидат вы интересный, но, как уже сказала, без опыта. И теперь я перед дилеммой. — Она посмаковала «дилемму». Покрутила на кончике языка. — Принять вас или пригласить опытного стажиста?

Я молчал. Дилемма так дилемма. Стажист так стажист. На календаре алело тридцатое.

— Вас, наверное, интересуется зарплата? — не дожидаясь ответа, Анжела взяла калькулятор и застучала по кнопкам, прищёпывая: — Северный коэффициент... Районный... Надбавка молодому специалисту... Категории у вас пока нет...

Развернула машинку ко мне.

Цифра не поражала. Радовало, что хотя бы считают молодым.

— Надо же. Столько бонусов — и такая мизерная сумма.

— Это ничего! — засуетилась руководитель МО. — Вы как относитесь к репетиторству?

— Сугубо положительно. Как и ко всему, за что платят деньги.

Анжела поморщилась, давая понять, что меркантильности не одобряет.

— Репетиторство не запрещено. Заниматься можно прямо в школе. Неплохой приработок! Нельзя быть репетитором только у своих учеников. Кстати, об учениках. Если возьмётесь, у вас будут четыре класса: два пятых, два восьмых. В восьмых есть несколько ребят... с девиантным поведением.

— Придурков то есть?

Её бровь превратилась в апостроф:

— Иван, мы не используем в адрес детей столь резкие выражения.

— Почему? Их же здесь нет.

— Потому что это — непедагогично.

— Я не педагог, как вы верно подметили, а журналист. И знаю, что правильный выбор слов здорово экономит время.

Анжела смотрела с интересом:

— Кажется, понимаю, почему вы нигде долго не задерживались. Пойдёмте, — покажу рабочее место.

Порция блужданий по коридорам и лестницам. И — белая дверь с номером «201».

— Ваш кабинет, — зачем-то пояснила спутница, бряцая ключами. Отворила. Вошли.

Три ряда мышиного цвета парт. Линолеум содран, будто кожа со спины мученика. По стенам паучками разбежались трещины. На потолке — скопище ржавых медуз.

Я присвистнул:

— У вас в школе случаев суицида не было?

— Опять шутите? — свирепо уточнила Анжела.

— Я всегда шучу. Серьёзное выражение лица, говорил Мюнхгаузен, не признак ума.

— Подобные шутки — тем более! А парты можно перекрасить.

— Отлично, где краска?

— В магазине, — сощурилась Анжела. — Чек предъявите председателю родительского комитета. Вам всё возместят.

— А это что?

За стеклянной дверцей шкафа висел пиджак с вытертыми локтями. Среди книг стоял фанерный триптих, унизанный снимками. На всех — улыбчивый человек с круглым, в оспинах лицом.

Андрей Ломовцев

РЫЖИЙ, РЫЖИЙ, КОНОПАТЫЙ...

Рассказ

После выписки из больницы Жорик заперся в туалете. Руки ещё тряслись, он дёрнул задвижку расшатанной двери и замер. Никто его не хватился, не заорал в спину дед, не окликнула мать. Тихо. Тубзик — единственно место, где можно отдышаться. Здесь никто не видит твоих страхов, не спрашивает, не тревожит.

Стояла духота, пот со лба капал на потрескавшуюся плитку и затекал в щель. Противно воняло дихлофосом, то ли другой гадостью, чем обычно мать травила тараканов. В правой руке Жорик приготовил тапочек. Ушлые насекомые превратили два квадратных метра в загородную резиденцию, сновали между ног, приводя сидящих в неописуемый восторг.

В другой руке он держал старенький смартфон. На экране мелькали люди в масках, слышались выстрелы. Посмотрев видео, Жорик успокоился, удовлетворённо сморщил нос, перестал на время бояться и щёлкнул тапочком зазевавшегося усача. Отбросил орудие убийства и смахнул потные капли со лба. Видео получилось, и это главное, можно выложить в сеть, пацанчики будут в восторге. Он нажал кнопку «разместить». Уф. Теперь можно продолжать бояться.

Повод для страхов имелся. Жорик не ожидал, что затея дойдёт до столь неоднозначного финала. Хеппи-эндом точно не назовёшь. Вообразить, что розыгрыш закончится стрельбой, невозможно было даже в фантазии. И в страшном сне не приснится. Но реальность показывала другое: болело простреленное насквозь бедро, обмотанное сероватым бинтом: ходить можно только с костылём. Да ладно он, — раненный в плечо Витёк отлёживался в больничке, и как здоровье — неизвестно, а вот Пан исчез. И только сумасшедшего стрелка арестовали: Жорик слышал в больничке, как шушукались в углу медсёстры.

Андрей Ломовцев — родился в Подмосковье, в стране, которой нет. В период «крушения империи» построил баркас и отчалил в море бизнеса. Учился на психолога. Ночами писал сказки, на лекциях — стихи. Уехал в Индию — искать путь просветления в йоге. Искал долго, с фонариком в позе лотоса. Нашёл политическую карту мира и биржевой справочник. На всякий случай — научился читать справочник и торговать золотом. Объехал полмира и нащупал путь в литературу. Печатался в журналах «Парус», «Причал», «Волга» и других.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2022, № 5.

Вот так история, повеселятся подписчики в инстаграме, а что ждёт его с Витьком, большой вопрос. Не исключено, что и зона для малолеток, по головке точно не погладят. Витька, конечно, отец вытащит, там связи крутые, а Жорика кто?

— Конь в пальто, — пробормотал Жорик, расстроившись.

Хотя. Несмотря на травмы получилось круто. Не, это не травмы, бери выше — боевые ранения.

Конечно, если мотнуть время назад, и Жорик на минуту представил такую возможность, то он сто раз подумал бы: стоит ли повторить. Последствия недооценил, б-р-р. Да ни за что бы не пошёл.

Хотя это видео столько лайков наберёт, жуть! Жорик глянул на счётчик — сорок семь просмотров. За три минуты. Крутяк.

Дверная ручка запрыгала, и Жорик поднял голову. Снаружи в дверь ударили, и злобный голос огрел, словно лопатой.

— Вылезай, засранец, чё заперся!

Дед. С ним шутки не проходят, это не пенсионер на лавочке, этот хрыч старой закалки, как сам говорит, или закваски. Блин — что такое «закваска», Жорик не знал, а надо бы погуглить.

Ему нравилось находить в лабиринтах интернета значения заковыристых слов и выражений. Он записывал их в тетрадку, и там собралось уже под сотню. Многие слышал от деда, а ещё от училок в школе, от Витьки и иногда от Пана. Вечерами, когда нечем было заняться, он перечитывал значения особо заковыристых словечек. Так он узнал про легитимность, фельдгегера, беспредел, икебану и прочее.

Бум, — снова удар. Хлипкая дверь задрожала, угрожая рассыпаться. Жорик вздрогнул, бедро заныло, и вспомнилось, что завтра вроде на перевязку. Он встал, придерживаясь за стену, сунул телефон в штаны, подхватил притаившийся в углу костыль, дёрнул за шнурок унитаза. Под звук ревущей воды, словно под шум прибоя, вывалился наружу, едва не сбив худого старика в грязной пижаме. Поковылял, переваливаясь, в комнату.

— Сучонок, — неодобрительно выплюнул старик в удаляющийся рыжий загривок. Жорик дёрнул плечом, не соглашаясь с определением, но ничего не ответил. Дед распускал руки, потому приходилось держать язык на привязи, не огрызаться, хотя внутри клокотало.

Пыхтя, злясь и потя, Жорик кое-как спустился на улицу. Присел на обтёртую, изрезанную скамейку возле подъезда. Отдышался, огляделся. Солнце лизнуло щёку и завалилось в просвет между домами. Закружился в вечернем танце аромат жареной курицы из окна первого этажа.

Жорик сглотнул слюну, занял желудок в безнадежном ожидании. Эх, пожрать бы неплохо, да мать спит, без неё не разберёшь, что там где осталось. Может, позже. Он нагнулся, задрал снизу штанину, отмотал грязноватый бинт и достал припрятанную сигаретку без фильтра, умыканную утром у деда. В кармане нащупал зажигалку, сноровисто прикурил. Вытянув раненую ногу, расслабился и выдохнул дым в набухающий влажностью воздух.

Из больницы Жорика выписали вчера, ходить разрешили завтра, а курить хотелось давно и безумно! И так, перевыполнены все нормы по воздержанию от вредных привычек.

Пивка бы глотнуть, вздохнул Жорик, умиротворённо прикрыв глаза.

Об этом сумасшедшем военном он вообще не знал, если по чесноку. Вернее — так, понял в последнюю секунду. Перед выстрелом. Он видел, как неизвестный мужик заорал из кустов. Издалека. Слов и не разобрать, но грозно орал, с металлом в голосе. А потом замахал рукой, а может, ещё чем, не разглядел.

Вечерело уже. Не прям вот темень тазом накрыла, нет, просто сумерки. Лёгкие. Зябко стало, может, даже роса выпала. Хотя нет, роса — это позже. Потому что когда Жорик упал, влажности не было, но вот фуражку на мужике он разглядел.

Жорик сделал пару затяжек, голова закружилась, пальцы по-дурачки дрожали. Он не любил свои пальцы: жирные сосиски, потеют противно. Вообще ужасно, когда потеешь, а Жорика пот прошибал постоянно, дед говорил, фактура — уродливая, в отца. Дед батю терпеть не мог, и тот его не любил.

Жорик зажал тогда Пану — дружку своему, лежащему на пыльной дорожке, — рот этими скользкими пальцами. Вдавил русую голову прям в асфальт. Пан глазищи округлил, тоже, небось, противно было, потные пальцы во рту, тот слюни пускал, и краска на волосах, фу. Когда Жорик руку убрал, Пан орать начал, как договаривались. И верещал так, что уши закладывало. Ну, было круто. И краски они не пожалели, вылили Пану на голову всю банку, будто башка пробитая и кровища хлещет. Хотя она реально пробитая, башка-то, у Пана. Ха-ха. Тот ещё придурок. Везде норовит первым сунуться, хочется ему Витька обойти во всех вопросах, да ведь тот — Мозг, как его обойдёшь.

Жорик только за две вещи в тот момент переживал: чтобы маска, из чулка сделанная, не сползла, и чтобы камера не завалилась, они и так долго нужный ракурс выставляли. Палку с камерой прям напротив тропинки пристроили.

И тогда краешком глаза сквозь маску Жорик зацепил, словно сфоткал, Витька с пистолетом. Всё зафиксировал, как на полароид, — как Витёк руку поднял, на мужика наставил. Артист Витёк-то: роль отрепетировал на славу. Движения отточены. Они раз пять тренировались, как оно получится, Пан в пыли извалялся, майка задралась. Правда, на другую реакцию отца Пана рассчитывали. Пан не говорил, что батя военный.

И вот, Витёк с пистолетом в струнку вытянулся, и тут — бах! Будто салют стрельнули. И мужик исчез. В кусты, что ли, укатился. И темнота напала, фонари вдоль аллеи вспыхнули, но горели, словно фитиль наполовину выкрутили. Бах опять, грохот по кустам раскатился, и Витька точно ветром сдуло. Жорик обернулся, не понял толком, что случилось, а Витёк на земле валяется, в кровищи, которая походу — настоящая. Вот кровь Жорик прям отчётливо заметил, и язык прикусил от страха, ощутил солёное на губах. Снова — бах, и как бревном по ноге Жорику врезали, садануло и бросило в сторону. Боль жуткая, как раскалённую иглу в бедро всадили. И он сам на спине, руки в стороны, и небо сверху, и звёзды дрожат, и боль по звёздам пляшет. Навсегда запомнилось. И рот от крика разрывается. Страшно.

Физиономия над ним склонилась, короткий ёршик волос, глаза кровью налитые, и звёзды заплясали в глазах, будто с неба опрокинулись. Это он потом понял, то погоны были, со звёздочками, а тогда аж затошнило, и завоняло перегаром и мужским потом острым от этой физиономии. И зубы в крике, жёлтые, как клыки: «Мудак!»

Сигарета тлела, обжигая пальцы, Жорик стряхнул пепел под ноги. Завтра с утра идти к следователю. Что можно в полиции рассказать, о чём не стоит, Жорик не знал.

Когда лежал в палате после операции на расшатанной кровати и считал мух на потолке, Пан забросил в окно записку: «Ни слова о видео».

Вот и думай. Наверно, и вправду лучше молчать. Жорик насупился и вздохнул, погладил перебинтованную ногу. Хорошо ему, Пану, бегает на своих двоих, вроде как потерпевший, а они с Витьком теперь — бандиты малолетние.

— Жорка, сучий потрох, а, ну домой, живо!

Дед орал, тряся косматой головой в окне третьего этажа. По голосу Жорик безошибочно определял степень его опьянения. И мать, небось, с ним трапезничает — так дед называет их вечерние застолья. Что означает «трапезничать», Жорик уже отгуллил: жрут, значит; так, может, и ему обломится, пора двигать.

Он затынулся напоследок мощно, сжал окурок кончиками пальцев, отщёлкнул в сторону. Искры рассыпались в сумерках.

Они сидели тогда в заплёванной беседке, что на Запрудной улице, рядом с домом. Темнело уже, небо сизое, тяжёлое, вот-вот дождь пойдёт. Делать нечего. Июль. Скучота. Жара стояла весь день адская. Нечасто такое городу выпадает. Они накупились тогда, наплавались, пива чуток глотнули. И сидели расслабленные, влажные, покуривая втихаря, чтоб родители или соседи не заметили. Хоть и по тринадцать, да по шею приложат, не поморщатся. Только Жорик в открытую курил, его не трогали.

И вот Пан, которого вечно идеями колбасило, и говорит:

— Мысль есть, пацаны! Вчера видос смотрел один на ютубе. Вааще бомба. Как в Бразилии людей в ужас вгоняют.

Достал Пан айфон, тот, что у Витька в карты выиграл. Витёк потом неделю отцу врал, типа — посеял. Покрутил Пан кнопочки на экране. Сказал важно так:

— Я даже закачал чулка, а ну, зацени!

И они смотрели. Вау, что это было за видео. Это была — чума. Сердце замирало, ухало куда-то вниз и возвращалось, стуча мячиком о рёбра.

На экране вампиры врывались в вагон метро. Перепачканные кровью, они хватали и кусали всех без разбора, пассажиры орали, потели, бегали выпученными глазами и хлопались в обмороки.

На другом видеосе клоуны расчленили людей огромными топорами прямо в кабинках лифта, пугая ожидающих на этажах людей.

На стоянках, перепачканные кровью, они же таскали за собой якобы ошмётки плоти и отрубленные головы. Водители в жуткой панике металась между машинами. И ведь не разобрать сразу, что это розыгрыш. Не написано на лицах, что и люди-вампиры, и люди-клоуны — подставные актёры.

На тёмных городских дорожках появились привидения в белых одеждах. Выскакивали на дороги, и велосипедисты слетали в кювет, разбивая лица, машины сносили ограждения и сминали крыши.

Около часа они пялились в экран. Много чего посмотрели, ролик за роликом. Потом курили, вздрагивая, и вновь крутили видео, перематывая и вглядываясь в детали. Вкушали материал медленно. Вдумчиво. Рассуждали.

— Прикиньте, как круто. И все бегут. Ха. Будто типа взаправду. А ведь это типа прикол. Розыгрыш. А сколько лайков собрали? Прикиньте, сколько бабла на рекламе гребут? Миллионы. Да так и мы типа сможем.

Это Витёк небрежно кинул, будто сквозь зубы, размазывая потухший бычок вдоль пожелтевшей доски.

Море волнуется — раз...

Стихи для детей и не только

Эгвина Фет

Петралиада (отрывок из поэмы)

Интересно.
Интересно.
Как сказал однажды Фет,
«где находится то место,
где рождается рассвет».

Я когда-то был на Ниле,
на Ниле у меня спросили:
— Сколько времени в России,
сколько времени в Москве?
— Где-то полдень.
— А в Сибири?
— Там, пожалуй что, обед.
— На Камчатке?
— На Камчатке,
на Камчатке гасят свет.

Собеседник оживлённо,
вёсла бросив, заключил:
— Лишь представьте,
как огромен
в том пространстве человек.

На ресепшене спросили:
— Кто вы будете таков?
— Я приехал из России.
Пётр Сеевич Платков.

Эгвина Фет (псевдоним; настоящее имя — Марина Григорьева) — поэт, редактор, издатель. Родилась в 1984 году в Ставрополе. Окончила пединститут Пятигорского государственного лингвистического университета, кандидат политических наук. Редактор литературного журнала «Балкон» (с 2017 г.). Автор книги стихов «Последних полевых букетов шапки» (Ставрополь, 2018). Живёт в Ставрополе.

— А какой язык в России?
— Больше сотни языков.
Пушкин, Чехов, Достоевский,
Грибоедов и Толстой.
— Лишь представьте,
безграничен
там, должно быть, человек,
чтоб владеть таким богатством.
Это ясно, что огромен
в том пространстве человек.

Вот вхожу я в ресторан.
Скатерть белая из льна
на столе, и со стола
лебеди глядят в окошко,
и ковровая дорожка
в виде красного блина.
— Что в России вы едите?
— Я бы съел сейчас слона.
— Вам придётся подождать.

Очень долго ждал я ужин.
Повар, видимо, загружен.
Итальянец ждёт лазанью,
немец — шницель,
англичанин ждёт бифштекс,
француз — лягушек,
Пётр Сеевич — свой ужин.

По дорожке едет блюдо
в направлении его.
Так огромно это блюдо,
Что за этим блюдом — чудо,
что не видно никого.

Поднимают крышку блюда,
где-то так с аэродром.
А под крышкой, а на блюде
восседает целый слон.

И конечно, все сбежались,
чтоб на чудо посмотреть.

— А откуда он приехал —
Пётр Сеевич Платков?
— Из России.
— Из России?

— Как всемогущ
там, должно быть,
как огромен человек,
что за ужин одолет

он огромного слона.
Лишь представьте,
что, должно быть,
за огромная страна!

Пётр Сеевич при этом
угостил своих соседей:
и французов, и германцев,
англичан и итальянцев,
повара, официантов
и прохожих угостил.
Потому что — как же можно
было всех не угостить?!

И сидели до рассвета
в ресторане за фуршетом.
И когда уже рассвет
наступил,
им стало ясно,
что сказал однажды Фет.

Артеми́й Семичаевский

Родственные связи

кошка собаку ударила лапой,
кошке за это затрещину папа
всыпал, как горсточку дробы в карманы,
мурку жалея, истерику мама
папе устроила, выгнала прочь,
маму за папу затюкала дочь,
сделала выговор дочке за это
мамина мама и жарить котлеты
тут же заставила, дочкин супруг
с бранью на бабушку набросился вдруг,
но среагировал дед ветеран —
парень расквашенный нос вытирал,
деда за драку обхаяла внучка,
внучку ждала от брательника взбучка,
брата за этот поступок, однако,
больно за ногу схватила собака,
кошка шипела и злобно мурчала:
всё началось в этом доме сначала

Артеми́й Семичаевский родился в Южно-Сахалинске. Автор двух поэтических сборников: «Революция розы ветров» (2002) и «Весна вдали за горизонтом» (2008). Живёт в Москве. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

Ольга Лапенкова

На небе не одно, а сорок солнц

* * *

Россия — царство необъятное.
Избрал для жительства мой муж
места не самые опрятные,
да своенравные к тому ж.

Холмы, бугры, засилье ельника,
зимой дубарь, а летом зной:
живая пристань понедельника,
где только лисам рай земной.

Что ни дорога — грязь и впадины,
тела раздавленных лягух.
Дом — туша дремлющей громадины —
гремит и стонет скорбный дух.

Но — снова скрылась Златоглавая,
и, бойким пламенем дрожа,
кричит и радуется бравая
приглуповатая душа.

Чего, казалось бы, заходится,
что не поётся ей в Москве?
Ответов не даёт, как водится:
в Россию можно только ве-

* * *

Как будто не ноябрь, но апрель:
летучий снег, насыпавшийся за ночь,
растаял, как под кистью акварель, —
и нежный наш сосед Иван Степаныч
скользит, ступая в сланцах на крыльцо,
чеканит непечатное словцо.

Как будто поломался ход вещей:
узор, что звёзды выложат над домом,
наличие ужей, мышей, клещей
теперь определяется рандомом.
Проснёшься завтра утречком, и — бомц! —
на небе не одно, а сорок солнц.

Лапенкова Ольга Леонидовна — поэт, прозаик, драматург. Родилась в 1996 году в Москве. Окончила в 2018 году Литературный институт им.А.М.Горького (семинар драматургии В.Ю.Малягина). Автор сборника стихов «Москва — Чильчаги» (2021). Живёт в Ярославской области. В журнале «Дружба народов» публикуется впервые.

Как будто пару дней ещё назад
господствовали в мире боль и ссора —
но вот уже насажен райский сад,
куда ни глянь — ни стражи, ни забора:
спеши туда любой весёлый сброд —
и рви что хочешь, хоть запретный плод.

* * *

Наш сосед собрался помирать,
чтобы руки больше не марать
об июльский разноцветный зной,
о февраль с его голубизной.

Белый свет ответствует ему:
«Нынче не положено во тьму.
На сегодня план совсем другой:
тёплый дождь с последующей дугой».

А природа просит у сынка:
«Хочешь в виде за?мка облака?
Хочешь в мае летнее тепло?
Град, землетрясение, гало?»

А потом к нему приходит тьма:
«Что во мне — не знаю я сама.
Ты не трусь, дурашка, я вернусь:
подожди, пока не разберусь».

Иван Удальцов

Шпага, шеврон и шинель

* * *

Много хороших словечек на «ша»:
Шпага, шинель и шеврон.
Пьеса к финалу ползёт не спеша,
И приближается *он*.

Снимет он шубу из меха шиншилл,
Сядет в широкое кресло:
— Ну-ка, скажите, друзья-малыши,
Что вам об *этом* известно?

Иван Удальцов родился в 2002 году в Москве. Студент факультета международной журналистики МГИМО. Публикации в журнале «Юность» и «Учительской газете». Живет в Москве. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

Что вам известно о сущности сил,
Что — о шуршании шёлка
Или о том, кто среди отчих могил
Семки солёные щёлкал?

Что вам известно о лёте планет,
Что — о материях скучных?
Дети, забудьте сей выпренный бред,
Это — удел малодушных.

В мире всё просто, всё в мире на «ша»,
Даже закат и апрель.
Вслушайтесь только, как жизнь хороша:
Шпага, шеврон и шинель.

Татьяна Кизиченко

Играют дети в мире взрослых

* * *

Плавают рыбы в глубокой воде,
Плавают рыбы и смотрят печально,
Льётся из глаз их любовь... Изначальным
Кажется свет их мерцающих тел.

Рыбы безмолвно плывут и плывут,
Их плавниками взволновано море,
Море волнуется — раз, значит, вскоре
Чьи-то фигуры на месте замрут.

Чьи-то фигуры на месте замрут,
В преодоление — навстречу, в безбрежность,
Море волнуется — два, это — нежность,
Трепет впервые коснувшихся рук.

Море волнуется — три, что-то будет,
Зло и добро повторятся сначала,
Плавают рыбы ни много, ни мало
Тысячи, тысячи лет...

Татьяна Кизиченко (наст. фамилия — Касьянова) родилась в г. Усть-Илимск Иркутской области. Живет и работает в г.Ставрополь, в краевой детской библиотеке им.А.Е.Екимцева. Руководитель литературной студии «Изысканный жираф». В журнале «Дружба народов» публикуется впервые.

* * *

Изображая самолётчик,
Кружится мальчик по паркету.
Его война не там, не где-то,
А здесь, в пяти шагах от лета,
В кривом ряду забытых стульев,
Пропахших пылью старых штопок...
На разлинованном узоре
Он видит бой... И входит в штопор.
Из класса танца наблюдает
Ресницы, взгляд как-будто мимо,
Волнение вся... и ожидание
В косичках рыжих балерина
Им пятилетним не знакомы
Большие, сложные вопросы
Он предстоит ответ искомый
Играют дети в мире взрослых
Картинка первая сложилась,
Фрагментов много соберётся,
Когда без сил... когда по силам,
Он в бой уйдёт... Она дождётся

Ирина Краева

Мама. Мыла. Раму

Повесть

Тане Мучкиной

I

Ушла Анастасия на тот свет — и сын её Елисей растерялся.

В тот год ему исполнилось двадцать два года. С виду парень был средней крепости, а документы свидетельствовали: инвалид. Всякая болячка, большая и малая, липла к нему как к родному. На второй день, как Анастасия принесла Лесю из роддома, он захеркал, выталкивая из ротишка ржавую слюнку. К врачам мать не бросилась, до судорог испугавшись: вдруг затеют отобрать сына у недогляды-одиночки. Выпросила у подруги-медсестры ампулы пенициллина, сама ставила уколы в крошечную попку, строго через каждые шесть часов. И на коленях Анастасия била поклоны перед иконой Богородицы, умоляя, чтобы ни человек, ни смерть не разлучили с сыном. А в другой комнате, где не укоряли печальные глаза девы Марии, неистовым шёпотом заклинала «уходить сегодня, приходите вчера» могущественную ведьмачку Марию Иродовну — так научила столетняя соседка. И спасла ведь сыночка, спасла. Всё Лесино детство Анастасия, с остервенелыми, вечно вытарашенными глазами от ужаса потерять золотишку, выуживала сына из соплей, выгребала из поноса, выталкивала из душного жара к жизни. А когда у Елисея-подростка врачи нашли болезнь суставов, обеспечивавшую инвалидность и, соответственно, «белый билет», Анастасия перекрестилась: на военной службе всякое бывает, иногда и не враг — враг, а с хворобами сына как-нибудь уж договорится...

Не желала она ни с кем делиться Лесей. Её был сын, только её — с рождения, от пяток до последнего волоска — тонкого, но крепкого, удивительно чистого золотого свечения. С первой недели жизни из макушки Елисея, а после совершеннолетия из щёк и подбородка словно били солнечные лучи — казалось, и ночью с таким человеком фонарь лишний.

Ирина Краева (Пуля Ирина Ивановна) — прозаик, автор художественных произведений для детей, журналист, педагог. Родилась в 1966 году в Кирове. Автор десяти книг, в т.ч. «Дети неба, или Во всём виноваты бизоны» (2018). Лауреат ряда литературных премий (имени Владислава Крапивина, имени Александра Грина, «Согласование времён», «Новая детская книга» и др.). Лауреат премии журнала «Дружба народов». Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 12.

Мальчик оказался не без способностей. «Художником станет?» — озадачилась как-то Анастасия, увидев, как Леся простым карандашиком вырисовывает трёх богатырей — будто студёным ветром пахнуло и храп лошадей услышала. Отвела за ручку в кружок рисования. Три года Леся там проучилась. А потом педагог начал чёртом выскакивать из кабинета и расхваливать точность руки мальчишки, обдавая Анастасию самогонным душком. Чему пьянь научит?.. Леся не противился запрету на занятия в кружке. Ведь краски у него остались — ещё и лучше, вольнее мог рисовать. Матуся (да, матуся — по-другому мать Елисей не называл) всегда подсказывала, как сделать интереснее «картинки», и переделывал — и ведь правда, те становились лучше. С ними Леся на конкурсах всевозможных побеждал не раз.

А вот с музыкой никакого триумфа не вышло. Учитель пения позвал смиренного Лесю в расплзающийся школьный оркестр, вручил солидный баян. Но когда малец из-за своих хвороб стал пропускать занятия, принялся на него вусмерть ругаться — без Лесино баяна в мелодии из обшарпанных скрипок и мандолин не хватало живого осмысленного напора. «Это ж ему хлеб даю, — орал и на Анастасию учитель пения, — хлеб, понимаешь ты или нет? На свадьбах сколько потом заработает, а он вторую неделю на справке!» От худосочной, камнем застывшей в свирепости Анастасии ругань отскакивала горохом, однако чтобы кто посторонний лютовал на сына — этого она не стерпела... Лесе и в голову не пришло тосковать без полюбившихся мелодий. Нет, так и нет. Несуразный и податливый, водоросль речная, он привык быть в доверчивом подчинении у взвинченной матери, готовой, кажется, и куснуть какую вражину. А вскоре Анастасия купила на базаре у армянки, притащившей на продажу залежалый скарб с чердака, тяжеловатую дуду: есть талант, так выдуешь его, сынок, и отсюда, играй, только играй. Елисей быстро разобрался, что в руках у него благородный дудук, нашёл в библиотеке и книжку, по которой можно было научиться «дудуть». Ему нравилось опускать короткую трость из двух пластин в стакан с водой, затем продуть, изгоняя застрявшие капли, ждать, когда щёлочка в трости откроется правильно, затем плотно вкручивать подготовленный «мундштук» в шоколадную трубку из абрикосового дерева... И являлся такой надрывный, такой завораживающий звук — где-то в океане рыдал о родном берегу огромный корабль, может быть, четырёхпалубный даже. Почти год Леся только этим воплем и упивался.

Иногда какая-то радость взбурливала в парне, и в такие минуты он брал в руки кисточку или дудук. Но в основном его радужная энергия уходила на чтение. Вместе с матерью он пристрастился к фантастическим романам, на них они тратили каждый свободный рубль. Жили, конечно, бедно. Анастасия по служебной лестнице не поднялась выше должности секретаря зернозаготовительной конторы. А после инсульта, случившегося на сороковом году жизни, только тёрла полы — где подвернётся такая возможность. Леся всегда таскал вёдра. Помогал матери и кур ощипывать, поздравления на заказ сочинять — копеечный заработок, а пригодится. С училищем у Леси не сложилось: когда надо было проходить вступительные испытания, он заболел, а пенсия по инвалидности и вовсе усыпила их с Анастасией стремления получить хоть какую-то «корочку», тем паче, что найти стоящую работу — с дипломом или без, — не особо светило. Родственники помогали. По праздникам Анастасия регулярно поздравляла по телефону две-три семьи или посылала открытки с самодельными стихами не очень в рифму. Это давало ей возможность при острой нужде занять тысячи три — конечно, с отдачей. Жили на живую нитку, но соки и тортики покупали по праздникам. Со временем даже стоящий компьютер приобрели. И старый их дом своим видом не позорил хозяев перед соседями. При необходимости Елисей и крышу

перекрывал, и оконные рамы менял. Так и необъявившийся отец наградил его мастеровитостью. Ноги парня подводили, иногда шага не мог сделать без вскрика, но в руках-то сила кипела.

Сокровенная их жизнь с Анастасией начиналась ближе к вечеру, когда ложились на диван голова к голове и раскрывали тома в пёстрых обложках. Вслух читала обычно матуся, тихим, с улыбкой голосом, никем не слышимом, кроме сына. Леся вытягивался возле неё в струночку. Свет от настольной лампы падал лишь на страницы, сумерки съёживали углы комнатёнки, и волшебные нежные воды обступали мать и сына. Всё страшное становилось не страшным — в книге и в жизни. От людоедских драконов несло сырым мясом и опалённым огнём железом, рассыпались высокие замки и взрывались планеты, коварные маги вселялись в тела людей, падали на колени герои и выпивали яд их возлюбленные... Но ведь всё обернётся другой стороной, доброй, и не будет свербеть и ныть в коленях, и дышать станет легче, и очередной сосуд не лопнет у матуси в голове, потому что конец любой страшной истории можно пере придумать. Часто так они сочиняли, со смешочками, в два голоса.

После пятидесяти лет Анастасию ещё сильнее придавили болячки, но она рассчитывала пожить хотя бы лет семь, и поэтому не заморачивала Елисея наставлениями: «Вот когда меня не будет, ты должен...» А ушла в магазин за кефиром и не вернулась, её сбил на переходе заезжий экспедитор, ищущий торговые точки, в которые можно было пристроить на продажу палёную водку.

Вернувшись с кладбища и перетерпев поминальный стол, накрытый соседскими тётушками, Елисей упал лицом в подушку и наконец-то заплакал. И во сне скулил, если бы только кто слышал. Присел утром на кровати — лицо по-прежнему тяжело тянуло вниз, и внутри студнем распласталась тоска. Он снова повалился на скомканное одеяло...

Спустя пару дней всё-таки начал шевелиться, запаривать овсянку, как делала матуся, варить лапшу — остался мешочек самодельной, поджаристой, вкусной. Если кто на улице выражал соболезнование или о чём-то спрашивал, Елисей виновато кивал в ответ, пряча в поднятый воротник оскудевшее лицо. Сосед по забору сказал с участием: «Только жизнь начинается, парень... Глядишь — женишься. Мать бы тебе не дала, слишком любила». Тогда до икоты обдало стыдом — за мужика и за себя вместе с ним, особенно за себя...

Елисей знал точно, что матуся и после смерти не бросит его, глухой разлуки не стерпит. На сороковой день она приснилась ему — радостная, с помолодевшим лицом. Прежде невиданная им у матери серебряная цепочка струилась-сверкала в вырезе платья, на белом поле которого качались, как живые, красные головки маков. Обычно немногословная, матуся не могла наговориться с Лесей, что-то смешное рассказывала... И он вдруг, прямо во сне, понял: вот, оказывается, какая её настоящая душа — молодая и вольная.

Елисей очнулся от сна с улыбкой от уха до уха, пришлось несколько минут устаканивать в голове мир вокруг, чтобы вспомнить: на самом деле матуси ведь нет. Так, с блуждающей улыбкой, дошагал до кладбища в надежде на продолжение приснившейся радости. Постоял пнём у могилы, над которой сиял крест, как вылепленный из застывшего липового мёда. Но тут матуси не было и не могло быть...

Анастасия навещала Елисея нечасто, не каждый месяц. Чтобы приблизить встречу, чтобы быстрее выкликнуть мать из небытия, Елисей пробовал пересматривать фотографии. Нашёл в альбоме снимок, где он первоклашка с длинными гладиолусами, матуся держит ранец... Вот она в актовом зале школы, в первом ряду — пришла

на концерт. А это фото, наверное, сделал кто из соседей: приبلудился котёнок, и мать подсовывает ему молоко на полиэтиленовой крышке... Везде матуся — испуганная, напряжённая, окостенелая... Не из сна, не та, совсем ненастоящая. Елисей засунул альбом в шкаф, под стопку старых изжитых вещей.

Он пробовал перечитывать любимые их с матерью книжки. Однако все слова вдруг оказывались пресными, неряшливо провисали, будто только голос матуси надувал их, круглил, приводил в движение. Леся отступил от привычных книг, вдруг понравилось читать другое: биографии известных людей, стихи...

Иногда он за полночь засиживался перед компьютером, пробиваясь в разверзшуюся жизнь, от которой теперь не было защиты, читал всё подряд, иногда смотрел фильмы. Его мало что трогало, потому что всё казалось неглавным, злобным по преимуществу, не имело к нему отношения. Ни на что он не мог повлиять, ни в чём не хотел принять участие...

Как-то случайно Елисей наткнулся на странный ролик в интернете. Люди в белых и оранжевых балахонах выпевали короткие и непонятные слова. Они выпевали одни и те же слова всё быстрее, всё восхищённее, вскидывали руки и содрогались телами — будто огонь, болький и сладкий, жёг их изнутри. Чернокожий дядька, то и дело отводя от лица напалзающие змеями дреды, дирижировал этим всеобщим удовольствием полными руками. Что-то завораживающее было во всём этом действе и стыдное. «Чёртова секта», — определил Елисей и свернул ролик. Чтобы перебить ощущение брезгливости, избавиться от него, Елисей грохнул кулаками по столу. А треснуло будто что в груди. Он походил по комнате, туда-сюда ворочая затёкшей шеей, отряхиваясь.

Но уже через минуту метнулся к монитору, замер с робкой улыбкой, вглядываясь в чёрный бликующий экран... И белые крылья за его спиной взволновались...

...Одноклассники относились к Елисею так, будто с ними рядом находился гигантский хрупкий кузнечик, который от неловкого движения — раз и поломается, а отвечать им придётся. Так уж настропала их с первого класса учительница, загипнотизированная взыскующим взглядом матери Леси. Витька Мариков как-то поинтересовался у Елисея: «А ты на каком уроке помрёшь?» Тот подумал и ответил: «Могу только на математике». Два года Витька на каждом уроке математики оглядывался на Лесю, пока вконец не разочаровался: живёт и живёт сопливунчик, не помирает. Никто из ребят в классе так и не сдружился с Лесей — мешал сияющий вокруг него ореол величия убогого нездоровья. А со Светой Ромашиной он познакомился в больнице, где им обоим удалили воспалившиеся аппендиксы, — как-то на полднике они за одним столом лопали яблочное пюре из баночек и расщебетались. Затем всю последующую школьную жизнь Света Ромашина приходила к Елисею домой, чтобы подтянуть по разным предметам и просто попить чаю с оладьями. И так вышло, что не только одобрительное её слово, но и простой кивок по любому поводу, ценились Лесей и Анастасией высоко и сердечно.

И когда всё сложилось в голове Елисея, когда он, наконец, всё главное определил для себя, к кому он мог пойти за одобрением, даже за благословением, что ли? Только к Свете Ромашиной. Не пойти, а поехать. Потому что Света уже несколько лет жила в областном центре, окончила педагогический университет, вышла замуж за электрика Серафима и родила Петюню.

— Ну ты даёшь, Лесечка! — ворковала она, осторожно перекладывая один разрисованный ватманский лист за другим. — Всё сам нарисовал?

Анна Шипилова

Улыбаясь про себя

Рассказы

Дети отца Ярослава

— Мои родители — послы, — говорит Саша и вяло машет бледной худой рукой, когда автобус отъезжает от памятника Долгорукому. — Мы живём тут, в Газетном переулке, а дача у нас на Николиной горе, рядом с Михалковым. Смотрел «Утомлённые солнцем»? — Он поворачивается к соседу.

Сосед пожимает плечами.

— Он мой двоюродный дед, это значит, что мой папа его племянник, — продолжает Саша, вытягивая ноги. — Родители завтра собираются в Кабо-Верде, а меня решили отправить в лагерь, потому что у них там лихорадка денге, а у меня аллергия на комариные укусы.

Саша внимательно разглядывает соседа: у того крашенные волосы, яркий бомбер, рваные джинсы и кеды с разноцветными шнурками.

— Родители разрешают тебе красить волосы? — спрашивает Саша.

— Мне мама сама их покрасила, когда год закончился, — гордо отвечает сосед. — Сказала, что летом всё можно.

— Я Саша, в честь Александра Македонского.

— А я — Игорь, как в «Слове о полку Игореве», — увидев Шашины округлившиеся глаза, он со смехом добавляет: — Да я не знаю, в честь кого, я приёмный.

Они жмут друг другу руки.

Соня, сидящая рядом с водителем, встаёт и ещё раз пересчитывает всех по головам. Поздно спохватилась: переписывалась. «Расстаёмся с Димой на три недели, — записывает она голосовое сообщению подруге, — ждала его, даже отправление автобуса задержала, а он проводить не пришёл. А когда он на сборы уезжал, я к нему приезжала в часть в Кострому, зимой каждый день готовила домашнюю еду и носила ему в контейнерах. Снимала комнату у какой-то бабки, которая не разрешала его ночью водить, — выгоняла. А я зачем сняла тогда, просто так? Кострому посмотреть?»

Шипилова Анна Константиновна родилась в Москве в 1989 году. Окончила ВГИК им.Герасимова. Рассказы печатались в сборниках издательства «Эксмо».

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 2.

Водитель всю дорогу крутит колёсико радио: «Швеция выиграла Чемпионат мира по хоккею, у России — бронза, погода на выходных обещает быть жаркой, сезон шашлыков уже начался, передаю привет моей любимой жене и дочурке, спикер Государственной думы выступил на совещании, на “Евровидение” от России поедет...» — чем ближе они подъезжают к лагерю, тем слабее сигнал.

— Наша задача — каждым делом удивить ребёнка, — объясняет на общем собрании старший вожатый Сергей Степанович.

Ему лет тридцать пять — Соня разглядывает его и думает: «Почему в таком возрасте он работает в детском лагере?» Выданная футболка ей велика — она завязывает узел на животе, чтобы футболка её не полнила, и ловит неодобрительный взгляд медсестры. Соня подворачивает широкие рукава, открывая красивые руки, вытягивает длинные ноги в проход ей назло и обмахивается памяткой по безопасности — жарко. Сергей Степанович говорит заученно, но в то же время проникновенно:

— Нужно вожатской работе отдать всё: ум, способности, силы, здоровье, годы. И вспоминать её потом с удовольствием. Это должна быть не работа, а дело жизни. Нельзя относиться к ней спущая рукава.

Соня, зевая, ставит Тиндер и смахивает фотографии то влево, то вправо. Увидев, что Женя, соседка по комнате, тоже смотрит, Соня показывает ей поближе фотографии «Иван, 33»: в лифте, на рыбалке, на шашлыках, за рулём квадроцикла. Женя качает головой, и Соня смахивает влево.

— А я из пистолета стрелял, — заявляет Саша, и когда никто не реагирует, повторяет громче: — У водителя моего папы табельный.

Их отряд учат стрелять из лука в лесу по мишени на дереве.

— Макаров? — спрашивает Кира.

Саша кивает. Его стрела улетает куда-то в кусты.

— У моего папы тоже такой есть, но он мне не разрешает его трогать, мы в тир иногда ходим. — Стрела Киры попадает в десятку.

Игорь восхищённо смотрит на Киру и подаёт ей новую стрелу, она не глядя берёт и кладёт оперение на тетиву, вскидывает лук и прищуривается. Саша отходит к Жене и раздражённо говорит:

— Дайте мне другой лук. Мой кривой, я из-за него попасть не могу.

По телевизору в изоляторе целый день идут сериалы. Игорь лежит на кровати с температурой: померили и решили на всякий случай отправить на карантин, чтобы никого не заражал. Медсестра утром поставила на тумбочку его завтрак — остывший блин манной каши из столовки, — включила телевизор и ушла. Показывают «Отца Ярослава»: молодой священник расследует похищение начальника ЖЭКа; потом сразу вторая серия: отец Ярослав распутывает дело об убийстве и выясняет, что известный спортсмен участвовал в подпольных боях, — но тут Игорь засыпает и просыпается на другом сериале: какие-то крестьяне в колхозе не могут достроить коровник, а доярке не разрешают развестись с мужем, говорят, что у них же дети. После новостей снова сериалы: то инженер из маленького города уходит от жены к своей школьной любви, которая живёт в столице, то девушка приезжает из провинции в Москву и выходит за бизнесмена, но он оказывается ревнивым и избивает её за яркую помаду.

После обеда в соседнюю палату приводят Киру с вещами — Игорь выглядывает в коридор и слышит разговор:

— Только не говорите маме, что я заболела, — просит Кира. — У неё истероидное расстройство, ей нельзя волноваться. И папе тоже не говорите, а то придет и заберёт, повезёт на рыбалку или на охоту комаров кормить и «Ленинград» слушать.

Кира заходит к Игорю, приносит запрещённые в лагере карты, садится на кровать с ногами, выигрывает у него несколько партий в дурака, а потом залезает под колючее одеяло и показывает фото в телефоне:

— Это я была с родителями в Турции, а это была вечеринка у бассейна в отеле, а это моя сестра. У тебя есть сёстры или братья?

Игорь мотает головой.

— Я не знаю, со мной в детдоме никого больше не было.

— А у меня старшая одна сестра, но у нас разные отцы, она от маминого первого брака, неудачного.

— А второй брак удачный? — спрашивает Игорь.

— Да не особо, по-моему, — немного подумав, отвечает она.

— А моя мама не замужем, — говорит Игорь, — ей даже сначала меня не хотели отдавать, говорили, зачем матерей-одинокоек плодить, потом пособия всем выплачивать.

— А ты маме сказал, что ты в изоляторе? — спрашивает Кира.

— Да, я ей сразу написал. Она ответила, чтобы я не волновался, она заберёт меня, если станет хуже.

— А я своим не хочу говорить, — Кира накрывается одеялом с головой. — Будет грандиозный эль скандал, если мама сюда придет. Лучше пошлю им вчерашние фотки.

Она отправляет фото со стрелой в центре мишени в семейный чат, папа присылает в ответ «палец вверх». Кира вздыхает, откидывает одеяло и шлёпает босыми ногами по прохладному полу в свою палату.

Женя ищет на складе подушку не из перьев, щупает каждую и ругается сквозь зубы, когда колется чем-то острым. У Саши из её отряда аллергия на воду — поэтому он не может купаться, аллергия на солнце — поэтому он не гуляет и не загорает, аллергия на цветение — поэтому ему нельзя в лес, а теперь оказывается, что ещё и на животный белок — и поэтому он не может спать на выданной ему подушке. Она слышит, как он говорит кому-то за дверью:

— Я не думал, что подушки из перьев ещё кто-то использует. У меня дома уже давно гипоаллергенные, и во всех отелях, в которых мы бываем с родителями, — тоже.

После отбоя Соня вылезает через балкон на дорожку, чтобы не проходить мимо вахтёрши, — за ней приехал полицейский уазик. Она объясняет Жене, что «Иван, 33» ей попался ещё пять раз, и она, наконец-то, его лайкнула, потому что больше здесь никого нет.

— Ты уверена? — спрашивает Женя, поднимая брови.

Соня отмахивается.

— А что? Он же мент, чо он мне сделает, его же уволят потом. Покатаемся с ним, потом поплаваем, он обещал показать красивое место. Запошу фотки, и Дима быстро прискачет.

В выходные Сашу неожиданно навещает бабушка. Первым делом она заходит к вожатым узнать, где холодильник, чтобы положить яйца и шмат сала. Женя язвительно интересуется, нет ли у Саши на сало аллергии.

— Аллергии? — удивляется бабушка и отрезает: — Не выдумывайте.

Бабушка заходит к Саше в палату, всем жмёт руки, проверяет, как заправлена его кровать.

— Я же тебя учила, ты меня не позорь тут. — Бабушка глуховата и говорит громко. — Веди себя хорошо, мне бесплатную путёвку в собесе дали на тебя. В следующий раз не дадут, если будешь хулиганить. На что у тебя аллергия-то? Ты же на деревенском молоке рос, всё натуральное, никакой аллергии ни на что у тебя нет.

Бабушкины пирожки Саша забрасывает под кровать, где они ещё долго тухнут.

Кашляя и пошатываясь, Саша приходит в изолятор и жалуется, что заболел, — медсестра смотрит на его бледное лицо, выдаёт градусник, он незаметно нагревает тот на солнце до тридцати восьми, сев около окна. Когда его приводят в палату, он кивает смотрящим телевизор Игорю и Кире. Игорь пожимает ему руку, Кира улыбается: про его бабушку они ещё не знают. Саша попадает на интересную серию: в тёмной подворотне драка, отец Ярослав вступает за кого-то, а утром ищет нападавших, в следующей серии расследует пропажу дорогой иконы, в серии после новостей — самоубийство, а узнав, что это было убийство, сам отпевает жертву. Полиция каждый раз арестовывает не тех, и отцу Ярославу приходится искать настоящих убийц и воров.

— Вырасту и тоже буду священником, — решает Саша. — Буду расследовать преступления.

— Священники не расследуют, это кино, — отвечает Кира, шмыгая носом.

— А я буду священником и полицейским, — настаивает Саша. — Сначала окончу полицейскую академию, а потом священническую.

Во время прощального костра Соня плачет — Сергей Степаныч неодобрительно смотрит на неё, потом отводит и выговаривает, не отпуская её локоть:

— Нельзя показывать своё плохое настроение детям. Вожатый должен всегда быть жизнерадостным и являться примером.

Вернувшись к костру, Соня шепчет Жене:

— Ваня сказал, что женат и ему не нужны отношения, а Дима со мной расстался, увидев наши фотки...

Женя смотрит на Киру и Игоря: они о чём-то тихо разговаривают, до неё доносится:

— Ты можешь приехать в гости, мама написала, что будет рада моим друзьям.

Кира кивает и приваливается к плечу Игоря.

Саша сидит на бревне поодаль, рассказывает младшему отряду:

— Я буду расследовать преступления так: ко мне все будут приходить и исповедоваться в них...

Сергей Степанович берёт гитару и с деланой хрипотцой запекает: «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...» Женя слушает и улыбается: «А голос у него очень красивый». Девочки смахивают слёзы, мальчики молча смотрят в костёр, а огонь поднимается всё выше и выше, стреляя искрами высоко вверх над кронами деревьев.

Галина Данильева

Два детских дебюта для взрослых

Дебют под музыку из тюремного окна

Мама собирала чемодан. Большой. Я — маленькая. Тёмный (дерматин) снаружи, светлый (бумага) внутри. Хотя и соединял он в себе множество запахов (колбасы, печенья, сухарей, сухофруктов и ещё чего-то типичного для не больничной передачи, кроме махорки-папирос — папа не курил), но главенствовал, забывая все остальные, запах земляники. Чрезмерный и густой, немножко, как мне казалось, пластмассовый — так пахли «голыши» из целлулоида — запах земляничного мыла. Много-много кусочков-кубиков с весёлыми земляничками на обёртке.

Мы собирались к папе. В Куйбышев. Слово «тюрьма» не произносилось. Произносилось: «папа работает». Как работает? Бывшим военным? Се-кре-та-рём парт-ко-ма. Кабинет. Кожаные диван и кресла. Москва III. Резерв проводников. Северная железная дорога: Москва — Владивосток. Это словарь моего детства, юности, то есть из разряда того, что запоминается навсегда.

Да и родилась я поблизости, в Марьиной роше. Мама приехала получать деньги за предродовой отпуск в тот же Резерв проводников восточного направления (кажется, точно вспомнила, хотя дорога всегда называлась Северной), схватки, «скорая», ближайший роддом. И вместо желанного,жданного сына — дочь-лягушонок. Да ещё слепая — так показалось маме, — ни зрачков, ни белков. Открыла глаза — две фиолетовые лужицы. Записка, почти извинение, папе. И его не-укор — утешение, радость, принятие.

Каждый день после работы приносил он своему Галчонку новый чепчик. День — чепчик. Чепчиков много. Дней мало. Арест. Мамины хлопоты. Письма. Фотографии. Мамино отсутствие — работа, работа. Мамино присутствие: тепло, уют, баловство, праздник.

Вот уж точно про тогдашнюю мою жизнь — «животное полосатое». И не очень-то ручное.

Данильева Галина Алексеевна — поэт, прозаик. Родилась в Москве. Окончила в 1971 году МГТУ им.Баумана. С 1994 года работает в Доме-музее Марины Цветаевой в Москве; старший научный сотрудник. Печатается с 1989 года в журналах «Грани», «Юность», «Литературная учёба» и других. Автор пяти книг стихов, среди них «Между встречей и встречей» (2012), «Бабочка — меж рам» (2014). Лауреат многих литературных премий. Живёт в Москве. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Мучительный отрыв, попытка укрыться на третьей полке, в подушках-матрацах. Поезд Москва — Владивосток, «первый», который, возвращаясь, превращался в «двойку». Извлечение обманом — дядей Колей, мужем тёти Дуси, папиной сестры. Дядю Колю любила, жалела по-детски, понимая и не понимая, за что. Жизнь-ожидание с бабушкой Марфой возвращения мамы. Сетка, в которую при свете рыжего абажура собирала своё богатство. «Богачество» девочки, которая, услышав, как соседка-учительница назвала её сироткой, говорила о себе, склонив бритую голову к плечу, с печальной, с какой-то старушечьей интонацией, отчаянно картавя, и потому получалось не что иное как «селёдка»...

И вот мы с мамой едем к папе! «Селёдке» осенью исполнится целых четыре года. Конец лета или середина? Жарко. Беленькое платьице с крылышками. Соломенная шляпка с вишенками, ромашками и васильками на бритой, но явно белобрысой голове. Ликование: к папе, которому на маминых письмах уже делала свои приписки печатно-крупно с буквами Р и К, написанными зеркально. Папе нравилось. Он в письмах к маме, бабушке и всем, тогда многим домашним писал слова ей, только ей одной на свете, своему птенцу ненаглядному, позднему и единственному. «Галчонок, когда мама скажет тебе, что это — папа, не иди к нему на ручки, пока не увидишь орла на груди. Первым делом попроси показать орла, если покажет, значит, верно, это я, твой папа». Стараюсь припомнить точно. Письма, к сожалению, не сохранилось, но мама столько раз его мне читала, и ещё больше раз мы вспоминали то, что было потом — исполнение наказа!

Вагон помню хорошо. Судя по всему, он был плацкартным. С ребёнком всегда (и почти всегда охотно) общаются взрослые попутчики. А я так смешно картавила. И с такой готовностью отвечала на извечные вопросы взрослых: «Как тебя зовут? А как зовут маму? А куда вы едете? А сколько тебе годиков? А как зовут папу?» С лёгкостью — на все вопросы и даже на тот: куда же мы едем и где наш папа? — Да, папа работает. У него кабинет с большими окнами. Я буду прыгать по кожаному дивану и прятаться за огромными креслами.

И вновь слово «тюрьма» не произносилось. Но взрослые как-то не очень уверенно покачивали в знак согласия и удовольствия головами, какую-то печаль, жалостливую печаль я видела в их взглядах и тихо, про себя, недоумевала. Поглядывала на маму, будто требуя поддержки, надеясь на неё, её взыскаю. Мама молча кивала, улыбалась. Вероятно, она попутчикам, не скрывая по своему прямому и смелому характеру, характеру безыскусному, папину «работу» назвала истинным словом.

Мы сняли комнату? Угол? Может, даже просто кровать одну на двоих у какой-то доброй, светлой, ласковой хозяйки. Домик с живыми сумерками от окружающего его сада. С домоткаными половичками на чистом полу, кружевным подзором (как у бабушки!), огромными (я могла поместиться целиком на одной из них) и воздушными подушками.

В ту пору не только деревья были большими, большими, почти до неба (уж точно до крыши дома!), были цветы. Под ними-то (подсолнухами, георгинами?) меня и сфотографировала хозяйка. Карточки прислала нам по почте — маленькие, туманные, даже не чёрно-белые, а какие-то молочно-призрачные. На них улыбающаяся кроха будто из Лилипутии в стране Гулливера: ручка не толще стебля огромного растения, которое зонтиком цветка склонилось над моим бритым не-высочеством...

День встречи с папой — сви-да-ние! День моей первой в сознательной жизни встречи с папой, которого люблю так сильно, мучительно-радостно, будто предчувствуя краткость нашего земного «вместе». Он погибнет у меня на глазах, когда

мне не исполнится ещё и девяти — в октябре исполнится, а он уйдёт в июле, 28-го. Я пойду в четвёртый класс без него. Да, в четвёртый, потому что в первый (с ним!) я пошла, когда шести не было.

Воспоминания о дне встречи с моим папой исключительно чёрно-белые, не очень контрастные, будто всё запорошено серым. Но не тускнеющие с годами, поверьте. Даже в хозяйкином саду цвета цветов, *того* цветка, что на фотографии, не назову. Помню запах, запахи. Они цветные.

Дом, где заключённым разрешались встречи с близкими, тоже видится серым... Длинный. Приземлённый. Точно не каменный-кирпичный, а деревянный, барачный. С пахнущими сыростью вымытыми полами. Много народа. Звука нет. Немое кино. Молчаливое ожидание? Шёпотом переговариваются? Или я *так* жду *папу*, что слышу только звук своего нетерпения (сердцебиения?), идущий из глубины моего тщедушного существа? Стол. Длинный. Пустой. Кажется, что пришедшие из лета (наша с мамой сторона) — только женщины (детей не запомнила), а те, кого мы ждали, вошедшие из дверей, что с другой стороны, — только мужчины. Возгласов не помню. Помню: мы сели, папа — через стол, напротив.

Мама: «Галинка, это твой папа».

Я: «Покажи орла».

Папа молча, из раненого глаза — слёзка, улыбаясь, расстёгивает китель без погон с блестящими пуговицами. Под кителем — ничего.

Папа так и ходил до самой своей ранней смерти (в сорок пять) только в военной одежде. Без погон, но с орденскими планками. Его любимый габардиновый плащ? пальто? — последнее, что они с мамой купили. Одежду папе они всегда покупали в Военторге, что на Знаменке, ведущей теперь к Новому Арбату, которого тогда и в помине не было. Был, как, впрочем, и теперь остаётся пострадавший от перемен внешних больше, чем от тяжести времени, единственный и неповторимый московский Арбат — Рабат — горбат...

Орёл парил, расправив крылья, на папиной груди. Красивый. Совсем не пугающий, не противный, тщательно и не слишком ярко прорисованный. Когда он появился на папиной груди? Где? Вероятнее всего, здесь и появился, исполненный несомненным умельцем. Папа, прибившийся к военной службе сызмальства — участвовал в Финской войне мальчишкой, — рассказать успел мало из-за краткости нашей совместности и моей девчачьей малости. Что его сподвигло поселить орла на груди, — не знаю.

Увидела и... уснула. Мама рассказывала, что меня — спящую — передала папе через стол (позволили!), и всё свидание я проспала на его руках впервые после периода «чепчиков».

Вот и вся встреча. О чём они говорили с мамой, и говорили ли, — я не знаю. Как мне спалось под крыльями папиного орла? Наверное, так, как никогда раньше в моей огромной четырёхлетней жизни.

Видимо, папа рассказал маме, как отыскать окна его «кабинета», и они условились о ещё одной встрече на прощание, перед нашим отъездом в Москву. И мы пошли к папе ещё раз. Какой-то ров или насыпь. Тюрьма — большое серое здание, скорее широкое, чем высокое. И много-много окон. Окна большие, с решётками — явными, чёрными, но не мелкими, а с расстоянием между прутьями таким, что не только машущие руки проходили, а, мне казалось, подними меня мама, протяни папе на руках, я бы тоже протиснулась и оказалась бы в «папином домике». Но руки должны были быть не только крепко-надёжными, а ещё и длинными-предлинными.

Мы увидели в одном из окон какого-то срединного этажа папину голову и приветствующую руку. Мама показала мне, куда надо глядеть. Я тоже стала махать сразу двумя руками, совсем как глупый, пытающийся взлететь птенец.

Мама: «Галинка, покружись для папы, потанцуй».

И начался этот детский, нелепый, неповторимый танец вне жанра, вне ритма, вне времени.

Рядом с папой, с папиными разделёнными решётками хлопающими ладонями появилась незнакомая голова, потом эта голова — чёрная, кудрявая, красивая (я всё разглядела, даже танцую) — переместилась к другому окну. Это был человек с аккордеоном. Он как-то примостился, может быть, на выступе подоконника, и заиграл. Музыка было хорошо слышно, будто во всём мире, а не только в городе Самаре — Куйбышеве, все другие звуки затаились, примолкли.

Бритая девочка в платъице с крылышками танцевала для своего папы, для всех пап, которые были отделены от мира с его временами года, от чуда детства своих детей, от ласки и тепла любимых, усталых, исстрадавшихся от разлуки женщин, от разлуки, почему-то вновь выпавшей им, пережившим горе разлучённости войной.

Акордеон выводил мелодию, похожую на солнечный дождь. Этот дождь, я знала отродясь, называется «Царевна плачет»: слёзы сквозь улыбку или наоборот. Девочка кружилась, теперь уже подчиняясь музыке. Рук за решётками становилось всё больше и больше. Это было иначе, чем аплодисменты. Я понимала, понимала даже тогда — это был дебют, дебют под музыку из тюремного окна. Первое публичное выступление, которое и дало отваги на жизнь, что была впереди.

Дебют на венском стуле

Куда уйти? Уйду лицом в ладони.

Белла Ахмадулина

Не уйду лицом в ладони от смущения — расскажу — напишу. Ведь столько раз — с этого началось моё припоминание жизни — было уже рассказано в ласковых посиделках vis-a-vis или домашних застольях. Впервые — случайно, а позже — уже по просьбам — рассказом грустно повеселить. Бывает так? Да может, только так и бывает в этом грустном и прекрасном мире. Давно живу в согласье с Буниным, сказавшим: «Как ни грустно в этом непонятном мире, он всё же прекрасен». Одно бы слово изменила: *непонятном* на *непостижимом*. А может, и ещё одно — *грустно* на *печально*... Нет, всё-таки *грустно*! Конечно же, лишь *грустно*, потому что — грустно-радостно... А печаль, печаль — отдельная страна.

Ещё одна причина *уйти лицом в ладони*: классика править принялась! Хорошо, что вовремя опомнилась... Но ясно же, что это не правка — додумывание по-своему, дорастание до понимания, встав на колени.

И чтобы не возвращаться к оправданию смущения и бесконечного откладывания написания того, что, по сути, было или должно быть первым в цепочке припоминаний, объяснюсь.

У Ариадны Эфрон, дочери Марины Цветаевой и абсолютного вундеркинда, я прочитала следующее: «...Знаю лишь, что в пятилетнем возрасте я, естественно, не была ещё знакома с любовной лирикой Блока...» Известно, что чтением стихов любимейшего из любимых поэтов своей гениальной матери Алечка просто ошеломила,

Алексей Колесников

Недоразумение

Рассказы

Дымоход

Осень теперь, поэтому я вспомнил.

Самое первое Первое сентября. Родители нарядили меня в костюм-тройку, дали гладиолусы, показали, где держать, чтобы не сломались, и отвели в школу. На линейке выступал директор, потом какой-то мужчина в тёмных очках и, наконец-то, из колонок такие же дети, как я, только более талантливые, затянули: «Учат в школе». Здоровенные одиннадцатиклассники, одетые, как певицы в клипах, провели нас вокруг стадиона и ушли курить за тир. После состоялся первый урок, на котором не заставляли писать и читать; учительница рассказывала о значении книги в жизни каждого человека.

— Серёжа, скажи нам: для чего нужно читать?

Мальчик долго не решался, скручивая в валик край пиджака, а потом наконец-то сознался:

— Не знаю.

— Может быть, для того, чтобы становиться лучше, Серёжа, а? Как думаешь? Серёжа, подними голову. Ну, подними! Чего ты испугался? Не бойся, Серёжа. Ты согласен со мной?

Серёжа тихо заплакал, вжимаясь в пиджачок.

Мне было жаль его, и я тоже не знал, зачем читать книги.

После урока нас отпустили домой. Я очень устал из-за жары, пережитых впечатлений и узких туфель. Хотелось поесть и посмотреть телевизор. Я заметил, что встречные разглядывают меня внимательно и ласково. Сняв бабочку, я сунул её в карман — не задохнётся, не настоящая. Пыль липла к туфлям, пахло прелой травой.

Дома шла работа. Родители тогда ещё строили дом, поэтому повсюду сновали друзья отца — строители. Сам он сидел на крыше и со свистящим звуком прибивал шиферный лист.

Колесников Алексей Юрьевич родился в 1993 году в Белгороде. Образование высшее юридическое. Печатался в журналах «Новая Юность», «Нева» и др. Живёт в Белгороде.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 9.

Это был наш дом, то место, где я должен был вырасти, а родители состариться. Главная точка на земном шаре.

— Ученик пришёл, — объявил один мужик, закуривая.

— Иди ешь, — позвал меня отец. — Мать картошки поджарила.

Есть не хотелось. Я сел на перевернутое ведро, положил пиджачок на коленки и стал следить за работой. Вскоре отец слез с крыши, о чём-то поспрашивал меня и ушёл к мужикам, которые в тени сарая стояли толпой над деревянным стулом. Из их угла пахло свежим огурцом.

Пора поесть и мне. Я направился в наш дом с одной-единственной готовой комнатой, как слышу — плач. Я замер и прислушался: не плачь, а писк. Кошка!

Я обошёл дом, заглядывая под всякие тропки, вёдра с присохшим раствором и всё такое, — ничего. Сходил в погреб, осмотрел сливную яму, корыто с водой, вышел на огород. Вернувшись в исходное место, я вновь прислушался. Мужики говорили громче и матерились. Это мешало и сбивало, но я всё равно разобрал кошачий плач.

— Кошка где-то плачет, папа.

— И пусть.

— Она сильно плачет.

— Где?

— Не могу найти.

В тот день отец выложил дымоход из красного кирпича. Он торчал над крышей, как палец великана. Кошачье существо плакало оттуда.

Здрав головы, мы смотрели на дымоход. Кошка кричала со дна, где-то на уровне наших глаз, вернее, глаз мужиков — я-то был крошечный.

— Только разбирать.

— Может, крюком каким подцепить и вытянуть? А ну, дай верёвку!

— Нет. Только разбирать.

Начались споры. Большинство считало, что ломать дымоход из-за кошки глупо. Мужики толковали. Горячились, курили, рисовали палками по песку. Отец просил их не материться:

— Не ругайся! — прикрикивал он на того или иного.

Работа остановилась. Они пробовали совать в дымоход верёвку в надежде, что кошка вцепится когтями, искали способ вынуть нижние кирпичи, но всё сводилось к тому, что или разбирать дымоход, или, как сказал один седой мужик, мешок бензином облить, в дымоход палкой затрамбовать и спичку бросить.

— А снизу нельзя? — спросил я, услышав это предложение.

— Никак.

— Может, подождать, пока сама вылезет как-нибудь?

— А нервы?

В общем, я всерьёз подумал, что кошку или сожгут, или она там будет долго плакать, умирая от голода. Я всё стоял под яблонькой и ждал решения. Его принимал отец. Я видел это по сосредоточенному, расстроенному лицу.

— Ты иди, — сказал мне он в который уже раз. — Обедать давно пора. И переоденься.

— Ага, сейчас, — соврал я, заподозрив плохое. — А дымоход долго разбирать? Это дорого?

Он посмотрел на меня и ничего не ответил. Высокий, сильный, в драных джинсовых шортах, с широкой, густо поросшей чёрными волосами грудью, смуглый и пыльный, с густыми капельками пота на лбу.

Все мужики занимались покрытием крыши, а отец возился с дымоходом. К вечеру, когда солнце, и само измучившееся и измучившее нас, уплывало за дубовый лес, отец вынул замусоренного чёрного котёнка, ещё вчера, видимо, слепого. Тот недовольно пищал и царапался. Мать напоила его молоком, а один из мужиков предложил половинку котлеты. Котёноклизал молоко, понюхал какую-то травку и улёгся спать. Целые сутки, кажется, спал.

Пошёл дождь. Котёнка я отнёс в дом, мужики разошлись. Особенно долго отцу пришлось выпроваживать того мужика, который предложил идею с мешком. Он был очень пьяным и всё обещал, что скоро поднимется и пойдёт. Не уходил тем не менее.

Разобранный дымоход выглядел как разбомблённый, как сломанный зуб, как лишний элемент, как неумелая работа. Он не походил на памятник гуманизму.

Утром отец приступил к его восстановлению.

Теперь осень, и дымоход уже дышит. Вернее, наш дом дышит через него вот уже двадцать лет. Сколько было всего в этом доме.

Отец постарел. О маме молчу.

Я посещаю этот дом едва ли раз в месяц. В нём уже практически нет меня и моего. Он меня отпустил, понадеялся, что я справлюсь. На хорошее во мне.

А котёнка, его судьбу, я не помню совсем. Столько их передохло от клещей и собачьей ненависти. Их в деревне никто не считает.

Снежинки

Много знаю про снег. Про снежинки мало.

Об этом впервые думаю, пока воспроизводится плохого качества видео на старом компьютере: частный кусочек моей жизни. Скользит родительский дом, раскорячившийся фонарь, потом дубовый лес с тарзанкой на ближнем дереве, и вдруг движение камеры прекращается: снимаю снег, который просеивается сквозь луну.

Родители говорят, что в детстве я плакал и просил, чтобы весь снег съели собаки. Видимо, он мешал каким-то детским радостям.

А потом отец повёл нас с собакой в лес, где снега было полно. Помню тот огромный сугроб под дубом, в котором я тонул и всерьёз боялся, что задохнусь в нём. Пёс от напряжения горбился, а потом летел к ручейку, который почему-то не замерзал.

Выходили на лёд. Я расчищал снег ботинком и видел мутное небо под ногами. Холодное небо в царапинах.

Когда-то летом я видел снег. Трудно в это поверить, но теперь, когда я впечатлениям доверяю охотнее, чем памяти, кажется, что действительно в дорожной колее у соседского забора сохранился снег, а я разглядывал его в одной рубашке.

Какой-то упрямый снег, не пожелавший вовремя стаять. Бунт неразличимых снежинок.

Мало знаю о них.

Помню, как вернулся домой, и бабушка мне обметала снег веником с ботинок. Я — ростом чуть больше веника, потный и алый. Вмёрзший в варежки снег выдёргивал зубами и ел вместе с шерстяными ворсинками. Чтобы варежки не терялись, их связывали резинкой с множеством узелков.

Где теперь эти варежки?

Потерял.

Помню, как яростно сыпал снег в ту зиму, когда я только пробовал сигареты. Серым утром выходил из дома, тайком прикуривал от спички и брёл в школу, скользя по нечищенной дорожке сквозь пейзаж нашего унылого посёлка. Жирные вороны следили за мной с замороженных деревьев, а я их уже не боялся. Мне было очень много лет, серьёзный возраст — пятнадцать зим. Уже тогда я ждал окончания школы, чтобы уехать в город в новую взрослую жизнь, не понимая, что жизнь одна — детская. Остальное — недоразумение.

Городской снег отличается от сельского. Он грязный, с реагентом и пахнет выхлопами. Его сгребают в унылые горки. Слежавшийся снег, лишённый сказочного движения, — пошлый. Но этот, который сыпет — нежный, молодой, мокрый, — очень хорош. Особенно, если ещё и туман расплылся и вечер без ветра.

Жёлтые окошки многоэтажек (одно обязательно фиолетовое — мasonicкое), серые двери подъездов... Разминаясь во время снегопада, люди немного жмутся друг к другу, как влюблённые.

Я видел птичьи следы на снегу — суетливые; видел птичью кровь в проталинках — жирная.

Снеговики не кажутся мне красавцами. В мультфильмах они пропорциональные, а я почему-то встречал только каких-то бугристых уродцев с пивными крышечками вместо глаз.

Говорят, что каждая снежинка уникальна. Какое расточительство природы! Как неэкономно она расходует свой творческий потенциал!

Иногда я представляю себе планету, на которой не осталось ни одного человека. После ядерной войны, например. Идёт снег. Заметает пустые проспекты, тропки в лесах; снег валит в навсегда открытые окна наших домиков... И в этой тишине и пустоте только безразличные, изуродованные радиацией редкие звери встречают снегопад, задирая к небу морды.

Даже писать об этом жутко.

Любой прожитый день напоминает снежинку своей уникальностью, своей незаметностью и бесполезностью. Всё сложнее видеть дни, всё чаще видны сразу годы. Оттого и страшно, что много знаю про снег, а про снежинки мало.

Смерть Антона Телегина

На первом курсе Антон Телегин делал сорок три повторения на перекладине. Помню: в манеже спортивного комплекса на физре мы сдавали подтягивание молодой преподавательнице, сочетавшей полосатые спортивки с длинными красными когтями. Было утро, первая пара, пахло пылью. У одного пацана во время выполнения упражнения начали топорщиться шорты. Преподавательница побурела, а пацан устался в потолок, держась за перекладину самым узким хватом. Сделав девять-десять раз, он спрыгнул, убрал руки в карманы и отошёл за спины. Девять-пятнадцать раз — все мы так. А Антон ровненько выполнил сорок три повторения. Думаю, он мог бы и больше, но не стал.

Почему-то я вспомнил об этом, бросая три горсти на крышку его коричневого гроба. Маслянистый чернозём казался съедобным. Я проголодался и ждал поминок, как все живые.

Анна Кавалли

Междумирье

Рассказы

Рапунцель, сбрось свои косы

В детстве я любила возвращаться домой. Теперь я бываю там раз в несколько недель, «наездами и набегам», шутит мама.

Телефон вибрирует. Смс. От мамы — от кого же ещё.

«Нашла твои детские фотографии, почему-то сижу плачу».

Буквы, пробелы, стикеры, вибрация телефона, загоревшийся белым экран, — целая цифровая бездна между нами. Заслон, за который, кажется, живым не пробиться. А вот мёртвым — без проблем.

Девочка с найденных мамой фотографий приходит чаще других мертвецов. А вместе с ней — запах дома из прошлого, от которого мутит. В мамином — тогда ещё нашем — доме пахло то лекарствами, то ладаном, то резким запахом новых маминых духов. Я не могла отделаться от ощущения, что мы каждый день отпевали мертвеца.

Тринадцатилетнюю меня? Мать? Нас? Это как в том романе: по кому звонит колокол, лучше не думать — возможно, по тебе.

* * *

У мамы нет ни страшного воскового лица, ни лысой головы, ни севшего от криков голоса. Сразу после того, как мне исполнилось тринадцать, я уехала на летние каникулы, и за эти три месяца мама становится красива какой-то потусторонней, нездешней красотой. Глаза — форма мамина, цвет мамин, но взгляд — чужой. Две ледяные голубые бездны, не заглядывай — утонешь. Ямочки на щеках, обострившиеся скулы, почти неуловимый и незнакомый аромат от её волос. Маргарита, превратившаяся в ведьму.

Ведьма или нет, она всё ещё моя мама. Каждый вечер мы сидим на кровати в её комнате, часто — среди черновиков недописанного романа, — и рассказываем друг другу, как прошёл день. Мама каждый раз говорит, что на этот раз точно будет писать

Анна Кавалли — журналист, сценарист, переводчик с французского. Родилась в Москве, окончила сценарный факультет ВГИКа. Живёт в Марселе. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

весь вечер, но потом переносит всё на завтра. Бабушка с тётей твердят, что «завтра» никогда не наступит, — но в нашем с мамой мире временем повелеваем мы сами.

Она медленно расчёсывает мои волосы — самой делать это сложно, они отрасли ниже поясицы — и шутит:

— Рапунцель, Рапунцель, сбрось косы!

В нашей двушке недалеко от площади трёх вокзалов пахнет бергамотом и чёрным чаем, шарлоткой — в сентябре все готовят яблочные пироги, но мамин — особенный. А ещё свечами, книгами и едва уловимо — красками: мы разрисовали все стены сценами Рагнарёка. Бледные скандинавские боги, обрушившиеся небеса, тучи, гигантский волк с горящими глазами, пылающие мечи и корабль, полный призраков.

— Какая жизнь, такая и Нарния, — смеётся мама.

Бабушка говорит, у нас сам чёрт ногу сломит. Бабушка верит: это «берлога интеллигента-алкоголика», а не дом для «тринадцатилетней школьницы и серьёзной тридцатилетней женщины». Бабушка причитает, что мама занимается переводами со шведского и почти не зарабатывает, а вместо работы пишет «никому ненужный роман». Бабушка говорит, что пора уже маме повзрослеть: когда тебе тридцатник, поздно думать, кем хочешь стать, когда вырастешь.

Бабушка пугается, когда мы на последние деньги покупаем торт и едим его несколько дней, пока маме не переведут гонорар. Бабушка — из Поволжья, в детстве она рассказывала мне про голодомор — всегда шёпотом, как если бы голодомор был спящим поблизости чудовищем и тревожить его было нельзя (проснётся!).

Бабушка не может нас понять.

— Всю жизнь маялась с вашим дедом, вышла за партийного, с перспективами, терпела все его выходки, прятала каждую копеечку, всё ради детей да будущих внуков, — повторяет она раз за разом. — Вот вам квартиру нажили. Почему же вы-то по-человечески не хотите? — А потом, каждый раз с театральным всхлипом, маме: — Если ты хотела быть знаменитой, не надо было рожать ребёнка. Родила для себя? Всё, теперь ты мать, какие тут книжки!

В конце концов маме надоедает, и она бросает трубку, а потом не отвечает на бабушкины звонки. Бабушка жалуется маминой старшей сестре. Тётя приезжает с продуктами. Тётя вместо воды на 80% состоит из брендов и на 20% — из «настоящей взрослой работы», какой — мы с мамой не спрашиваем: «настоящее взрослое» и мы — это разные планеты.

Тётя из другого теста. Тётя выжила в перестройку, совмещала институт и две подработки, сделала бизнес в 90-е, всё потеряла и снова построила. Тётя ничего не читает и плачет, только когда смотрит на разрушенную Тару в «Унесённых ветром».

Тётя приезжает и сразу идёт в атаку. Полунамёки — не её конёк.

— Я же дарила вам деньги на Новый год. И на Восьмое марта. И на дни рождения. Почему нельзя купить хотя бы нормальные обои? — говорит тётя.

Мы смеёмся в ответ, а мама шутит:

— Может, нам тебе ещё отчёт сдать на гербовой бумаге?

— А может, пора повзрослеть? — парирует тётя.

— И не собираюсь, — хохочет мама.

Тётя уезжает, и на две недели в нашем доме воцаряется мир. А потом снова звонит бабушка. Снова плачет. Снова причитает. Мама снова бросает трубку. Снова приезжает тётя и требует сделать хотя бы «обычный человеческий ремонт».

Но обычное человеческое — не для нас.

* * *

Мама ждёт меня у школы. Это наша традиция: по прогнозам сегодня — последний тёплый день, а значит, мы будем гулять допоздна и провожать лето. У мамы в руках два пломбира. Крем брюле. Морщусь: ненавижу крем брюле. Мама привычно извиняется:

— Каждый раз думаю, что мы любим одинаковое. Как в школе?

— Получила двойку. Новая училка не оценила привычку читать под партой.

Мама хохочет:

— Ну наконец-то двойка! Ура, у меня нормальный ребёнок, а не пришелец с планеты ботаников. Отметим в макдональдсе! Хочешь хеппи мил?

— Ну мам! Я уже взрослая для хеппи мил.

— Жаль. Была бы колдуньей, заморозила бы тебя прямо сейчас. А то вырастешь и уйдёшь от меня, — шутит мама.

Хеппи мил мы всё-таки покупаем. А ещё заказываем столько еды, что еле доносим на двух подносах до столика. Макаем картошку прямо в растаявшее мороженое, смеёмся над взглядами в нашу сторону, а я почему-то вспоминаю, как бабушка плакала на каникулах, в очередной раз поссорившись с мамой.

— Как думаешь, мы тоже возненавидим друг друга однажды? — вдруг спрашиваю я.

— Мы слишком умные для этого. И потом, я всегда хотела быть мамой. Правда-правда, что ты так смотришь? Ещё в школе по вечерам представляла, как у меня родится дочка. Как мы будем вместе смеяться, путешествовать, совершать idiotские поступки, станем лучшими подругами. Ты — моя сбывшаяся мечта, понимаешь? — мама улыбается и берёт меня за руку. От её прикосновения по телу волнами разливается тепло.

Домой идём под дождём, не раскрывая зонта, по растрескавшейся черноте мокрого асфальта. У подъезда мама дольше обычного звенит ключами в сумочке, а потом вдруг убирает их обратно. Если бы колдуньей была я, остановила бы мгновение, и мы остались бы навсегда стоять у подъезда в сырых сентябрьских сумерках, вросли бы в последний вечер нашего рая, как насекомые — в янтарь.

Жаль, я не колдунья.

* * *

Октябрь и ноябрь — впервые дома без мамы. Бью себя по губам. Бестолочь, нельзя так говорить, мама же не умерла, — просто в больнице. Звоню ей каждый день. Перед школой. На переменах. После школы. По ту сторону — только гудки.

В нашем доме больше не пахнет яблочными пирогами. В маминой комнате живут попеременно то тётя, то бабушка, черновик романа убран в ящик тумбочки, в квартире порядок, на плите — «нормальная еда», а по ночам мне снится вязкая темнота и мамин голос откуда-то из глубины, кричащий: «Рапунцель, Рапунцель, сбрось свои косы!»

Может, мама всё-таки умерла, а мне так и не сказали?

Моё новое хобби — подслушивать у двери. По вечерам на кухне, на нашей с мамой кухне, тётя с бабушкой нас обсуждают. Вернее, не нас, а маму.

— Так это рак? — спрашивает тётя.

— Вроде как, — бабушка плачет. — Опухоль на месте спаек после кесарева. Врачи говорят, всё из-за родов. Её безобразно прооперировали.

— Ясно, сестра умрёт, — голос тёти звучит жёстче обычного. — Следующий вопрос. С кем останется Маня?

— Постучи по дереву, быстро!

— И не собираюсь, — тётя говорит медленно, чеканя каждое слово. — Стучи не стучи, от реальности не убежишь. Сестра всю жизнь бегала, заперлась в этой жуткой норе, и что, помогло ей? Помогло?

Дальше я не слушаю и тихонько ухожу к себе. В квартире холоднее обычного. Трогаю батареи — горячие. Может, и я заболеваю, как мама. В голове звучат голоса тёти и бабушки.

«Всё из-за родов».

«Спайки после кесарева».

«С кем останется Маня».

Надеваю свитер, закутываюсь в одеяло и звоню маме, снова и снова, пока телефон не становится совсем горячим. Но по ту сторону — только гудки. Когда телефон выключается, я встаю — кажется, у меня включился режим автопилота, — беру с книжной полки камень и возвращаюсь с ним в кровать.

Камень посверкивает слюдяными гранями, одна сторона тупая, другая острая — но недостаточно, чтобы по-настоящему серьёзно обрезать. От камня холодеют руки. Теплообмен идёт в одну сторону, это единственное, что я запомнила из физики, но тепло моих рук не греет слюду.

Кажется, это магия вне Хогвартса, один ноль в пользу камня. Чувствую подступающую тошноту, вижу берег и Белое море — кто его назвал белым, не знаю, но этот кто-то явно ни разу тут не был. Оно синее, серебряное, серое, тёмно-фиолетовое, сияющее и бесконечное, а рядом с ним мы — я и мама, две точки на фоне вечности.

Мама смеётся, я тоже смеюсь — над чем? не помню, — мы гуляем держась за руки и обнимаясь, собираем на берегу слюдяные и гранитные осколки. Мы на турбазе на острове, тут нет связи, моя кнопочная Nokia — мамин подарок — не работает, и мир как будто сузился до меня, мамы и моря.

Получается, «это» — рак, рок или смерть, можно называть как угодно, — уже тогда затаилось в ней. И «это» оставила в её теле я. Я родилась, а её убила. Простая математика.

Кладу камень на место, накрываюсь одеялом с головой и даю себе провалиться в жаркую темноту.

* * *

Декабрьское утро, последний день перед каникулами. На уроках делаю вид, что слушаю. Получаю две двойки — уже привычное дело. Только теперь никто меня за них не водит в макдональдс.

После школы мы с тётей и бабушкой едем в больницу на окраине Москвы. Больница — серое прямоугольное здание с чёрными провалами окон — стоит за лабиринтом грязно-зелёных гаражей. Дальше первого этажа нас не пускают, ждём маму в холле. Молчим.

В углу холла, рядом с искусственными пальмами, стоит наряженная ёлка, забытая ещё с прошлого Нового года. На диванах сидят люди в халатах и пижамах — пациенты, и в зимних куртках — посетители. Одни пахнут лекарствами и больничной едой, другие — зимой и метро. Интересно, чем теперь пахнет мама?

Анатолий Валевский

Иду до упаду, не оглядываясь...

Рассказ

На улице из грязной коробки доносился тощий скулящий писк, больше похожий на человеческое: «Помогите!»

Все проходили мимо, кроме Натальи. Она остановилась и заглянула в коробку. Эльза, соседка с шестого этажа, как-то в сердцах посетовала: «Жизнь иногда такое выкидывает, что хочется остановиться и подобрать».

Наталья подобрала.

— Тебе, малыш, крупно сегодня повезло — капнула пенсия. Она у меня смешная, — Наталья подмигнула комочку шерсти и улыбнулась. — Но на ветлечебницу для тебя, надеюсь, хватит.

Ветеринарка находилась недалеко. Наталья пришла и диву далась: народищу часа на два. Бабушка с двумя пожилыми котами, девочка с хорьком, мамочка с кроликом в клетке, пышная женщина с запуганным таксиком, подспудно понимающим, зачем его привели к врачу.

— У вас что за проблема? — поинтересовался незнакомый мужчина.

Наталья достала грязный комок — очередь заинтересованно посмотрела.

— Спасительница, — коротко подытожил мужик. И громким басом на весь коридор протрубил: — Тут женщина с совсем плохой животинкой — пропустим?! — обратился глашатай к очереди.

— Но... — послышалось начальное возмущение дамы с таксиком, но её голос мгновенно утих, когда мужчина сердечно улыбнулся и сказал:

— Думаю, капля христианского милосердия нам не повредит.

— Конечно, — первой отозвалась бабушка с пожилыми котами.

Наталья от отзывчивости очереди опешила. Через час доктор ей сказал:

— Можете идти со своим чудом домой, — и протянул рецепты.

Возле подъезда Наталья встретила Эльзу. Та увидела коробку, с пониманием улыбнулась.

Валевский Анатолий Михайлович — родился в Новом Роздоле (Украина) в 1969 году, окончил Гомский государственный педагогический университет (1997). Работает в школе. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Нева», «Крещатик». Живёт в посёлке городского типа Андра (ХАМАО-Югра).

Предыдущая публикация в «ДН» — 2021, № 3.

В квартире новый жилец радостно не отходил от своей благотельницы. Наталья рассмеялась. Присела и принялась разговаривать сама с собой, что часто с ней происходило.

— Не смотри такими преданными и голодными глазами... Куда побежал? Стой! Буду тебя кормить.

Животинка счастливо виляла хвостиком.

— Как же тебя назвать, чтобы душа и сердце не болели и не стонали? Сама себя упрекаю: «Какая я дура, столько лет, пора бы поумнеть, хотя возраст ещё не значит, что я выросла!»

Наталья вспомнила слова Эльзы: «Иди до упаду, не оглядываясь...»

Наталья перевела дыхание.

— Назову тебя Чудом. Так тебя доктор назвал. Когда живешь с Чудом, сама начинаешь чудить. Судя по тебе, ты — безродное Чудо. Это нас роднит. Моя воспитательница из детского дома Генриетта Галактионовна, которую все за глаза звали Герой, не Мегерой, а по-доброму Герой, постоянно капала мне на мозги: «Наталья, ты ходячая головная боль, никакой цитрамон не помогает! Только наводишь хаос!» Она считала, что мой подростковый возраст не поддаётся воспитанию. Ей, блокаднице, ведь должно было быть знакомо: хаос — это нормально.

Наталья поднялась и достала из шкафчика растворимый кофе. Включила на автомате чайник. Чувствовала Наталья себя неважно ещё с ночи. Слабость, тахикардия, шум в голове. Таблетки не помогали. «Скорую» не вызывала. В больницу — ни за что. На кого оставить Чару и остальных домочадцев... Боль всё же к утру притихла. Несколько раз Наталья просыпалась, чувствуя напряжённость в душе, словно натянулась струна, которая могла лопнуть, оборваться в любую секунду от неумелого прикосновения руки или неправильного движения смычка.

И снова в голове стучало молоточком: «Иди до упаду, не оглядываясь...»

Поселившееся с ночи беспокойство усилилось. Гнетущее состояние раздражало. Наталья решила с этим покончить кардинально. Подошла к холодильнику, достала початую когда-то бутылку холодного коньяка, налила в рюмку и залпом выпила для успокоения нервов. Холодная жидкость приятным ожогом разошлась по организму.

Наталья присела, вздохнула, закрыв глаза. Незримая усталость легла на плечи. «Что такое со мной?» Но ответа не было. Наталья вспомнила дурацкий сон и досадливо поморщилась. Она никак не могла его вспомнить целиком — сплошные куски, словно оборванные страницы. Снились какие-то бесконечные двери. Они засели в голове и не уходили, усиливая беспокойство.

И всё же коньяк оказал благотворное воздействие. Наталья почувствовала облегчение — отпустило. На её бледном лице застыла умиротворённая улыбка.

Она снова вспомнила своё: «Иди до упаду, не оглядываясь...»

Фраза придала жизнестойкости.

«На чём мы с тобой остановились? На моём детстве...»

Наталья призадумалась.

«Гера права: если у ребёнка не было счастливого детства, ему трудно быть счастливым позже, потому что он просто не знает, что такое быть счастливым.

Ты вот, Чудо, с рождения оказался в коробке и на помойке, моё существование — так же "морозильная камера". Согреться в ней невозможно. Я появилась на свет в первый месяц войны, мама рожала меня в поле во время бомбёжки. Хотя в документах

и написано "место рождения Душанбе", но мама туда не доехала, родила по дороге. Хочу тебе сказать, что мир ещё не такое пережил.

Да-да, не смотри на меня такими глазами, Чудо. Рассказывать тебе дальше? Хорошо. В поисках тепла, чтобы наконец согреться, в шестнадцать лет я ушла из детского дома, но камера оставила свой след — мороз в душе.

Воспоминания разрушают человека. Гера сколько раз мне твердила, что память надо очищать от негатива. "Грабли, на которые встала, беречь не нужно!"

Ну что ты на меня так глядишь, будто я тебя не покормила? Колбасу всю схомячил. Не волнуйся, жить будешь у меня. Я, конечно, не мать Тереза, но когда открыла коробку и увидела твои глаза...

Раньше не верила втираниям, что глаза — зеркало души, но когда посмотрела в Вовкины — услышала голос океана, увидела, как мы тайными тропами проникаем в звёздную долину, и ещё узрела красоту Северного сияния. Я ему так и сказала: "Ты моё Северное сияние"».

Наталье захотелось курить. С детства дымила, Вовка не курил. Он никогда не говорил, что ему не нравится, что Наталья курит, но она сама это чувствовала и, собрав силу воли в кулак, бросила.

Старуха Эльза, её заступница по дому, любительница «Беломора», учила: курить надо в местах, где человек чувствует себя свободно, потому что сигарета дана для расслабления.

Теперь Наталья могла себе это позволить.

«Знаешь, Чудо, чего больше всего хотелось в детдоме? Ни за что не угадаешь! Мо-ро-же-ного... Я его даже во сне облизывала.

И представляешь, Вовка покупал мне его на завтрак — ночные кошмары как рукой снимало. Однозначно, у мороженого есть положительный эффект — застывшее детство.

Угадай, где я встретила Северное Сияние? В том месте, где спокойно могла найти или подобрать тебя.

Свалка, мусорка, как хочешь называй, сути не меняет. Я из того поколения, что сдавало бутылки, когда в кармане не было ни бумажек, ни металла. Голодных и неприкаянных, как я, там промышляло много. Мы продавали, меняли то, что находили на свалке. Хватало на булочку с маслом и даже на ложечку икры баклажанной.

Плохо было осенью в промозглый день, когда со свинцового неба лил бесконечный холодный дождь. Тогда душа забиралась в картонку и тихонько дрожала.

Северное Сияние работал шофёром на мусорке. Однажды, не увидев, что я ковыряюсь в одной из ям, он меня чуть не завалил, скидывая мусор из машины.

Меня бесит и раздражает, когда человек жалуется на жизнь и хнычет, что она ему не подарила шанса. Она их предоставляет навалом, но люди ими не пользуются или чего-то выжидают. Кто не рискует — не пьёт шампанского. Кто не согласен — бросьте в меня камень, я отвечу... гранатой.

Я свой шанс не упустила.

У нас не было ни кола ни двора. Сирота сироту чует за версту. Вовка увёз меня к себе в бич-град, в двухэтажное деревянное общежитие, приютившее разный народ, но в большинстве со штампом: БОМЖ — на страничке с пропиской.

Северное Сияние взял меня одной фразой: "Я буду тебя беречь", — и я доверилась. Из приданого — картонный чемодан времён Великой депрессии с вещичками, раздобытыми на свалке. Жили весело, голодно, но с мечтой о своём доме.

На её претворение ушло три каторжных года. Маленький, крошечный, он радовал глаз. Собирались зайти в домик следующим днём после загса, а ночью нашу мечту “добрые” люди подожгли. Вот такая огненная ночь перед свадьбой. Тогда я поняла, что такое реветь белугой. Мы стояли с любимым у пожарища и оба ревели, понимая: наша мечта растаяла, как вкусное мороженое.

Грязные, опухшие от слёз пошли в загс забирать заявление, хотели позже расписаться. Нас уговорили не откладывать. В такси Северное Сияние достал два кольца. Я поняла: мы начинаем жизнь с чистого листа.

И у нас снова получилось! Я сама из Коми. У нас ходит сказание, что жили двое влюблённых: Тарас и Анюка. Настолько сильными были их чувства, что народ стал такую любовь называть «тарасанюка».

В трудные времена не страшно, когда рядом любимый. Всё у нас было хорошо: новый дом, машина и, главное, Димка, или, как муж любил называть сына, — Димитропулос. Ребёнок — это будущее! Он получился у нас идеальным с первой попытки.

Вовка говорил, что влюблён в блеск моих глаз. Ещё бы им не блестеть.

Глаза счастливой женщины — это ворота в сердце, где живёт любовь.

Когда мои домашние засыпали, я выходила на балкон, смотрела на окна соседних домов. Я не всматривалась в силуэты. Я просто мысленно желала, чтобы все завтра проснулись и никто не заболел. Мечтала, чтобы там, где горит свет, люди просто пили чай или смотрели телевизор, чтобы между ними не было ссор и скандалов.

Знаешь, Чудо, после голодного, оборванного детства я поняла: семья — это мир! Если он царит в семье, значит, там всё хорошо.

Гера как-то сказала, что у нас с Володей глаза одинаковые. Я так удивилась: у меня карие, у мужа — серые. Гера рассмеялась. “Они у вас влюблённые”. И скажу тебе, Чудо, — это была абсолютная истина.

Жизнь с настойчивостью и мощью асфальтоукладчика уверенно катилась вперёд к новым целям. Мы ехали по этой дороге, уверенные в мастерстве водителя».

Наталья закурила. Затычки делала глубокие, словно собиралась ими прочистить закоптевшие лёгкие. Раскашлялась, психанула и потушила сигарету.

Чудо лизнуло руку, и Наталья будто проснулась.

«Моё счастье сглазили завистники, — продолжила Наталья чуть погодя. — А может, сама виновата, что так им лучилась, что остальных слепило от нашего семейного света.

Когда Володя с Димкой разбились, нагрязнуло одиночество, когда смотришь на живых — и видишь мёртвых. Раненое сердце ещё как-то можно заштопать, моё же было разбито вдребезги — восстановлению не подлежало. Говорят, время лечит, — враться. Оно лишь расширяет пустоту, делая из неё огромную чёрную дыру.

Тогда я поняла: быть счастливой — непозволительная роскошь для мира.

Меня утешали: Гера, Марго, подруга её по жизни, и Эльза. Я им благодарна за поддержку, но они не могли понять главного: я всегда буду проклинать и ненавидеть вчерашний день, забравший у меня мой мир.

После похорон любимых я стала кораблём с огромной пробоиной в борту. Всё можно пережить в этой жизни, пока есть для чего жить, кого любить, о ком заботиться и кому верить.

Как-то ночью услышала странный голос, спрашивающий меня:

— Ничего не хочешь изменить?

— Ты о чём? — искренне удивилась я.

- О твоём одиночестве.
- Ты готова мне его заменить?
- Не знаю.

— Тогда не задавай пустых вопросов, — возмутилась я. — Когда будешь готова, тогда и поговорим, а пока не вторгайся в мою жизнь, это ранит меня. Те, кто долго живёт с одиночеством, не любят ненужной суеты.

— Ты, женщина, не поняла, с кем разговариваешь? — разъярился голос. После небольшой паузы, успокоившись, добавил: — Я — смерть!

- Не испугалась, давно жду!
- Зря! Нытики мне не нужны.
- Милосердная? — с сарказмом ответила ей.

— Иногда бываю... — И сказала слова, которые я не ожидала услышать: — Снимай траур, люби живых!

- Где взять силы?
- У себя и возьми.

И голос пропал.

Когда я ещё была счастлива, в той жизни, с нами проживала доберманша — Чара. Мы её нашли привязанной к дереву. Хозяева так жестоко решили избавиться от девочки. Мы отвязали и забрали к себе. Чара так же была чудом. Она нас полюбила, доверилась. Понимаешь, это безоговорочная любовь, любовь без размышлений, полная и настоящая!

Чара, как и я, выла, когда в сырую землю опустили моих любимых мужчин.

Однажды я на неё накричала и даже ударила по хребту. Она присела и взглянула на меня. Я увидела, что она плачет. Обняла её и зарыдала вместе с ней.

Как-то Эльза зашла с бутылкой коньяка. Откупила, налила.

- Помянем, — сказала она.
- Кого?

— Матильду, — Эльза кремень, держалась. — Директора детского дома, в который я попала после немецкого концлагеря. Большой внутренней силы была человек.

— Сколько ей было? — поинтересовалась с сочувствием.

Эльза взглянула на меня и сказала:

— Шла до упаду.

Эльза закрутила свою беломорину и добавила:

— И ты, Наталья, иди до упаду, не оглядываясь...

Вот я и иду, Чудо... до упаду... не оглядываясь...»

Наталья достала из пепельницы остывший окурочек и снова его зажгла.

«Чудо, ты удивишься, узнав, что я обожаю слушать Баха. Тебе неизвестно, что этот человек схоронил одиннадцать любимых детей, первую свою жену. Я не раз задавалась вопросом, как он смог это пережить, почему не перестал дышать, почему его сердце не остановилось? А главное — как он смог и дальше писать музыку? Самую прекрасную музыку, какую доводилось слышать миру. Знаешь, почему он смог? Он так же шёл до упаду, не оглядываясь. Еще у него были ноты. Нота за нотой и создавалась великая музыка скорби, печали, любви.

Вот тогда и я вышла на свою дорогу и пошла по ней до упаду, не оглядываясь. У Баха были ноты, а у меня — Чара, потом появился Вася: кот сомнительного обличья и соответствующего запаха. Он взял меня своим поведением. Не выпендривался, чинно прошёл по квартире, обнюхал углы, нигде не пометил территорию, вернулся

в прихожую, сел и вежливо сказал "мурррр", будто благодарил меня за то, что я его пустила в своё жилище. Истинный аристократ. Потом от дурных детишек отбила Басю. Доброта — не зубная паста, которую выдавливают каждое утро, чтобы почистить зубы. Оно им было с детства неведомо. Маленькие нехристи привязали Басеньку к металлической двери и стреляли по ней из пневматической винтовки. Ну а потом... — Наталья вздохнула, махнув рукой, мол, чего вспоминать. — Наказ Эльзы выполняю: иду, как и она, до упаду, не оглядываясь...»

«Чудо, чтобы ты знал, — двери моей квартиры всегда открыты, даже ночью. Воровать у меня нечего, сам скоро увидишь. Не закрываю, потому что боюсь, вдруг снова мне поплохеет. В тот раз я просто забыла закрыть дверь. К вечеру мне стало худо, и я рухнула в коридоре. Чара подбежала, обнюхала, заскулила, а потом лапой открыла дверь, и все домочадцы, кроме Васи — он остался меня сторожить, — побежали на шестой этаж к Эльзе. Она услышала лай Чары, открыла двери и всё сразу поняла: побежала меня спасать и таки успела. Эльза и Валерия Павловна, учительница математики с третьего подъезда, по очереди ухаживали за моими домочадцами, пока я два месяца отлёживалась в больнице после инфаркта».

«Все мы идём до упаду, не оглядываясь», — сокрушённо подумала Наталья, плотно сомкнув губы.

«Раз в месяц практикую слёзы — очищение души. Старушка Эльза так мне и сказала: "Не бойся естественных потребностей. Хочется смеяться — смейся, плакать — плачь, материться — да сколько угодно, от тебя не убудет. Сила в нашей естественности!"

Кстати, ты в курсе, что меня в доме считают сумасшедшей? Я с соседями не ругаюсь. Когда меня достают, спокойно резонирую: "Вам показать дальнюю дорогу, или сами найдёте?"

Я культурная, вежливая женщина».

Наталья решительно встала.

«Ладно, пойдём, познакомлю тебя со всеми обитателями квартиры. Не бойся, они тебя не обидят.

Чара, старушка, заходи и зови остальных... Будем знакомиться с новым домочадцем...»

Наталья продолжила свой путь до упаду... не оглядываясь...

Ольга Сульчинская

Здравствуй, сколько сумеешь!

Родительный надеж

острый циркуль и верный рейсфедер на (в) бархатных ложах
постоянные жители маминых трёх готовален
я их помню блестящих на спящих танцоров похожих
но судьба их безвидна и царственный облик печален

мне чертёжного нет не досталось ни капли таланта
бесполезны как датскому принцу его королевство
оказались мне тонкие клювы стальные пуанты
инструментов разумных и я растеряла наследство

чашка будет разбита укатится перстень с мизинца
лишь круги разойдутся по глади офельих купален
дорогая гертруда как тщетны труды материнства
моя бедная мама как жалко твоих готовален

Прощание

Зря не надела
Шапку... да ладно, дойду.
Странное дело —
Осень в Летнем саду!
Оксюмороном
Выглядит этот пассаж.
Только воронам
Впору простудный пейзаж.
Стынут нагие
Статуи. Кто б не продрог?
Боги, богини,
Мрамор — достойный пролог
К снегу, молчанью,
Праву смириться с судьбой.
Зря назначаю
Здесь я свиданья с тобой!

Сульчинская Ольга Владимировна — поэт, прозаик, психолог. Родилась и живет в Москве. Окончила филологический факультет МГУ и Высшую школу гуманитарной психотерапии. Работала редактором, переводчиком, копирайтером и преподавателем психологии. В настоящее время — шеф-редактор журнала Psychologies. Автор трёх книг стихов. Лауреат международного Волошинского конкурса.

Городской пейзаж

Где верхней нотой с оперным сопрано
Соперничает золочёный шпиль,
В безоблачной лазури океана
Небесного царит глубокий штиль,

Но Летний сад, как ливень говорливый,
Летит, уже распахнутый, на нас,
Переливаясь бирюзой павлиньей
И ослепляя тысячами глаз.

Куда ни глянь, атланты или мавры,
На памятниках зеленеет медь
И надвое разъятые кентавры
Самих себя не в силах одолеть.

Мы оказались в сердце увертюры:
Манжеты нервно поправляет хор,
Прицеливаясь, щурятся амуры
И яростно колдует дирижёр.

Что ждёт нас, я не знаю, нет либретто —
Не спрашивай, прислушивайся сам.
Труба зовёт, и подана карета,
И слёзы поднимаются к глазам.

Список

Жизнь состоит из фантиков пороят
Жёлтых микроавтобусов голубей
Из приключений два раза по пятьдесят
Как его звали не помню вот хоть убей

Из непредвиденно вымокших папирос
Из пустых карманов стреляных сигарет
Жизнь состоит из вопросов большой вопрос
Любишь ли ты меня и ответа нет

Жизнь состоит из запахов дивно свеж
Молотый кофе рассвет за окном пейзаж
Жизнь состоит из кофточки цвета беж
Из очков ключей записок других пропаж

Из рентгена уколов таблеток а телефон
Нем как хвост варёного осетра
Жизнь есть сон всё наврал Кальдерон
Трудно заснуть дайте валиума сестра

Триптих античности

Ave, Caesar! Mori tui te salutant.

Приветствие гладиаторов

1. Фессалия, X век до н.э.

Зачем душа? И так всему живётся:
Тень движется, и дерево ветвится,
И козлоногий мальчик у колодца
Насторожил звериные копытца —
Напиться хочет, вместе с тем боится.

Чуть скрипнет дверь, и этот звук нестрогий
Спугнёт его, он, вздрогнув, устремится
Прочь от жилья, а дева на пороге
Вглядеться хочет — и глядеть боится,
И солнце в волосах её искрится,
И камень холодит босые ноги.

Зачем душа? Для вечности есть боги!
А прочим смерти нечего стыдиться.

2. Рим, 65 г. до н.э.

Только смерть позволяет в полный голос и с полным правом
Говорить о радости, славить пространство мира.
Потому что смертного делает она равным
Богам в их бессмертье, званым гостем большого пира.
Потому что, о Радость, здесь любой из нас — гладиатор
И кругом повсюду, куда ни глянь, — арена:
Лев щерит пасть, бьёт хвостом аллигатор...
Здравствуй, Цезарь! Здравствуй, сколько сумеешь!

3. Западная римская империя, V в. н.э.

Войны на всех окраинах. Душный сброд
Просто хочет крови и даже не рвётся к власти.
Победителям придётся кормить сирот
Самой разнообразной масти.
Здесь-то, в центре, практически тишина,
Цены, правда, растут, только уксус не дорожает.
Время от времени кого-нибудь режут, но, раз война,
Это входит в правило, потому и не раздражает.
Смеющийся изредка — избегает ранних морщин,
Так что пасмурный день нам будет к лицу, подруга,
Оденься нарядно. Пойдём смотреть на мужчин,
Пока они все не перебьют друг друга.

АЛЫЙ парус ВДОХНОВЕНИЯ

Литературный конкурс

Всероссийский открытый детский литературный конкурс «Алый парус вдохновения» проводится Челябинским областным отделением Союза писателей России при поддержке Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья.

Инициатор конкурса и председатель жюри — Анастасия Ивановна Порошина, поэт, член Союза писателей России, кандидат филологических наук. Организатор — Оксана Владимировна Ралкова, поэт, член Союза писателей России, кандидат исторических наук.

Первый городской конкурс, организованный на базе старейшего детского литературного объединения Челябинска «Алые паруса», начавшего свою работу ещё в 1950-х годах, состоялся в 2011 году.

В 2021 году конкурс стал всероссийским, объединив руководителей литературных объединений, учителей общеобразовательных школ, библиотекарей и, конечно, юных авторов со всей страны. В 2022 году более 200 школьников, особенно из младших классов, прислали на конкурс свои стихи, рассказы и сказки.

География конкурса охватывает почти всю страну: Москва, Санкт-Петербург, Калининградская, Архангельская, Брянская, Кемеровская, Кировская области, Краснодарский край, Великий Новгород, Мурманск, Переславль-Залесский, республики Мордовия, Татарстан, Башкортостан, Коми, Марий Эл, ХМАО — Югра, Пермский край, Кострома, Тамбов, Екатеринбург, Оренбург, Омск, Красноярский край. Были работы из города Алчевска Луганской Народной Республики.

Главная цель конкурса — открыть пространство для творческого общения и роста школьников России, поддержать пишущих ребят и создать крепкие связи между детскими литературными объединениями страны.

Редакция журнала «Дружба народов» поддерживает этот замечательный литературный конкурс, сердечно поздравляет всех победителей и публикует некоторые сочинения юных авторов.

Каролина Устинович

* * *

Ты спишь? Скорее просыпайся.
Уже ноябрь. Снег идёт.
И жизнь, бегущая сквозь пальцы,
Вот-вот замрёт.

И ты увидишь, что с рожденья
Напрасно ждал, искал, просил.
На все проблемы есть решение,
Хватает сил.

И вот стоим под снегопадом,
А жизнь, и правда, замерла.
Ведь всё, что нам с тобою надо, —
Добра, добра...

пос. Севское, Калининградская область, 11 класс

Родион Краев

Городские заметки

Хор моих мыслей

Мона Лиза существует? Какого размера тунец? Зачем в кинотеатрах люди едят попкорн? Почему мне приснилось, что я невкусный? Если налить кипяток в пластиковую бутылку — почему бутылка завянет? Учитель танцев Раздватрис из «Трёх толстяков» Ю.Олеши — мужчина или женщина? Если мужчина, то почему ведёт себя как женщина? Это хор моих мыслей. Моя мама говорит, что хор — это стройное звучание. А то, что у меня в голове, — это какофония.

Домоседка

Я с мамой люблю ходить за руку. Да, я знаю, что большой. Знаю, что большие мальчики не ходят за ручку с мамами. Но так теплее. И в это время она не похожа на важную котлету. И да, я так хожу, когда рядом никого нет, то есть когда нас никто не видит из знакомых. Тепло её большой ладони передаётся моей. И на душе тепло: так я могу маму контролировать, чтоб она шла рядом и слушала мои рассказы про танки.

А на даче, когда мы гуляем по аллеям, она прячет руки в карманы своей чёрной вязаной кофты. Я ей говорю: «Ты — домоседка». Тогда она на меня смотрит как на осложнение! Ну, она домоседка не потому, что дома сидит: её руки сидят у неё «дома», в тёплых карманах чёрной вязаной кофты.

Остановка «Грязная лужа»

Я всё время что-нибудь придумываю. Вот мы идём в библиотеку с мамой. Но просто идти скучно, надо играть. Вот я уже машинист поезда. Я бегу впереди мамы и останавливаюсь. Рядом осенние кусты. «Остановка “Засохший кустик”», — торжественно объявляю я. Бегу дальше. Важная мама идёт позади. Она не делает остановки вместе со мной. Она несёт тяжёлую сумку с книгами. Я снова бегу вперёд. «Остановка “Берёзовая аллея”!» Мама снова не делает остановки. Я продолжаю движение своего поезда. Надо успеть и попытеть, и издать гудок, и нажать на тормоза. Я останавливаюсь. Смотрю по сторонам. Достопримечательности отсутствуют. Ан нет... вот одна — это большая грязная лужа на нашем пути. И тогда я важно произношу: «Остановка...» И мы с мамой говорим одновременно: «Грязная лужа!» Не стовариваясь. Так само собой получилось.

Ну, вы поняли, у кого мысли-то сходятся...

Переизбыток красного супа у меня в животе

«Бабушка, ты меня оборщевала!» Это значит, что я переел бабушкиного борща. Суп должен быть непременно красного цвета. А самый вкусный борщ — у бабушки. Вы не знаете, почему бабушки готовят лучше всех?

Когда я вырасту

Все дети любят макароны. Однажды, придя в гости к соседям в многодетную семью, моя мама в разговоре упомянула про макароны. Тогда та многодетная мама перешла на шёпот и сказала: «Не произноси это слово». Это означало, что если бы дети услышали про макароны, — они бы попросили сварить целое ведро...

Я тоже люблю макароны! Мама сварила на обед тоненькую вермишельку. Не вермишель, а вермишельку. Спросила, будет ли есть дедушка? Он ответил, что будет, но положить ему надо на блюдечко. А ел он чайной ложкой.

Я съел свои макароны, особенно они вкусны с маслом и с мелко порезанной колбаской. Я сходил к другу Лёше, мы поиграли в танчики, и я, как старший товарищ, поддался и проиграл сражение. Вернулся домой, выпил свой чай, помог бабушке отгадать несколько слов из заковыристого кроссворда. Прошло не знаю сколько времени. Дедушка всё ещё гонял ложкой вермишельку по блюдцу. Туда-сюда, туда-сюда. Могло показаться, что он играет ею в футбол. Содержимое блюдца за всё это время не уменьшилось. Вермишель туда-сюда. Туда, сюда. Это было летом. Вот уже несколько недель дедушка или ел очень плохо, или ничего не ел... Минувшее лето мы провели уже без дедушки. Приезжая на опустелую дачу, словно бы приезжаем повидаться с ним, где всё построено его руками.

Я стану врачом, когда вырасту, чтобы изобрести лекарство. Но тогда мне надо будет стать ещё учёным, чтобы изобрести машину времени: я хочу вернуться в прошлое и спасти дедушку.

Человек без души

Меня давно интересовало: кто такой «человек без души»? Я часто слышал это выражение. И вот, наконец, я догадался. Человек без души — это искусственный интеллект. То есть это такие люди, но они совсем не люди, а роботы, и могут быть очень похожи на людей. Но у них отсутствует душа. А это значит, что когда я возьму такого человека за руку, то моей душе теплее не станет.

Если бы я был другом Пушкина

Если бы я был его другом, то я бы спросил: «Александр Сергеевич, а есть ли рифма к слову “окунь”?» Вот моя мама думала и придумала только слово «шпокунь». Я поискал рифму в приложениях, которые помогают находить рифмы. Приложения не выдали созвучной рифмы. Почему у слова «окунь» нет красивой рифмы?

Какими дорогами ходят идеи?

Лингвист Лев Щерба придумал такое предложение: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка». Он это придумал в учебных целях. Я, между прочим, тоже придумываю слова. Вот некоторые из них: сын коровы — «коровёнок»; уличное кафе, где кормят шашлыком, — «Свинохрюка»; шашлык женского рода — «шашлыковина», приятель кошки — «кош», подмышки у мышки — «подлюдинки», непослушные волосы — «льюисики». Но это какие-то несуразные слова. Мама говорит, что таких слов нет в русском языке. Но они же есть в моей разговорной речи.

Льюисики

Когда наша учительница заболела, ей на замену пришла другая, кудрявая и крикливая. Голос у неё такого же цвета, как её невкусная помада. Она была очень сердитая и поэтому заслужила капельку моего воображения. Когда я слышу одно слово, мой мозг связывает его с другим. Волосы — это... льюисики! Раз эта учительница кудрявая, то у неё не волосы, а льюисики! Когда она сердится, то её льюисики выпрямляются в знак возмущения вместе с ней.

Брутальные слова

Вы знаете эти слова. Они принадлежат известному певцу российской эстрады. Моя мама любит слушать его песни. Наверное, вы, ваши знакомые и знакомые знакомых тоже знают и любят эти песни. И я люблю. Но самое главное, что в них есть брутальные слова. Но я не знаю, что они означают. Вот эти слова: чикипбарум, оле оле... Вы догадались, о каком певце я пишу. Ура, не только я придумываю слова.

Я разукрашиваю слова

Война — чёрного цвета. Голос чужой учительницы — цвета её помады. Безумная ярость грозы — зловещего белого. Вкусный сон — сладкого цвета. Жёсткий южный палящий зной — грязно-жёлтого. Зубная боль дачного дождя — серого. Лёгкая вуаль августовского тумана — снежного. Громкая музыка сентября — багряного. Тихий шёпот надежд — нежно-синего. Поэтика ноября — музыкального цвета. Мои мечты — разноцветные.

Скворечник для мух

В нашем дачном скворечнике живёт белка. Её детёныши похожи на крысят — голенькие и маленькие. А я придумал скворечник для мух.

Сестра моего друга — девочка Юля — построила из большого «Лего» домик со скворечником. Мне стало любопытно: что в скворечнике? Я туда заглянул и увидел игрушечного пони. Я взял лошадку и посмотрел на неё поближе. Первое, что пришло мне в голову, — это муха! Вот я и дал кличку этому пони — Муха. Когда я поделился своими мыслями с друзьями, они громко засмеялись: «И правда, эта лошадка похожа на муху!» Так и появился скворечник для мух.

*Елизавета Жданова**Нежность*

Письма твои получая,
Слышу я голос родной.
И между строчек
Синий платочек
Снова встаёт предо мной...

Я.Галицкий, Г.Максимов

У нас на верхней полке бабушкиного буфета между альбомами со старыми фотографиями в очень старой зелёной папке с серыми тесёмками хранились письма с фронта моего прадеда Николая. Ему был двадцать один год, когда началась война. Тогда его жена — моя прабабушка Даша — ждала ребёнка. Они поженились за полгода до войны. Николая призвали в армию в самом начале войны.

Из армии он написал двадцать семь писем — серых солдатских треугольников с номером полевой почты вместо обратного адреса. Мне разрешали их читать. Наверное, моя детская память сохранила их по-своему, что-то я позабыла, что-то приукрасила и осовременила. Но суть этих писем я сберегла...

Николай писал, что очень любит Дашу, вспоминал в письмах каждый день, прожитый ими вместе: «...Помнишь, совсем ещё недавно, сразу после Троицы, мы пошли в Летний сад? Было море цветов. Светило яркое-яркое солнце. В пруду плавала неразлучная пара белых лебедей. Мы, как всегда, пошли к Амуру и Психее. У памятника Крылову играл духовой оркестр. Я держал тебя за руки. Мы смотрели друг на друга и смеялись, смеялись, смеялись... Какой же ты была красивой в своём лёгоньком платьице в горошек... Моё сердце разрывалось от счастья. Я говорил, что схожу с ума от любви, что жизнь прекрасна и что я самый счастливый человек на свете. Ты закружилась под музыку. Оркестр заиграл песню Утёсова “Тайна”. Я снял картуз, театрально тряхнул головой и стал тебе петь, не обращая внимания на прохожих:

...Для того, кто любит,
Грудных нет загадок.
Для того, кто любит,
Все они просты.
У меня есть сердце,
А у сердца песня,
А у песни тайна.
Тайна эта — ты!

Все мои тайны только для тебя, вся моя нежность только для тебя, вся моя жизнь только для тебя. Ты — моё счастье, ты — моя песня, весь мир для меня — это ты...»

Николай писал, что он уже любит их будущего ребёнка и мечтает о нём: «...Господи, как я уже хочу увидеть нашего ребёночка... Если родится сын, давай назовём Дмитрием. Дмитрий Николаевич — звучит! Мы с Димкой будем во дворе гонять в футбол и бегать наперегонки. Я научу его играть в лапту, в городки, в чижика и многому, многому другому, что должен уметь мальчишка. Конечно, больше всего на свете мы с ним будем любить тебя. А если родится дочка, то давай назовём Надеждой. Она обязательно будет на тебя похожа: добрая и ласковая, маленькая красавица. С ней к нам придёт надежда на всё хорошее, на долгую и счастливую жизнь вместе. Чтобы нам больше никогда не пришлось расставаться. Я уже чувствую, как беру её на руки, прижимаю к груди, она обхватывает своими ручонками меня за шею,

шекочет меня золотистыми кудряшками и говорит: “Папа, как хорошо, что ты приехал, я так долго тебя ждала...”»

В письмах Николай вспоминал их довоенный Ленинград: «...Как поживает наш ангел на Исаакиевском соборе? Помнишь, 7 ноября после демонстрации мы заблудились где-то между улицей Дзержинского и проспектом Красных Командиров и как-то вдруг попали на площадь Воровского. Золочённый купол Исаакиевского собора сверкал на солнце в центре площади. Мы крепко держались за руки, боясь потеряться. До нашей свадьбы оставалось около двух месяцев. Я помахал ангелу на Исаакиевском соборе и стал у него просить твоей руки. Ангел стоял, опустив голову, и внимательно смотрел на нас со своей головокружительной высоты. Ты смеялась и говорила, что видишь, как ангел нам улыбается.

После Первомайской демонстрации мы сразу с площади Урицкого через сад Горького прибежали к нашему ангелу. Я гордо показал ему обручальное кольцо на правой руке. Я кричал: “Спасибо, ангел, я твой должник на всю жизнь!” Я клялся ангелу, что буду любить тебя вечно. Ты смеялась и махала ангелу рукой. В твоих глазах сияла озорница-весна, сводя меня с ума. В лучах майского солнца я увидел, как ангел опять нам улыбнулся. Нам все улыбались: незнакомые прохожие, суровые постовые и даже очень важные вагоновожатые. Мы не шли, а парили в бескрайних облаках счастья.

Сейчас я далеко от тебя, от Исаакиевского собора, от нашего ангела... Наш солнечный цветущий мир радости и счастья из-за войны и разлуки стал чёрным, как ночная мгла. Вся наша жизнь осталась где-то далеко, в другом мире, там, где светило солнце, где улыбались ангелы, где каждая минута была счастьем...»

Николай писал о том, как они простились на вокзале: «...Как-то неправильно прошло наше первое в жизни расставание. Мы не успели сказать друг другу что-то очень важное. Было понятно, что мы расстаёмся, что уже завтра я не увижу, как рано утром любопытное солнце осторожно заглянет к нам в комнату, я не смогу сказать тебе: “С добрым утром, любимая”, что не увижу твою улыбку — родную, нежную и ласковую. Я до боли сжал зубы, чтобы не закричать от ужаса происходящего. Вокруг женщины плакали, провожая своих отцов и мужей. Ты же молча и неотрывно смотрела на меня. В твоих глазах были беспомощность и страх. Никогда не видел тебя такой. Я обнял тебя, прижал к себе и не мог вымолвить ни слова. Не знаю, сколько времени мы так простояли. Всё смешалось... Я не чувствовал ни земли под ногами, ни дождя, ни времени. Только ты и я... Внезапно раздалась команда: “По вагонам!” Все побежали. Паровоз издал последний гудок и гулко вздрогнул. Кто-то стукнул меня по спине и крикнул: “Что, в штрафбат захотел?” Ты разжала руки. Я прыгнул на подножку вагона. Ты пошла рядом, потом побежала. Мы опять неотрывно смотрели друг на друга. Ещё одна минута вместе. И ещё одна... Ты стала отставать. Моё сердце сжалось, стало трудно дышать. Я еле сдержался, чтобы не выпрыгнуть из вагона. Поезд умчался, а в моих глазах ты всё бежала и бежала, хрупкая, испуганная, растерянная... Я должен был тебя как-то успокоить, приободрить, сказать какие-то правильные слова, но не сумел, не смог... Очень корю себя за это. Прости...»

Николай писал о том, как они встречали Новый 1941 год: «Как всё изменилось... На прошлый Новый год ты в первый раз пригласила меня к вам. Твоя мама пекла пирог с капустой, а ты, сильно волнуясь, готовила на новеньком блестящем керогазе курицу с рисом. Всё головокружительно пахло. Сейчас мне кажется, что это был запах счастья. Я смущался и пытался что-то рассказывать. Старался произвести хорошее впечатление...

За окном шёл снег. Огромные хлопья падали, кружились. Зима заботливо, как-то по-матерински, укрыла снежным одеялом всё: дома, улицы, дворы, а у меня тогда в душу забралась весна — смешная шалунья с двумя косичками, очень на тебя похожая. Тогда я был уверен, что счастье навсегда пришло к нам. Твоя мама спросила, люблю ли я тебя, и внимательно посмотрела мне в глаза. Я сказал, что люблю больше жизни. Ей понравился мой ответ. Было видно, как она радовалась, глядя на нас.

Мы произносили тосты, загадывали желания. Потом вдохновенно и пылко отплясывали то ли фокстрот, то ли пасодобль, забыв про остывающий чай и пирог с аппетитной румяной корочкой. Патефон играл “Рио-Риту”. Мне казалась, что эта мелодия рассказывает именно о нас. О том, что мы будем всю жизнь идти рука об руку под стук кастаньет, радостно и уверенно. Я стал говорить, как мы будем жить, сказал, что куплю письменный стол и шкаф. Сказал, что у нас будет много детей и, оговорившись, сказал, что младшие будут ухаживать за старшими. Мы все рассмеялись. Я читал стихи Блока и Есенина, которые считались тогда упадническими, но мне они нравились. А потом мы с тобой пошли топить печку. Я надел большие серые варежки, розовый с оборочками передник твоей мамы и, вооружившись кочергой, разбивал прогоревшие угли, подкладывал в печку новые поленья. Ты смотрела, как я кочегарю в таком нелепом наряде, и с трудом пыталась скрыть улыбку. У тебя на щеках появлялись очень милые ямочки. Я засмотрелся на тебя, неловко повернул кочергу и чуть не устроил пожар... Дрова вспыхивали и трещали в печке, отдавая нам своё тепло.

Как всё изменилось... Теперь я с тобой лишь во сне. Родная моя, солнышко моё ясное, не печалься и не грусти. Я обязательно вернусь к тебе, надо только подождать. Мы непременно станцуем с тобой “Рио-Риту”, будем как и раньше ходить в Летний сад, будем мечтать, будем любить, и будет мир, и будет счастье».

О войне Николай почти ничего не писал. Написал только, что охраняет военный продовольственный склад в Рязани. Даша всем говорила, что кому-нибудь ведь нужно охранять продовольственные склады, что без продовольствия никто воевать не сможет. Соседки над ней посмеивались и даже прозвали её рязанской провиантшей. Они до слёз переживали за своих мужей и сильно завидовали Даше. Их мужья все как один воевали на передовой. Кто-то уже был ранен в бою. Наверное, их мужьям было очень приятно писать домой о своих геройских подвигах и боевых наградах. Даша же была рада, что Николай в тылу, и не волновалась за него. Она спокойно родила дочь — мою бабушку Надю.

Когда их дочери было уже полтора года, Даша получила двадцать восьмое письмо. Это была «похоронка». В извещении (похоронке) казённо и сухо писалось, что Николай Викторович Варшавский, 1920 года рождения, уроженец города Ленинграда, 12 марта 1943 года погиб в бою за социалистическую Родину, верный воинскому долгу и военной присяге, проявив героизм и мужество. Текст похоронки был напечатан под копирку на печатной машинке, ручкой вписывались личные данные погибшего и даты.

Своё горе Даша переживала вместе с соседями. Похоронки к этому времени уже не были редкостью. Когда на душе становилось совсем тяжело, они собирались вместе на кухне и пели песни своего военного времени:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила,
Что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.

Порой ночной
Мы распрощались с тобой...
Нет больше ночек!
Где ты, платочек,
Милый, желанный, родной?

После войны Даша ездила в Рязань разыскивать могилу Николая, но ничего найти не смогла. В местном военкомате ей сказали, что весь архив сгорел в конце войны. С тех пор в день рождения и в день смерти Николая Даша шла в Летний сад на их любимое место к Амуру и Психее и оставляла там ему цветы. Мы до сих пор так

делаем. Летний сад всё так же полон цветов, откуда-то звучит негромкая музыка, а на пруду, как и прежде, плавают неразлучная пара белых лебедей под голубым мирным небом.

В 1974 году, через двадцать девять лет после Победы, прабабушке пришла повестка из райвоенкомата. Там ей передали орден Красной Звезды, которым был награждён Николай (посмертно) за то, что он, будучи уже смертельно раненным, смог подавить немецкую стратегическую огневую точку в бою за освобождение города Вязьмы. Он спас жизни многих наших солдат, идущих в атаку. Как выяснилось, с ноября 1941 года Николай воевал в составе артиллерийского полка 10-й Армии Западного фронта, и в Рязани никогда не был.

Конечно, мы дорожим орденом Николая, но я хорошо понимаю, что мой прадед воевал не за награды и почести, а за своих любимых и родных — за нас.

9 мая в День Победы наша семья всегда собирается вместе у бабушки на праздничный обед. Мы вспоминаем погибших на войне и поём военные песни: «Тёмная ночь», «Синий платочек», «В землянке»... Ещё мы обязательно поём довоенную песню «Тайна» и вспоминаем моего прадеда Николая. Вечная ему память.

г. Санкт-Петербург, губернаторский лицей № 30, 8 класс

Александра Ермакова

Дождь

Над полями накалялся воздух.
Задыхаясь, умирала рожь.
Даже месяц ночью в чаще звёздной
Был на злого хищника похож.

Только там, за горизонтом дальним,
В небо грозовой взвивался змей.
Гром-кузнец, стуча по наковальне,
Облачных подковывал коней.

День за днём, измученные зноем,
Колоски брели на эшафот...
О дожде молило всё живое,
Вся земля ждала его приход.

И, конечно, дождалась! Под вечер
Чёрной тучей смыло синий свод,
Над полями вскачь промчался ветер
С радостным известьем: дождь идёт!

Словно морж, отряхиваясь, ливень
Ощетинил мокрые усы.
Острых молний голубые бивни
Врезались в поникшие кусты.

Вал воды, обрушиваясь косо,
Выпятил раздувшийся живот.
И пошёл с подскоком, с перехлёстом,
С шумом вытанцовывать фокстрот.

Дождь прошёл.
Смеялось солнце в лужах.
Не спеша потягивалась рожь...
Этой ночью, Млечный Путь уютно,
Месяц на котёнка был похож.

*г. Переславль-Залесский, Ярославская область,
школа № 4, 9 класс*

Юлия Сукгоева

Подарок

Карина, 25 декабря

Сегодня в школе шумно. Все носятся по коридорам, кричат, смеются. Идёт последний учебный день второй четверти. На уроках никто не слушает учителей, все хотят поскорее получить четвертные оценки и убежать домой. Я тоже с нетерпением жду новогодних каникул, ведь это мой самый любимый праздник!

По дороге из школы я представляла, как мы вместе с родителями поставим ёлку и накроем праздничный стол, а утром 1 января я найду под ёлкой свой желанный подарок.

Кот, 25 декабря

Как хорошо лежать в уютном мягком кресле с закрытыми глазами. Рядом греет батарея, можно подремать. В тёплые дни можно гулять на улице хоть целый день. Бывало, что я выпрыгивал через окно и бродил по улицам до вечера. Повезло, что мы живём на втором этаже. Сейчас пришли морозы, бегать по снегу неохота: лапы можно отморозить. Лучше понежиться в кресле.

Карина, 28 декабря

Всё почти готово! Ёлку мы поставили вместе с мамой. Я повесила гирлянду и нацепила на ёлку игрушки. Папа стал часто задерживаться на работе и приходит домой усталый.

Кот, 29 декабря

Кто-то треплет меня за шерсть. Не успел я опомниться, как меня потащили к входной двери и выставили в подъезд. Я стал царапать дверь когтями. Бесполезно. Оглядевшись, я нехотя поплёлся к подоконнику и прилёг. Из окна дул холодный ветер. Он страшно гудел. Бах! Хлопнула чья-то дверь. От неожиданности я подскочил и пулей прыгнул в распахнутую форточку.

Карина, 31 декабря

Одной дома сидеть скучно. Родители всё ещё не пришли. Неужели работа для них важнее такого замечательного праздника?

На часах 19:15. Я просмотрела уже три фильма, накрыла стол и — самое главное — спрятала под ёлку приготовленные для родителей открытки.

Спустя полчаса пришёл папа. Ещё через полчаса — мама. Было уже восемь вечера. Оба были уставшие и, кажется, очень расстроенные. Пучок на маминой голове превратился в беспорядочное гнездо, а тушь растеклась. Она позвала меня на кухню и сказала, что хочет кое-что сообщить.

— Ты уже взрослая девочка, Карина, должна понять. У меня на работе сейчас трудности, и я ничего не успеваю. Так что извини, тот подарок, который ты хотела на Новый год, не получилось пока что купить.

Тут у мамы зазвонил телефон, и она быстро вышла из комнаты.

Слёзы сами покатались из моих глаз. Недолго думая, я накинула куртку и выбежала из дома.

Кот, 31 декабря

Лапы мёрзнут. Хвост мёрзнет. Так холодно... Люди проходят мимо и не обращают на меня внимания. В окнах горит свет. Вот идёт женщина с пакетами и весело болтает по телефону. Она заходит в дом. Наверное, там тепло. Я кинулся к двери, но не успел, и та с грохотом закрылась. Я побрёл в надежде всё же найти тёплое сухое место и наткнулся на мусорные баки. В них рылась старушка. Я тоже стал искать что-нибудь съестное. Нашёл только остатки рыбы. Делать было нечего, и я пошёл дальше.

Карина, 31 декабря

Снежные хлопья летят в лицо, почти ничего не видно. Я иду сама не знаю куда. Мне так обидно, и даже не из-за подарка, а из-за того, что родители не уделяют мне внимания. Но ещё больше обиделась я на себя. Может, маме сейчас трудно, и нужно было её поддержать, а я взяла и убежала...

Неожиданно вдалеке на фоне белого снега стало виднеться тёмное пятно. Я подошла поближе и — вот те раз! Прямо на дороге сидел кот и своими большими глазами смотрел на меня. Выглядел он жалко: обвисшая мокрая шерсть, один бок запачкан. При этом кот еле слышно мяукал. Моё сердце сжалось. Не могу ведь я оставить его одного замерзать тут! Я бережно подхватила кота на руки и понесла домой. По дороге я сняла свой шарф и укутала им котика.

Забежав в квартиру, я быстро скинула ботинки и понесла моего нового друга к тёплой батарее. Налила молока в миску и взяла с праздничного стола несколько кружочков колбасы для кота.

Кот, 31 декабря

Ах, как же я рад, что снова в тепле. Девочка, которая приютила меня, такая добрая! После того как я поел, она посадила меня к себе на колени и стала ласково водить рукой по моей шёрстке. Я радостно мурчал.

Карина, 31 декабря

Кот заснул у меня на коленях. Мама заглянула в комнату и с удивлением уставилась на него.

— Мама, тише... Это мой Подарок, не буди его, — прошептала я.

— Вот так чудеса!

Мама обняла нас с Подарком, и мы пошли к ёлке, где нас уже ждал папа.

Кот неожиданно прыгнул с моих рук и подбежал к папе, который в это время цеплял вилкой рыбу.

— О, — улыбнулся папа, — у нас появился ещё один любитель рыбы!

Теперь я поняла, что лучший подарок на Новый год — это когда близкие рядом и счастливы.

Филипп Хорват

Дедушкин Краскомовский

Человеческая память удивительна и уникальна по своей сути. Учёные-нейрофизиологи объяснили химию и физику процессов, управляющих памятью, но, кажется, никто так и не сумел подойти к главному, к сущностному: почему мозг сохраняет отпечатки некоторых событий, разговоров или ситуаций, а другие вытесняются, забываются, исчезают, словно никогда их не было? Кто устанавливает приоритеты для запоминания? Уж точно не человек в сознательном своём ежедневном движении вперёд, иначе бы мы, наверное, откладывали в ящичек памяти только самое приятное и хорошее, чем можно было бы наслаждаться в грустную минуту...

Очевидно, для памяти нет деления на приятное и неприятное, важное и неважное, ведь порой остаётся в голове настолько малозначительная ерунда, вспоминаешь которую всегда с чувством досады или неловкости. Спрашивается, почему в голове засел именно этот момент, именно этот короткий диалог или чей-то мимолетный взгляд? Ничего же в таких впечатлениях особенного или поворотного для жизни нет, но вот тем не менее — они с тобой навсегда (а специально ведь не забудешь даже, так оно не работает).

Из области удивительного и те свойства памяти, которые ближе к старости выдвигают на передний план события давно минувшего, но при этом «стирают» то, что было вчера или пару часов назад. Одними процессами разрушительной возрастной деменции этого не объяснить, тут что-то другое, пожалуй, философское, заставляющее перед лицом подступающего, неизбежного ухода обращаться далеко назад и вспоминать, а вспоминая, пытаться осмыслить — была ли твоя жизнь правильной, цельной, дающей хоть сколько-нибудь значимый результат? Это по-человечески понятно, ведь мысль о том, что прожил, к примеру, свои семьдесят-восемьдесят лет просто так, без особой цели, для мыслящего, рефлексирующего человека ужасна. Так быть не должно, и память волей-неволей сама выносит из дымки ушедшего некие образы, символы того, что всю жизнь ты делал что-то такое, за что перед лицом по крайней мере родных и близких не стыдно.

Жизнь моего дедушки, Владимира Александровича Хорвата, бессмысленной точно не назовёшь. Пример его судьбы обыкновенного советского человека, честного труженика-геолога и прекрасного семьянина, прожившего в браке с любимой и единственной женой (моей бабушкой) до самой смерти, демонстрирует путь хорошего,

Филипп Хорват — писатель, литературный обозреватель. Родился в г.Ташкент Узбекской ССР в 1983 году, окончил Санкт-Петербургский Политехнический университет по специальности маркетинг и менеджмент. Публиковался в журналах и электронных литературных медиа, в том числе в «Новом мире», «Сибирских огнях», «Бельских просторах», «Нижнем Новгороде», «Авроре», «Кольце А», «Texture». В «ДН» печатается впервые.

правильного человека. Он наверняка бы мог гордиться тем, что сделал в своё время для любимой профессии, будучи ценным сотрудником Среднеазиатского института геологии и минерального сырья МГ УзССР (САИГИМС), начальником нескольких геологических партий и автором солидной научной монографии о рудном месторождении Мурунтау. Ещё больше поводов для гордости могло приносить ему осознание того, что он воспитал любимую (и любящую в ответ) дочь и помог ей встать на ноги, а затем ещё успел как-то повлиять на троих своих внуков и что-то вложить им в головы. Я сейчас не берусь судить о чувствах этого, во многом своеобразного и оригинального, человека, а спросить, понятное дело, уже не могу: дедушка умер восемь лет назад...

Однако один косвенный признак, проявивший себя на последнем десятке жизни дедушки, подсказывает мне, что внешнего лоска благополучия, осознания правильности пути ему, наверное, было всё же мало. Этот признак прямо связан с заявленной темой памяти — именно она, мятущаяся и беспокойная, подсказала дедушке в какой-то момент зафиксировать на бумаге всё то, чем он жил на протяжении семидесяти с лишком лет, в детальных подробностях описать свой трудовой и семейный путь. Так родилась обширная и монументальная рукопись под скромным названием «Воспоминания».

По мере погружения в работу, раскручивания в обратную сторону колеса памяти, расширился и замысел. Перебирая фотокарточки более чем столетней давности, доставшиеся в наследство от предков, дедушка задумался о составлении генеалогического фамильного древа Хорватов. В меру своих сил, связей с разбросанными по свету близкими и дальними родственниками эту работу он выполнил, обрисовав схематично древо от 1750 года, с момента переселения общего предка Ивана (Куртица) Хорвата, сербского дворянина и полковника австрийской службы, в пределы Российской империи. Всё это в рукописно-альбомном виде сохранилось и ждёт полноценного оформления во что-то большее. Когда-нибудь я эти записи точно превращу в настоящую, серьёзную книгу, и уж, во всяком случае, потомкам Хорватов читать её будет интересно, полезно для понимания того, чем жили предки.

Идея этого эссе, впрочем, не настолько грандиозна, чтобы распутывать огромный клубок судеб отдельно взятой семьи. Я бы хотел подсветить только одну географическую локацию, которая в памяти дедушки прочно ассоциировалась со счастливым и беззаботным детством — тем самым Эдемом, реального возврата в который, к сожалению, нет ни для кого. Это простая ташкентская улица, да и не улица даже, а скромный тупиковый проулок в центре города, проулок, которого в столице узбекской ныне независимой республики давно уже нет. Нет ни того старого советского города, ни улицы, на которой жил дедушка ребёнком, ни самого дедушки, но всё это удивительным образом живёт и сохраняется в записанных воспоминаниях — ну правда, вот же волшебное свойство человеческой памяти, изобретшей своего рода «машину времени».

Из чего большей частью состоят воспоминания о ранних годах жизни?

Если закрыть глаза и окунуться в глубины детства, то появляются самые разные смутные образы. Это прежде всего родители, братья-сёстры, близкие и дальние родственники. Затем уже всплывают образы первых друзей и подруг, дворовых приятелей и врагов, обидчиков и благодетелей, формируются в сумерках воспоминаний тени тех, в кого ты периодически «влюблялся».

Вереница первых жизненных впечатлений неразрывно связана с тем местом, где человек обитает в детстве. Родной дом или несколько таких домов, если семья большая, тесно переплетённая родственными связями между дедушками-бабушками, тётками-дядьями и т.д. Помимо самого дома, это, конечно же, и двор, а если брать шире — то улица, запомнившиеся здания на ней, магазины и рынки, парки и скверы,

в общем, все те важные и значимые для ребёнка места, которые рожают целый мир. Именно сюда, в чуть искажённые памятью сакральные уголки детства, люди часто возвращаются во снах — будто не случилось никакого взросления, не было длинной и странной, порой запутанной и непонятной жизни. И ты всё так же бродишь мальчишкой или девчонкой по знакомым, любимым местам в компании тех, кого давно уже, возможно, нет в живых. Встроенная в голову личная «машина времени» работает без сбоев по ночам, ничего даже и записывать не нужно...

Мой дедушка родился и вырос в Ташкенте в первой половине 30-х годов прошлого века. Место рождения — Краскомовский переулок, в самом центре города, рядом со старым зоопарком.

Я уже упомянул выше, что нынче эта локация в прошлом, от неё не осталось и следа, последние постройки в той местности сгнули к началу нулевых, когда прокладывали широкую правительственную трассу, названную в честь первого узбекского президента — Ислама Каримова. Размышляя об этом, я прихожу к горькому выводу: а ведь правда, рано или поздно любое место, с тобой связанное, исчезнет. Произойдёт ли это через сто, двести, тысячу лет, но это случится. В этом, пожалуй, прячется горькая ирония материальной жизни вообще: уж насколько хрупко человеческое тело, так ведь и ничто вокруг не переживёт отведённых природой пары-тройки тысяч лет. Всего лишь несколько тысячелетий, и повзёт остаться в истории знаковым именем разве только тому, кто совершит нечто грандиозное в войне, науке или искусстве (при условии сохранения развитой человеческой цивилизации, конечно же, которая всегда парит в миллиметре от гибели). Получается, что и память не бесконечна, она живёт в пределах сознательной человеческой истории...

Судьба дома из дедушкиного детства в сравнении с этими тысячелетиями мимолетна. Дедушка и сам, хоть из уже российского далёка, застал момент окончательного ухода в небытие всего, что было связано с Краскомовским переулком — как знать, может, и это косвенно повлияло на его решение засесть за мемуары.

А начиналось всё с осознания, освоения даже не малой родины, а... микрородины. Этот промелькнувший в мемуарах термин дедушка заимствовал у советского писателя, литературного критика и замредактора журнала «Новый мир» Алексея Ивановича Кондратовича: «Есть большая, малая родина. Но есть ещё, видимо, микрородина, родина памяти, родина сознания, когда ты впервые почувствовал, что ты есть на свете»¹.

Действительно ведь родина памяти, сознания и момент осознания того, что ты есть и ты живёшь в определённом месте. Дедушка о своей микрородине вспоминает так...²

Краскомовский переулок, 19

Только что появившийся в Ташкенте троллейбус номер «5» отходит от конечной остановки «Дархан-арык» и бежит по Пушкинской, пересекает Асакинскую (здесь на перекрёстке стояла когда-то Сиреневая церковь) и устремляется к Консерватории. Тут он поворачивает налево и держит путь по булыжной мостовой Жуковской улицы. И вот остановка — между Советской, идущей напрямиком к зоопарку, и Краскомовским

¹ Цитата по неоконченной книге А.Кондратовича «Нас волокло время...», опубликованной в журнале «Знамя», № 3, 2001 (<https://magazines.gorky.media/znamia/2001/3/nas-voeloklo-vremya.html>).

² Далее в тексте приведены с небольшими купюрами две небольшие главы из мемуаров Владимира Александровича Хорвата.

переулком. Пора выходить, ибо в переулке мой дом, 19-й номер по левой стороне. А «пятёрочка» мчится дальше, пересекает улицы Карла Маркса, Куйбышева, Пролетарскую, сворачивает на Шевченко, и вот вокзал, вторая конечная.

Я неоднократно обращался к бабушке, просил её объяснить происхождение названия переуллка. «В честь красного командира — краскома», — ответствовала она. Что ж, я соглашался, ведь есть улица Пролетарская, видимо, отдающая должное делам безымянного пролетария. Но в памяти застряли куплеты блатной песенки:

Как в Краскомском переулке
 Кореш крикнул: «Беги!»
 Двадцать пуль ему влогонку,
 Семь остались в груди.
 На столе лежит покойник,
 Тихо свечи горят.
 Это был убит разбойник,
 За него отомстят.

«Возможно, братва отомстила командиру отряда, рассеявшего банду, — фантазировал я, — и место схватки увековечили именем краскома». Но тут возникла неувязка: ведь залп вслед убежавшему разбойнику был дан в переулке, который уже назывался Краскомовским. До чего-либо путного я так и не додумался.

Многие из перечисленных улиц лучами отходили от Сквера революции, спускались к крупному арыку Салар и устремлялись на выход из города, превращаясь в шоссе и тракты. По радиальным улицам легко обозначался контур малой родины: на западе — Сквер, на севере — Пушкинская, на юге — Куйбышева. Восточная граница определялась руслом Салара, вдоль которого располагались стадион «Динамо», ПКиО им. Тельмана, зоопарк, полуразрушенный польский костёл. Они служили постоянным центром притяжения краскомовской ребятни, называвшей себя хеврой¹.

А теперь о микрородине, средоточием которой являлась притупиковая часть Краскомовского переуллка и родовое гнездо — дом № 19 с садом. А между крупными улицами-лучами пролегли мелкие улочки и переулки: Свердлова, Краскомовский, Ногина, Коларовский и пр. Все они были знакомы нам до последнего камешка, до последней ямки. И это тоже микрородина.

Итак, Краскомовский переуллок, он же — тупик. Отходя от Жуковской, переуллок заканчивался у земляного собора с кирпичной покрышкой, за которым простиралась холмистая территория, никак не освоенная, но принадлежащая, кажется, зоопарку. Мы окрестили её заповедником. Главное достоинство заповедника — окаймляющий с востока Салар, в котором тогда ещё водилась рыба.

На дороге в переулке — ни асфальта, ни булыжника. Тротуары выложены кирпичом, который в дождливое время спасал от грязи. А машинам на дороге приходилось несладко: они то и дело проваливались в глубокие колеи и ямы. Но зато весной, летом и даже осенью переуллок утопал в зелени тополей, акаций, клёнов. Справа от Жуковской, между дорогой и тротуаром, бежал полноводный арык, неся свою чистую водичку до Салара. В арыке жили водяные змеи и лягушки.

Напротив нашего дома дорога поворачивала направо (на повороте не просыхала огромная лужа) и упиралась в ворота детской технической станции — монументального здания с окнами-бойницами, похожего на замок средних веков. Здесь вечерами во дворе крутили кино и собиралось довольно много народу из близлежащих домов — сидели на низеньких скамейках.

¹ Слово «хевра» в русский язык пришло из иврита и означает фирму, компанию. В первой половине прошлого века слово «хевра» ненадолго закрепилось в уголовном жаргоне: так обычно называли банду, преступную группировку.

Мария Ануфриева

Портал в библиотеку

Мое детство неразрывно связано с библиотекой. В первую я записалась сама, научившись читать еще в детском саду. Это была взрослая библиотека возле дома, в которой, по счастью, работала знакомая родителей, и все действительно было по-взрослому: в фонде мне находили книги для читателей помладше, в основном это была приключенческая литература, благодаря чему «Всадника без головы» Майна Рида я прочитала в подготовительной группе детского сада.

Настал черед школьной библиотеки — пожалуй, самого любимого места в школе, откуда пятничным вечером после продленки можно было унести книгу, смакуя по дороге домой мысль о том, как побыстрее сделаешь уроки, а впереди — два дня новых открытий. И как хорошо, что рядом еще есть районная библиотека, ведь книг можно взять в два раза больше. С походом в эту библиотеку связано одно из ярких воспоминаний: зимняя темень, иду сдавать книги, но встречаю одноклассников — как не повалиться в сугробах... На пороге обнаруживаю, что пакет порвался и не хватает трех, бегу обратно, вот они: ждут меня, уже припорошенные снегом. Восторг человека, нашедшего потерю, — впервые испытала его в тот момент.

В библиотеку я всегда приходила как читатель и очень бы удивилась, узнав, что спустя тридцать с лишним лет узнаю библиотечный мир изнутри. Да, изменившийся за эти десятилетия, инновационный, технически оснащенный на принципиально ином уровне, но все же сохраняющий традиции библиотек моего детства.

Гений места

23 апреля 2022 года в Центральной Библиотечной Системе Кировского района Санкт-Петербурга открылся новый Библиотечно-культурный мультимедиа комплекс «Портал». Вот уже полгода подписываюсь в мужском роде, согласно штатному расписанию — заведующий отделом детских и молодежных программ БКМК «Портал».

В первый же месяц работы стала ловить себя на мысли, что пресловутый «гений места» — не пустые слова, определенно в них есть нечто метафизическое и вместе с тем вполне материальное. В прежние времена в нашем помещении находился детский сад, закрывшийся в годы перестройки, помещение пустовало, приходило в упадок.

Ануфриева Мария Борисовна — прозаик, журналист. Родилась в 1977 году в Петрозаводске. Окончила факультет журналистики СПбГУ. Печаталась в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Урал». Автор романов «Медведь» (2012), «Карниз» (2015), «Доктор X и его дети» (2020). Лауреат премии им. Н.В.Гоголя. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза писателей Москвы. В 2023 г. на экраны выходит художественный фильм по роману «Доктор X и его дети» с заслуженным артистом РФ Сергеем Пускепалисом в главной роли. Живет в Санкт-Петербурге. Член Редакционного совета журнала «Дружба народов».

Сейчас его вновь наполнили дети — наши основные и любимые посетители, хотя библиотека не считается детской. О былой разрухе напоминают только фотографии на стене, на которых совмещены картинки того, что было и как стало. А стало действительно хорошо, семьям этой части Кировского района вернули пространство для интересных встреч, осмысленного досуга и, конечно, чтения книг.

Мы уже не детский сад, но, если зайти к нам в «часы пик», которые случаются регулярно, особенно перед кинопоказами или после мастер-классов, вас встретят детсадовцы, ученики начальной школы и их родители. Бывший садик не превратился в очередное офисное помещение, а зажил новой жизнью — благодаря всем, кто принимал участие в зарождении библиотечного, образовательного, досугового пространства. В первую очередь, это глава Кировского района Санкт-Петербурга С.В.Иванов, заместитель главы администрации Кировского района С.А.Ларченко и директор ЦБС Кировского района Е.Ю.Ястребова.

Общими усилиями давно пустовавшее помещение превратилось в два этажа современной библиотеки, которую даже библиотекой в обычном понимании сложно назвать. Неслучайно дети часто говорят: «Можно, я у вас останусь?», «Я хочу тут жить». Однажды перед закрытием подслушала разговор заигравшихся ребят, они выключили свет в одной из комнат и устроили совещание:

— Давайте спрячемся тут на ночь.

— Но ведь они закрываются на два дня! Как же без воды?

— Так на кухне кулер стоит.

Юные заговорщики не знали про систему сигнализации, датчики движения, а я живо представила, как посреди ночи мчусь вызволять читателей, решивших устроить себе квест на манер фильма «Ночь в музее», — и теперь сотрудники бдительно осматривают все укромные уголки перед уходом.

Взрослые посетители удивленно присвистывают:

— В нашем детстве такого не было!

В моем тоже. Наверное, и я была бы не прочь спрятаться и остаться в такой библиотеке подольше.

Виртуальная реальность и гримёрка... в библиотеке?

Концепция новой библиотеки изначально предполагала упор на реализацию досуговой и мультимедийной составляющей. В результате Библиотечно-культурный мультимедиа комплекс располагает множеством нетипичных для библиотеки помещений и зон.

Просторный компьютерный зал легко трансформируется в лекторий, обустроенный для проведения семинаров, в концертный зал и в кинозал с широким экраном, специально для кинопоказов на окнах есть блэк-аут шторы, так что проводить киносеансы можно даже в дневное время. Есть в библиотеке уютная коворкинг-зона и выставочное пространство, в котором успешно проходят выставки современных художников, фотографов, учащихся художественных школ. Для детей оборудован игровой уголок с искусственным покрытием и пуфиками. Подростки любят проводить время в изолированных домиках: снял обувь, залез, улегся на подушку — и читай книжку, а чтобы зрение не портили, в каждом домике есть светодиодные светильники. В комнате для мастер-классов удобно и детям, и преподавателям: можно помыть руки после занятий в замысловатых техниках (например, любимый нами тай-дай того просто требует), можно хранить материалы — зона оборудована как симбиоз учебного класса и современной кухни.

Самое большое удивление у новых посетителей, для которых мы обязательно проводим обзорную экскурсию, вызывает собственная гримёрка, как в настоящем театре. А самый искренний восторг — комната виртуальной реальности с фотозоной и 3D-очками, воспользоваться которыми может каждый желающий.

Безусловно, техническая оснащенность — сильная сторона современных библиотек, что позволяет привлечь посетителей дополнительными возможностями и активностями, а затем увлечь, приобщить к чтению. По моим наблюдениям, практически 100% пришедших на мастер-классы, в кинозал или на концерт пользуются и библиотечным фондом.

Очаг культуры на Гутуевском острове

Конечно, центром притяжения детей и взрослых мы стали не по мановению волшебной палочки. Новая библиотека с широким спектром досуговых возможностей заполнила собой лагуну, существовавшую в этой части Кировского района прежде.

Мы находимся на одном из тридцати четырех островов Северной столицы — Гутуевском острове, где жилая застройка соседствует с основным предприятием — Морским портом Санкт-Петербурга, ведущим свою историю с открытия Морского канала в 1885 году. Во времена СССР жизнь на Гутуевском острове кипела, строилось жилье для работников порта, а культурный досуг семей портовиков обеспечивали сначала ДК Водников, а после Великой Отечественной войны построенный на его месте ДК Моряков — прекрасный образец сталинского ампира с впечатляющим убранством. Как и многие другие ведомственные Дома культуры, в перестроечное время он пришел в упадок и перестал функционировать. На расположенном рядом Канонерском острове есть хорошая школа с бассейном, детский сад, но та ниша, которую раньше занимали ДК, тоже оказалась пустующей.

Поэтому неудивительно, что Библиотечно-культурный мультимедиа комплекс стал долгожданным для жителей Гутуевского и Канонерского островов. Не скрою, некоторые посетители, особенно поначалу, так наш «Портал» и воспринимают — как своего рода «клуб по интересам», место для отдыха и развлечений, тем более что дизайн интерьеров со всеми «плюшками» в виде пуфиков, домиков, мультимедийных экранов для игр, картин на стенах тому способствует. Один из постоянных вопросов, который задают почему-то преимущественно папы, звучит так:

— Можно я у вас ребенка оставлю и через три часа за ним приду?

Но часто можно увидеть и другую картину: мама или бабушка устраиваются рядом с младшим ребенком и вслух читают сказку, пока старший занимается в зоне виртуальной реальности.

За минувшие полгода сложился основной костяк постоянных читателей, которые регулярно берут на абонементе книги, проводят у нас свободное время по субботам на занятиях с детьми и в «Семейном кинозале» и даже советуются по житейским вопросам. По улице, на которой находится библиотека, невозможно пройти без того, чтобы не увидеть знакомого человека и чтобы с тобой не поздоровались. Догадываюсь, звучит оптимистично, но вместе с тем доказывает, что расширение функционала библиотеки и развитие направлений деятельности, априори ей не свойственных, работает на результат — популяризацию чтения и возрождение культуры посещения библиотек, во многом утерянной в перестроечные годы, когда нивелировались многие ценности.

Куда не ступала нога экскурсовода

Многие городские и районные библиотеки проводят собственные пешеходные экскурсии по интересным с краеведческой, исторической, литературной точки зрения маршрутам. Легко библиотеке в центре города: на какую улицу ни сверни, каждый камень хранит историю. Ту часть Кировского района, где открылся наш «Портал», как-то негласно было принято считать промышленной, да чего уж греха таить —

Максим Гуреев

Будьте как дети...

*Главы из книги**

Он умеет играть на валторне и фисгармонии, умеет петь, танцевать чечётку и рисовать, осведомлён в показывании фокусов и игре на бильярде, умеет выступать на эстраде, ходить по перилам балкона на последнем этаже Ленинградского Дома книги, летать в небеса и там застревать, у него неплохо получается изображать муху и своего несуществующего брата Ивана Ивановича, ещё он, разумеется, умеет писать стихи, рассказы и пьесы, придумывать философские трактаты, наконец, он умеет придумывать псевдонимы, лазать по деревьям, напяливать шляпу так, чтобы она весьма комично ложилась на оттопыренные его уши, как на жестяной карниз, умеет закатывать глаза, изображая покойника.

Одним словом, Даниил Иванович Ювачёв-Хармс умеет всё, за исключением одного: он не умеет любить детей — этих «жестоких и капризных старичков».

— Вот те раз!

— Как же можно не любить этих милых малышей, этих славных карапузов? Да это просто невозможно, ей-богу! — звучат возгласы и вопросы. — Это просто уму непостижимо!

Однако Даниил Иванович твёрдо рассуждает на сей предмет: «Все вещи располагаются вокруг меня некими формами. Но некоторые формы отсутствуют. Так, например, отсутствуют формы тех звуков, которые издают своим криком или игрой дети. Поэтому я не люблю детей... Травить детей — это жестоко. Нечто-нибудь ведь надо же с ними делать!» — и далее: «...с улицы слышен противный крик мальчишек. Я лежу и выдумываю им казнь. Больше всего мне нравится напустить на них столбняк, чтобы они вдруг перестали двигаться. Родители растаскивают их по домам. Они лежат в своих кроватках и не могут даже есть, потому что у них не открываются рты. Их питают искусственно. Через неделю столбняк проходит, но дети так слабы, что ещё целый месяц должны пролежать в постелях. Потом они начинают постепенно выздоравливать, но я напускаю на них второй столбняк, и они все околевают».

Известно, что дети бывают злыми, жестокими, но сами того они не понимают, потому что им не ведомы слова философа Христиана Томазия: «Не делай другим того, чего не желал бы для себя».

«Эх, Томазий, Томазий...» — мыслится.

А тем временем эти жестокие дети растут-растут, конечно, но не вырастают.

Они никогда не становятся взрослыми, потому что не хотят ими стать.

Все они желают лишь одного: быть похожими на Питера Пэна, у которого есть молочные зубы.

* Книга «Даниил Хармс. Застрявший в небесах» готовится к выходу в издательстве АСТ.

У Даниила Ивановича, разумеется, уже давно выпали все молочные зубы, и он ни за что на свете не станет причинять детям зло на деле, но с удовольствием будет воображать себе их мучения, потому как уже давно пребывает в полной уверенности, что его подобные страсти никогда не постигнут...

* * *

У младшей сестры Даниила Ивановича — Елизаветы Ивановны Ювачёвой (Грицыной в замужестве) — было двое детей: мальчики Кирилл и Владимир. С ними она была строга, даже груба, а порой и сквернословила в их присутствии.

У Надежды Ивановны Ювачёвой-Колюбакиной (мамы Дани Хармса) было четверо детей. Она была своенравна, несдержанна, деспотична.

У Натальи Ивановны Колюбакиной (тёти Даниила Ивановича) не было детей. Даня знал её доброй, терпеливой, улыбчивой (по крайней мере по отношению к себе). Причём это отношение к нему не изменилось и тогда, когда он вырос и перестал быть ребёнком. А может быть, Хармс вырос, но не перестал быть ребёнком? Как ему представлялось, остался им чудесным образом, ведь сказано у Святого Евангелиста Матфея: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царствие Небесное», — и после него не должно было быть детей вообще, этих «в лучшем случае, жестоких и капризных старичков».

А в худшем?

А в худшем:

Меня закинули под стул,
Но был я слаб и глуп.
Холодный ветер в щели дул
И попадал мне в зуб.
Мне было так лежать нескладно,
Я был и глуп и слаб.
Но атмосфера так прохладна,
Когда бы не была-б,
Я на полу-б лежал беззвучно,
Раскинувши тулуп.
Но так лежать безумно скучно:
Я слишком слаб и глуп.

Слабость и глупость всегда вызывают раздражение и брезгливое к себе отношение. Другое дело, что Даниил Иванович уже давно перерос это чувство к самому себе (если оно вообще было), усвоив, что он «лучше всех <...> умнее всех <...> может быть, на Марсе есть и умнее меня, но на земле не знаю».

Это абсолютно нормальное для ребёнка самопозиционирование, что он умнее всех, особенно, когда ему, в отличие от других детей, удалось выбраться из-под стула, куда его запихнули взрослые (настолько он им надоел своим бесконечным нытьём, капризами, идиотничаньем), и тем самым он заслужил их (взрослых) уважение: мол, какой молодец, какой умник.

И вот теперь Д.И. в свойственной ему высокопарной манере, видимо, изображая своего вымышленного брата, приват-доцента Ивана Ивановича, говорит: «Я не люблю детей, стариков, старух и благоразумных пожилых».

С детьми, стариками и старухами всё более или менее понятно, потому что они похожи друг на друга, потому что они стоят в начале и в конце жизни как привратники, как кустодии (стража) при вратах Иерусалимского храма, а, стало быть, знают что-то такое, что неведомо остальным, посему и вызывают ненависть, а также неосознанное желание уподобиться им.

Что же касается до «благоразумных пожилых», то ничего, кроме горькой усмешки, эти существа вызвать не могут, ведь лукаво притворяются «благоразумными разбойниками», «волками в овечьей шкуре» ли, посвящёнными, якобы знающими ответы на все вопросы, якобы различающими тайные помыслы, как об это сказано у Святых Отцов Церкви в «Добротолубии».

Там же в «Добротолубии» Хармс вычитал слова святого Василия Великого о детях, «ещё не навывших порочности», и впал при этом в противоречивое смятение, ведь всякий человек, будучи рождённым во грехе, априори подвержен скверне порока, и ребёнок в этом смысле ничем не отличается от взрослого, разве что первый порока своего не ведаёт, а второй осознаёт его и тешится этим знанием.

— Да как же такое возможно? — восклицают писатель Колпаков, вслед за ним Вера, Надежда, Любовь и мать их София и, наконец, господин Дандан (перечислены псевдонимы Хармса), — Да что же это на самом деле?

Действительно:

Да что же это в самом деле?..
Такая вялость в теле,
Мучительно ежесекундно чувствовать своё бессилие
Стихи совсем не сочиняются.
И каждый день мои пороки
С утра нахально начинаются.
Нет, жили иначе пророки!
Морщины изрезали мои руки.
Я целый день по комнате брожу от скуки.
Во мне не стало силы воли
Я начал пухнуть от душевной боли.
Оставьте меня сознания мухи!

Пороки, пророки, морщины, мухи сознания, муки сознания, сублимация собственного инфантилизма, подросток-аутист, который видит в своих ровесниках соперников или врагов, переросток, уверенный в том, что самым умным ребёнком является именно он, чтение вслух, страх, душевная боль, переходящая в душевную болезнь.

Перечисление как способ нагнетания обстановки, как психологический приём, необходимый для создания ощущения безнадежности и бессмысленности всего сущего, когда слова можно просто наудалую записывать в блокнот безо всякой уверенности в том, что они когда-либо пригодятся. И тут происходит парадоксальное: невыносимое, когда хочется наложить на себя руки, бросить всё, проклясть всех, вдруг становится желанным.

Итак, в ноябре 1927 года Даниил Хармс познакомился с редактором детского журнала «Новый Робинзон» и одновременно редактором детской редакции Госиздата (впоследствии — «Детиздата») Самуилом Маршаком. Для многих писателей того времени (Борис Житков, Виталий Бианки, Евгений Шварц, Александр Введенский, Николай Заболоцкий, Николай Олейников) встреча с человеком, по сути, стоявшим у истоков советской детской литературы, стала судьбоносной.

Даниил Хармс не стал в этом смысле исключением.

В конце 20-х — начале 30-х годов Д.И. (его друзьям по литературному цеху в том числе) стало ясно, что зарабатывать на жизнь тем видом творчества, которым они занимаются и которое проповедают, невозможно в принципе (более того, небезопасно по идеологическим соображениям). Становиться же пропагандистами, «агитаторами, горланами, главарями» перечисленные выше литераторы не могли хотя бы потому, что не имели к тому ни таланта, ни призвания, ни склонности характера, а говорить

Ольга Балла

И это будет наш мир

Руслан КОЗЛОВ. Stabat mater: Роман о милосердии. — М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. — (Большая проза);
Шамиль ИДИАТУЛЛИН. Возвращение «Пионера»: Роман. — М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. — 349, [3] с. — (Другая реальность);
Дмитрий ИСАКЖАНОВ. Толкование прошлого: Роман. — СПб.; М.: RUGRAM_Пальмира, 2021. — 407 с. — (Пальмира — проза)

Что объединяет все три этих романа — сколько бы ни было различий между их авторами, между видением ими мира, их повествовательными манерами? Ближайшим образом — общий тип происходящего в каждом из них: попадание людей в ситуацию, в которой непонятно, что и как делать, для которой нет заготовленных правил и моделей поведения, правила приходится угадывать, нащупывать, изобретать (не совсем, конечно, с нуля — всякий раз на основании некоторых априорных ценностей, которые как таковые не проблематизируются, что, кстати, способствует нахождению решений). Но это еще не все: существенным элементом в каждом из случаев оказывается детство, начальная пора жизни и соответствующее ей человеческое состояние.

* * *

Руслан Козлов, много лет работающий в детском хосписе, в своем романе соединил этот, сам по себе невыносимый, опыт с коронавирусной ситуацией, доведя ее тем самым до предела — чтобы было еще невыносимее, чтобы тем сильнее действовало. В мире разражается пандемия, по всеохватности подобная той, что устроил нам COVID-19, — с той разницей, что новой болезнью, синдромом Гувера-Джонса (СГД), болеют только дети. И смертность от нее — стопроцентная.

Козлов моделирует предельную ситуацию, априори безнадежную (из болеющих детей в его мире не выздоравливает никто) и безвыходную (лекарств от болезни — и даже сколько-нибудь внятного понимания ее природы — у медицины нет; все, на что она способна, — делать чуть более выносимыми последние страдания). Медицина здесь возможна лишь паллиативная, надеяться практически не на что. Или все-таки есть на что?

(Знающий работу и жизнь хосписов изнутри автор показывает эту жизнь со всеми ее техниками и практиками так, как способен только инсайдер: как своего рода рутину и, как ни трудно такое вымолвить, — норму.)

Вопрос о возможности надежды Козлов на протяжении романа — при всей отчаянности описываемого положения — оставляет настолько открытым, что это создает надежду само по себе. Прошу прощения за спойлер: небеспочвенную.

Роман, собственно, не совсем о детях как таковых. Куда скорее он — о взаимоотношениях взрослых (которые сами по себе и трудны, и грешны, и раздираемы страстями) друг с другом и с самими собой в почти неразрешимой ситуации; в пределе же — о борьбе добра и зла, света и тьмы. (Это одновременно — психологический и «достоевский» роман идей с монологами, диалогами, спорами о ценностях.) Здесь есть отчетливо, без переходов и полутонов, положительные и отрицательные герои, причем положительность никоим образом не предполагает идеальности, «правильности» и не требует ее. Тому, чтобы оказаться на стороне добра, не мешает ни личная сложность, ни слабость, ни обремененность грехами, ни раздираемость страстями. Ни центральная героиня романа Ника (с характером, трудновыносимым даже для нее самой), ни второй центральный герой, Иван Николаевич, не идеальны ни в малейшей степени (последний же мало того, что терзаем фобиями, но из-за этого, хотя и поневоле, в детстве оказывается причиной смерти собственной матери — по существу, собственными руками ее убивает). При этом оба они — герои сильнее-положительные. Для того, чтобы встать на сторону добра, достаточны — и необходимы — два условия: сознательный ценностный выбор и способность к состраданию (и напрямую следующему из него милосердию). Даже, собственно, одни только, неразделимые, сострадание и милосердие (разве что еще любовь, но она, кажется, состраданию и милосердию тождественна): они, если есть, приводят к правильному ценностному выбору безошибочно. Даже если ты трус и (невольный) убийца, — ты и тогда можешь быть хорошим человеком.

Но да, без детей тут ничего бы не получилось.

Дети тут прежде всего прочего — точки уязвимости: не только для своих родителей, но для всего взрослого мира в целом. Они — те, от чьих страданий взрослым больнее и мучительнее всего, — испытание взрослым на способность к милосердию и достойному поведению. Не все выдерживают.

Активно действующий герой-ребенок там один-единственный (скорее, активно присутствующий; действовать ему почти невозможно, он болен и на протяжении основной части романа прикован к постели), но присутствует он настолько активно, что оказывается в числе центральных персонажей: мальчик Алеша. Это он разговаривает с ангелом — который, в свою очередь, разными способами подтверждает своему маленькому собеседнику собственную реальность. Кстати, указывает он и на то, что из катастрофы есть выход, — правда, не говорит, какой именно. Это людям предстоит выяснить самостоятельно.

Все остальные дети присутствуют скорее фоном, упоминаниями, — за исключением, правда, пары влюбленных друг в друга пациентов хосписа, Риты и Лени (странная мысль: случайно ли имена их повторяют имена Леонида Аронсона и жены его Риты Пуришинской?). Рита с Леной действуют там вполне активно, но дети они только по своему юридическому статусу — и по уязвимости для болезни. Вообще-то они уже подростки, претерпевающие гормональный пожар, и живут по взрослым моделям. Можно еще один спойлер, совсем небольшой? Рита в конце концов беременеет и оказывается второй, после Алеши, пациенткой хосписа, сумевшей пережить смертельную до тех пор болезнь. Жизнь побеждает смерть неизвестным науке способом.

Это одновременно антиутопия и утопия. Антиутопия — потому, что мир Козлова в некотором смысле беспощаднее нашего: мало того, что смертность от болезни там стопроцентная, но еще и государство, порешившее закрыть хосписы и отправить детей умирать по домам, без помощи, в ничем не ослабляемых муках, жестоко расправляющееся с теми, кто сопротивляется такому решению, соперничает в свирепости с тем, что досталось нам в историческом опыте. Утопия же — потому, что выход, хотя и, по существу, сверхъестественный, там в конце концов почти обретается (или даже не почти). Однако он не найден усилиями как человеческое решение, —

он фактически дается чудом. Еще точнее говоря, спасение буквально послано Небесами, — человеческим же вниманием, усердием и самоотверженностью оно лишь уловлено и пытается закрепиться.

А выход оказывается в возможности принимать на себя чужие страдания. Буквально, физически, — хотя и метафизически тоже.

(К вопросу об именах: вряд ли случайно мать Алеши — вторая героиня после Ники героиня романа, у которой обнаруживается эта целительная способность — оказывается тезкой матери Христа. Ее зовут Мария Акимовна, а Богородица, как мы помним, была дочерью Анны и Иоакима.)

Представления об устройстве мира в целом и о природе пронизывающих его закономерностей у автора, несомненно, христианские (у его героев — сложнее). В этом мире есть бессмертие — во всяком случае, некоторое посмертие, — лишенное, впрочем, отчетливо-христианских черт и, по крайней мере в начальной своей области, в точности, до подробностей воспроизводящее земную жизнь.

(В романе есть и еще одна линия, параллельная основной: Кириона, богослова II века, чудесно спасшегося вместе со всей своей христианской общиной от казавшегося неминуемым растерзания львами. Трактат его о том, зачем Богу нужны наши страдания, Иван переводит с ликийского языка для отца Глеба, священника церкви при хосписе. Назначение этой линии — не только в том, что именно перевод текста Кириона втягивает Ивана в жизнь хосписа, где он в конце концов становится одной из ведущих фигур разворачивающихся событий, но прежде всего в том, чтобы подчеркнуть христианский смысл происходящего в основной части романа.)

Кроме того, это еще и (мягко-)альтернативная история. До некоторого момента исторические обстоятельства в этом мире почти совершенно (ну кроме разве болезни, принявшей пандемический характер) совпадают с нашими — и только на последних страницах с ними расходятся. В мире Козлова события, связанные с пандемией и протестами против закрытия детских хосписов, заканчиваются социальным, а там и правительственным кризисом, который в конце концов сметает со своего поста главу государства, прозрачно именуемого Б.Б. У нас же... ну, сами знаете. Их мир оказывается, в конечном счете, спасен. А наш?

* * *

В романе Шамиля Идиатуллина (не просто фантастическом, между прочим, но научно-фантастическом, с тщательно и эффектно продуманной наукообразной основой — редчайшая птица по нынешним временам) все и того невозможнее: в 1985 году троих подростков (почти детей — ни одному из них еще нет четырнадцати) в рамках наисекретнейшего проекта отправляют в космос, чтобы сбить с курса комету Галлея, грозящую Земле гибелью. Отправляют их на корабле, устроенном особенным образом: он перемещается по пронизывающим Вселенную космическим струнам — наикратчайшим путем, иначе не успеть. Сверхъестественные силы на помощь уже не придут — в этом мире их нет. Все приходится делать собственными силами — неокрепшими, детскими — и на свой страх и риск, без помощи даже взрослых. Корабль-то взрослые разработали и запустят, но их участие в полете невозможно физически.

«...Разработанный Кукаревым корабль приводится в действие магнитным потоком, активная частица которого называется “монополь”. Ее существование до сих пор считается недоказанным, однако Кукарев умудрился не только впрячь эту частицу в двигатель, но и заставить ее вводить корабль в резонанс с суммой всех электромагнитных, слабых и сильных взаимодействий космической струны — и на очень короткое время становится ее частью. То есть частью складки, пронизывающей Галактику и одновременно существующей в разных уголках Вселенной <...> После вступления в резонанс со струной полет становится практически неконтролируемым, подчиняясь

при этом правилам и законам, о которых мы ничего не знаем». И еще более того: «...Выдержать работу монопольного двигателя могут только здоровые, физически крепкие люди <...> младше шестнадцати-пятнадцати, а лучше четырнадцати лет». Позже нельзя: «начинается ураганное выделение гормонов, которые привычны у взрослых, а у детей особо не выделяются. Причем неравномерное: у одних органов резко ускоряются биочасы, за секунду проходит год, через минуту орган считает, что ему пора умирать, а у других темп медленнее».

Вся эта изящная в своей многосложности конструкция оказывается необходимой единственно затем, чтобы забросить троих юных героев — со всей подростковой бескомпромиссностью их отношения к жизни — из их обжитого, уютного и понятного советского настоящего в наше с вами сегодняшнее будущее и увидеть его их глазами. (В этом смысле яркий, драматичный, но совсем небольшой по объему эпизод битвы с кометой, образующий композиционный центр книги, имеет исключительно служебное значение.) Перемещение в космическом пространстве оборачивается еще и путешествием во времени — куда более дальним, чем предполагалось изначально (как объясняли ребятам перед вылетом, «полет для членов экипажа длится пару минут, а на Земле проходят месяцы»). Вылетев из июля 1985 года и прожив в космосе, в собственной реальности, что-то около суток, Инна, Олег и Линар возвращаются на Землю спустя тридцать шесть лет. То есть в 2021-м.

(Так и хочется сказать: повезло еще, что не годом позже.)

Роман очень кинематографичен. И в смысле виртуозно выстроенного сюжета — с умелым нагнетанием и сбросом напряжения, с выстроенными бестрепетной рукой эмоциональными американскими горками, с четко — и неожиданно — расставленными паузами и точками перелома, с захватывающими погонями и уходами от неминуемой, казалось бы, гибели в наипоследнейший момент; и в смысле практически готового зрительного ряда, в том числе изображающего, казалось бы, непредставимое — перемещение во времени-пространстве по космической струне («Багровый мир стал бесконечным и многообразным, будто я смотрел в бездонный колодец, наполненный подрагивающими алыми, бурыми, оранжевыми и розовыми слоями, а слева, справа, вверху и везде с этим колодцем смыкались другие колодцы, провалы, залитые свернувшейся кровью карьеры и красные океаны...»). В нем очень неплохо воссоздана подростковая психология и подростковый сленг середины восьмидесятых. Но вообще-то он — прямое, почти (да почему почти?) публицистическое высказывание (примерно такое: мы погубили жизнь, которая могла бы быть совсем другой). По крайней мере в последних, посткосмических главах. Можно, пожалуй, сказать и так, что роман вполне отчетливо распадается на собственно научно-фантастическую и публицистическую половины.

(К достоинствам романа безусловно стоит отнести то, что в нем — при несомненной расставленности акцентов добра и зла — нет однозначно «положительных» и «отрицательных» героев, все они, включая юных космонавтов, — люди сложные и способные обернуться в принципе какими угодно. Совершенно так же, как в романе Козлова, в борьбе света с тьмой, которая здесь тоже происходит, на той или иной из противоборствующих сторон возможно оказаться, сознательным усилием заняв соответствующую позицию.)

Наша реальность предстает перед позднесоветскими подростками как крах всего, в чем в 1985-м они были совершенно уверены, на что они чувствовали возможным надеяться, — да, пожалуй, и как своего рода антиутопия. Не то чтобы автор занимает просоветскую позицию — вроде бы нет (тем более что нынешнюю жизнь со всеми ее дикостями он показывает как прямое, хоть и разрушительное, продолжение советской). Но во всяком случае, утраченная космическими путешественниками позднесоветская жизнь выглядит у него по всем статьям привлекательнее и достойнее. И явно не только потому, что юные герои тоскуют по ней как по утраченному, уничтоженному дому

(но есть и это: в родном городе Олега, Грозном, столице того, что при нем было Чечено-Ингушетией, за минувшие десятилетия произошло сами знаете что; по родному для Инны Таджикистану прокатилась гражданская война, и следов своих семей они не нашли). Суда подростков восьмидесятых годов, причем далеко не самых идеалистичных и ортодоксальных — нормальных таких, недоверчивых, критичных подростков, — наша жизнь по большому счету не выдерживает.

«Богу они молятся, — проворчал я. — И этому самому, как его, бизнес-чистогану. Товарно-денежные отношения. Флаги царские, орлы хищные, Союза нет, а молятся Гагарину. Толку-то молиться, если заводы и КБ закрыли, а вместо рабочих и инженеров дебилы с бородами и в наколках, как ээки-геологи, и дыры с губами? <...> — Зато всего полно. А у нас все делали, а куда ни ткни — дефицит.

Ой да ладно, полно, хотел сказать я, но вспомнил телефоны, вспомнил огромные телевизоры, вспомнил ряды джинсов, которые стоили не две зарплаты, а пять-десять процентов от одной, вспомнил сто сортов колбасы и сыра, вспомнил пищу, газировку и мороженое и со вздохом согласился с трудом заглушая писк в желудке:

— Это да. Буржуйствуют и загнивают».

Взаимодействие с нашей реальностью оказывается для них испытанием куда более сложным, чем сжатая в несколько часов миротпасающая битва с кометой. Хотя бы уже потому, что та требовала всего лишь сосредоточенности, решительности и точности действий (и, ну да, смелости, конечно). А тут пришлось выстраивать новые модели поведения и коммуникации с людьми, по существу, совсем другой культуры; осваивать изменившийся язык, новую предметную среду, новую технику... Эх, без спойлера не обойтись: они ведь — внимательные, восприимчивые — в конечном счете справились. Куда лучше справились, чем это получилось бы у закосневших в своих привычках и представлениях взрослых. Второй спойлер: жить в этом чужом времени они все-таки не смогли. То есть, в принципе, смогли бы («ну, нам не повезло просто, а так оно тоже вполне, жить можно», — резюмирует один из них), но, к счастью, пришлось спасаться. И тут — уже целиком их собственными силами — осуществилось еще одно невозможное, невозможное уже, казалось бы, совсем, не обещанное ничем из тех закономерностей, о которых им успели рассказать перед полетом. Вопреки всем ожиданиям, включая читательские, они вернулись еще раз: в свое собственное время. В ночь перед стартом. И еще успели увидеть спины уходящих самих себя.

И вот тут-то как раз могло бы начаться самое интересное. Там, где все — в романе — кончилось. По всей вероятности, ребята запустили новую версию будущего.

Мало того что они ее — уже самим фактом своего возвращения — запустили. Они — со всей их подростковой решительностью — собрались активно ее формировать, не допустить того, что случилось в старой версии будущего — без них. «Не уверен, что получится совсем здорово. Но мы очень постараемся. И это будет наш мир».

Вот об этом бы почитать.

* * *

Роман Дмитрия Исакжанова — самый интересный из трех в литературном отношении. Я бы даже рискнула сказать, что и наиболее сильный, — при том что два предыдущих, особенно идиатуллинский, сделаны с отменным профессионализмом. Но и *Stabat mater*, и «Возвращение “Пионера”», прекрасный, точный образчик жанровой словесности, — по существу, беллетристика. Отлично сделанная, крепкая, яркая, но именно беллетристика. А вот «Толкование прошлого» — уже литература, то есть то, что проблематизирует устройство и реальности как таковой, и ее восприятия, и создает если и не радикально новый язык для их описания, то, по крайней мере, новые способы говорить об этом. Роман живой, непокорный, перерастающий жанровые

модели, правила, сам себя, не построенный, но выращенный. Роман, создающий возможности нового видения. Однако он же (как это, впрочем, часто бывает свойственно сильным — расpiraемым разными мощными силами — текстам) и наиболее неровный.

Коротко говоря, суть происходящего состоит в том, что человек, у которого мучительно и малообъяснимо не ладится жизнь, не ладится даже физически — его непрерывно, одна за другой, без всяких видимых причин мучают различные болезни, не получаются отношения с самим собой, с близкими людьми, с людьми вообще, — отправляется на дачу — в дом, с которым связаны важнейшие его детские воспоминания, чтобы там, в уединении, через восстановление и понимание собственного и семейного прошлого разобраться в причинах своих несчастий и неудач. Ему предстоит понять не только это, но и разрешить самый таинственный вопрос их сложной семейной истории: почему, куда и в какой вообще момент жизни исчез его отец, который некоторое время после своего исчезновения как будто даже жил в одной квартире с оставленной семьей, в одном с нею дачном доме, у него была собственная комната, куда никто никогда не входил, его присутствие чувствовалось, но никто его не видел, — пока он, столь же незаметно, не исчез совсем.

Скажем сразу: ответов он не находит (и читатель — не получает; тайна остается тайной), несмотря на то, что посвящает много текстообразующих усилий их прояснению, высматриванию улик, их толкованию. По крайней мере, ответа на последний вопрос — точно не находит, и пристальное всматривание в историю семьи тоже дает немного: не приносит ясности, но лишь подтверждает темноту. «Теперь, когда не стало ни отца, ни тети Нины, ни бабушки, жизнь моя не стала прозрачнее и ничуть не приобрела в гармонии и ясности, но, приняв в себя продолжение их судеб, напротив, еще более стусилась, уплотнившись в странную, почти непроходимую атмосферу цвета замершей над гниением и умиранием донных трав воды». С первым вопросом (о том, отчего же все настолько не складывается, когда, с чего и почему это началось) — сложнее.

Постепенно выясняется корень этой системы неудач, внутреннего обрушения, необратимого расщепления мыслившихся неизбежными связями героя, даже с сестрой, с которой он прожил в детстве все самое значительное — да все вообще! — с которой он составлял некогда «замкнутую систему». Много (если не все) в его личной катастрофе восходит к первой, решающей, единственной и неосуществленной любви — к другу его позднего детства и юности и к отношениям с ним.

«Даже когда его уже не было рядом, он все равно был здесь», — произношу я в себе и оглядываюсь. Эта мысль не оставляет меня, наполняя радостью соучастия и тайного знания того, что я никогда не был один. Сколько времени мне потребовалось, чтобы, наконец, сказать это словами? Неужели только сейчас?..

Что я чувствовал, думая о нем все эти годы, с тех пор как в армии получил письмо от своего Юры? Что-нибудь, кроме все возрастающего сопротивления материи, словно я пытался двигаться против естественного хода событий, словно проталкивался куда-то в глубь, в толщину, сквозь сплетения корневищ к первозданному праху?»

Правда, выясняться, вообще выговариваться это начнет во второй половине романа (именно! не раньше: первое, внезапное упоминание о ее адресате случается на странице 232). Что и наводит на мысль, согласно которой, сколь бы жгучей лично для героя ни была эта тематическая линия, сколько ни посвящай он ей внутренних усилий, — она тут все-таки не главная.

В целом же очень похоже на то, что жизненные и семейные неразрешимые трудности героя оказываются только поводом для того, чтобы отправить его в дачное уединение, изъять его из актуальных контекстов и дать ему возможность в полной мере заняться внутренним восстановлением собственного прошлого, главнейшим образом, почти единственно — детства. Все остальное оказывается по отношению к этой большой, медленной, внимательной работе инструментальным. Начинается она

примерно к концу первой сотни страниц, но зато уж начинается всерьез (кстати, сколько-нибудь основательная рефлексия над семейной историей, усилия по выстраиванию ее модели — и того позже: «История нашей семьи, насколько она просматривается, зрительно представляет собой лигу, ослепительную в четкости своих очертаний в горних и плавно нисходящую из мифической лазури во тьму сомнений и слухов, невнятицу сплетен, обмолвок в глушь и забвение, с абсолютной утратой границ. С одной стороны. С другой же, наоборот: начинаясь среди двусмысленностей и недомолвок, минуя реалии, изгибаясь, чудесным образом уходит она в небесную высь, где, истончаясь, утрачивается и исчезает, соединяясь с безбрежностью всеобщности». Нет, нет, ничто из этого прояснено не будет, — и вдруг понимаешь: оно нужно автору — да, пожалуй что, и герою — именно в своей таинственности).

Сердцевина повествования — детство — разрастается, оттесняя остальное на окраины. Вполне возможно, автор такого не замышлял, но так получилось.

Всё, связанное с началом жизни, здесь крупно, таинственно и магично. Всё, относящееся к последующим временам, скудно, мучительно и, главное, — в глубокой зависимости от детства. Детство — огромный, уходящий в глубину фундамент, превышающий по объему то, что на нем было настроено; самодостаточный фундамент, по существу, не нуждающийся в позднейшей надстройке.

Основной предмет интереса Исакжанова — внутренние процессы сознания, в особенности — детского мировосприятия, эстетика, оптика, пластика детства, так легко, практически незаметно переходящие в его метафизику. Он проблематизирует сами структуры этого восприятия, ищет способы говорить о неявном, о не попадающем обыкновенно в свет сознания. Прямым литературным предком и наставником Исакжанова с его пристальными поисками утраченного времени можно назвать Марселя Пруста — в смысле изысканного внимания к внутренней феноменологии, к самой материи воспоминания, воспоминательных усилий. При этом по темпераменту Исакжанов совсем другой. Если уж искать ему, его сложному, внутренне конфликтному, напряженно-подробному, плотно-избыточному тексту литературных родственников, то ближайшим из них, видимо, должен быть Бруно Шульц. По-русски сегодня так, кажется, никто не пишет.

«Чудо нам являлось в своем самом чистом виде. Будучи освобожденным от тяжелых примесей тревоги и страха, оно оседало летучей эссенцией на цветных целлулоидах снов, сверкало на дне чайных кружек, уже не обжигающих утренней спешкой, золотистой амальгамой, осыпалось с потолка предвкушением свободы и света».

Вопреки названию книги, автор не толкует прошлое — не подвергает его объяснениям, интерпретациям, логическим выпрямлениям (разве что называет свои детские чувства более поздними, взрослыми умными словами — да какое ж это толкование?). Он прошлое воскрешает, делает осязаемой, телесно ощутимой реальностью, — что гораздо сильнее. Выколдовывает его у забвения, подносит к нему магическое увеличительное стекло. Он возвращает себе — а тем самым и нам — естественную восприимчивость к таинственному, к пронизывающим мир и сознание тонким связям, для которой у детства нет слов, а у взрослых ответственные за нее рецепторы по большей части атрофируются.

Вот о переезде на дачу в детстве, о стремлении героя непременно войти в дом раньше всех остальных: «Я хотел окунуться в глубину дома, еще никем не замутненную, ощутить ее во всей чистоте прежде, чем поднимется и закружится в пространстве невидимый ил. Надеялся разглядеть подлинность красок, особую гармонию форм. Несмещенные света, упавшие в естественном порядке тени...

Я казался себе линзой, что, как и все другие, вносит в гармонию цветов и линий, отстоявшихся в покое, смуту. Ставит все с ног на голову, переворачивает вверх дном. Мне необходимо было взаимодействие. Чувство того, что оставляешь след.

И еще хотелось ощутить, как ответным движением все мембраны и клапаны во мне устанавливаются в новое, неизвестное прежде положение. Как пространство внутри меня раздается, включая в себя весь этот день от начала и до конца, немислимо широкой панорамой.

Это было еще и чем-то... Чем-то из области импринтинга и телегонии — я чаял чистоты любовного единения».

Что же до выхода из казавшихся безвыходными обстоятельств, — чудесным образом (действительно чудесным, хотя о высших силах тут ничего не сказано) обретается и он. Как и следовало ожидать — в возвращении в детство.

«Родные, знакомые с детства голоса, произносящие какую-то милую, ничего не значащую праздничную чушь <...> Я нагибаюсь и заглядываю в отверстие замочной скважины: там, в зале, ярко горит свет и надрывается телевизор, там полно людей, и царит суэта, и на раздвинутый возле елки стол ставятся приборы, из шкафа вынимаются коробки с елочными игрушками, и зажигаются свечи, и дети — мальчик и девочка — ликують».

Кстати, ведь и друг Юра, предмет тайной и безответной любви героя, имеет здесь прежде всего то значение, что самим своим существованием, самой беззаконностью этой любви поневоле изгнал его из детского рая, из изначальной, всеохватной полноты жизни.

* * *

Теперь-то понятно, что объединяет все эти романы по-настоящему, еще прежде всех сюжетных построений, художественных решений и их смыслов. Это чувство родства и даже едва ли не общей сущности — на уровне общекультурных интуиций — детства и чуда, начала жизни и реальности невозможного.

Согласно этим, рассеянным в культурном воздухе интуициям, детям, при всей их неготовности, незащищенности, уязвимости — более того, как раз благодаря этому — возможно то, на что у взрослых нет оснований надеяться. Они способны летать в космос и путешествовать во времени (Идиатуллин), видеть ангелов и общаться с ними (Козлов), вообще чувствовать глубину и полноту жизни в ее неохватных для взрослого сузившегося сознания объемах, сами ее неизъяснимые разумом корни и таинственные истоки (Исакжанов). Казалось бы: по мере взросления, набирания сил, понимания, самообладания, критичности, кругозора... возможности человека — и внешние, и внутренние — должны бы только увеличиваться. Но нет. Максимально различные меж собой авторы, не сговариваясь, сходятся в признании (как бы по умолчанию, в качестве исходного условия) того, что в начале жизни переплетены друг с другом, не вполне еще дифференцированы друг от друга все составляющие человека энергии, включая и те, что в начале времен ответствовали за возникновение самого мира. Ребенок (до полового созревания, до того самого гормонального взрыва, который препятствует полетам в космос у героев Идиатуллина, который вообще отсекает человека от полноты и априорной осмысленности жизни в романе Исакжанова) причастен творению мира, в каком-то смысле он воспроизводит это творение в самом себе, самим собой. (Именно он в полном праве сказать, размышляя о возможных версиях будущего — которых у него много: «И это будет наш мир».) В свете этого получается, что, вырастая, человек — сколько бы сложных знаний и умений он при этом ни обретал, — огрубляется, упрощается, сужается, беднеет, слепнет (и мир-то ему становится, на самом деле, все более чужим — настолько, что к старости уже мечтается от него освободиться). И только прикосновение к детству способно — хотя бы отчасти — вывести его из этого вполне безнадежного состояния.

Борис Минаев

Манюня и её армия

Трудно ходить в театр на детские спектакли. Только ко второму действию я начал понимать, какие милые, симпатичные мальчики и девочки сидят вокруг меня. Разглядел лица, восхитился их обаянием и красотой.

На первом действии раздражало буквально все: шорох, скрип, шепот, бесконечный фоновый гул, ну как всегда бывает, потому что свои дети (внуки), они замечательные, а всех остальных слишком много. Но это было ложное чувство — просто нужно было привыкнуть.

На самом деле смотреть спектакль в детской аудитории — для профессионала, режиссера или критика, ужасно полезно. Все «провисы», слабости, недочеты сразу очевидны: фоновый шум в такие секунды становится чуть сильнее, слышнее. С другой стороны, все «ударения», акценты, ключевые моменты, кульминации и эффекты — тоже проверяются этим шумом. Он исчезает или превращается в общее «ах». Или даже в мертвую тишину, совершенно не свойственную этому залу.

На спектакле «Манюня» в РАМТ — много завсегдатаев. Это я понял из разговоров в антракте и после спектакля. Юные зрители и их родственники приходят сюда не по одному разу. Зал полон. И — что важно — он полон именно родителями с детьми. Не классами и не «пионерскими отрядами». Водить детей в театр с педагогом из школы, детского дома, детского лагеря — вообще-то важная, благородная задача. Но ужасно трудная.

Микрокосм детского коллектива никуда не девается даже во время самого яркого представления: отношения, лидеры, изгои, любимчики, подруги, ревность, страсть — с трудом представляю спектакль, который бы мог вырвать ребенка из этого потока переживаний.

Тем не менее героические педагоги продолжают это делать, значит, видят цель и знают, как ее достичь.

Ну, и правда, что может быть важнее, чем разговор об увиденном спектакле, уникальном, единственном художественном впечатлении в жизни?

...Тем не менее, когда я на «Манюне» увидел, что дети в основном с родителями, мамами, папами, тетями, бабушками, подругами мамы и так далее, — мне как-то полегчало. Их привела сюда мощная семейная традиция — ходить в театр. И поверьте, они это понимают.

Собственно, и сам спектакль — об этом. О том, что такое семья.

И каков смысл этого слова.

Девочка слева от меня. Ей лет восемь. Впереди нее сидят две рослые девушки постарше, девочке не видно сцены. Ну а выход? Билеты раскуплены, свободных мест нет. А если и есть — как сесть одной, отдельно от мамы? Девочке принесли специальную подушку. Большую такую, плотную, но мягкую. Теперь ноги болтаются

над полом, но хоть что-то ей видно. Девочка все равно падает на бок, чтобы через щелочку между головами расширить свой обзор. Не плачет, не ропщет, просто нагибается, чтобы увидеть актеров.

Справа от меня два серьезных малых со смартфонами, играют в игры и одновременно смотрят спектакль. Им лет по десять. Я расстраиваюсь: ну что они там увидят? Удивительно, но реагируют на каждое слово, на каждый острый момент, комментируют, вполголоса обсуждают. Иногда подтрунивают, иногда спрашивают друг друга, если не расслышали или не поняли.

Когда в двухтысячные годы Наринэ Абгарян стала выкладывать в социальных сетях фрагменты своих воспоминаний о детстве, проведенном в маленьком городке Берд в Армении, о своей семье, о советском трудном быте, о счастливых мгновениях дружбы и любви — никто еще знал, что это станет одной из самых главных детских книг в нашей стране, и уж точно — одной из самых популярных пьес.

И дело тут вовсе не в советской ностальгии, хотя присутствуют в тексте и банка сгущенки, как символ дефицита, и «венгерские курицы», добытые с боем, и инженерская зарплата в сто двадцать рублей, на нее папа Юра содержит большую армянскую семью из трех девочек: Наринэ, Каринэ и Гаянэ.

И висит над сценой огромный ковер — тоже символ ветхого советского благополучия. И вещает «армянское радио», тоже символ советских лет, вернее, советских анекдотов, советского фольклора.

Я, кстати, задумался: а насколько понятно это детям — «армянское радио» и то, что это значит?

Вряд ли понятно, вряд ли анекдоты «армянского радио» им вообще знакомы.

И вот тут очень важно, что по замыслу режиссера — Рузанны Мовсесян, — вообще вся «советская история» (тогдашние реалии быта и речи) здесь, в спектакле, подана как «всеобщая история», как история людей «вообще». То есть это просто «мы», и в конечном итоге этот спектакль просто «про нас».

«Армянское радио» в таком контексте — это не анекдоты про дефицит или Брежнева — это два шута, два мягких и добрых клоуна (Алексей Бобров и Виталий Тимашков), которые сопровождают все перипетии приключений двух девочек: Наринэ Абгарян (она в своей книжке не прячется ни за каким псевдонимом, ее играет Анна Дворжецкая), и Манюни Шац (ее играет Анна Ковалёва). А приключения эти — от попыток искривить свой нос, чтобы он тоже был «с горбинкой», как у любимой подружки, с помощью страшного удара тупым предметом в переносицу, от каких-то якобы «вшей», которых Баба Роза выводит с помощью страшной смеси синьки, бараньих катышков и чего-то еще, до первой влюбленности в «заезжего москвича» — это странная смесь ностальгии по детству, юмора, человеческих отношений и какой-то пронзительной откровенности, — так что и юный, и взрослый зритель буквально погружаются в них с головой.

Я внимательно поглядывал на девочку слева, которая смотрела спектакль на подушке, скривившись набок, чтобы ничего не пропустить, и на двух приятелей справа, которые пытались быть «взрослыми» и «ироничными» по отношению к этому «детскому спектаклю», но у них ничего не получалось, вместе со всем остальным залом они хохотали и замирали.

Я вслушивался в зал.

И я понимал, что дети прекрасно понимают все театральные условности, все предложенные театром «правила игры».

Вот ходит по сцене, то перетаскивая холодильник, то просто лежа или сидя в изнеможении от этих неукротимых духом двух девочек, — настоящий белый медведь. Прямо в шкуре и на двух ногах. В программке он так и назван — «Армянский белый медведь». Родители шепотом объясняют детям (сами, конечно, немного подумав): мол, это фантазия, это белый медведь с обертки любимых конфет «Мишка на севере»,

и это, наверное, действительно так и есть. Но по большому счету объяснений не требуется. Отчасти фарсовый, клоунский, цирковой театр — он, конечно, предполагает некие условности. И дети это прекрасно чувствуют.

Другое дело, как удастся им почувствовать сквозь этот веселый балаган и даже абсурд — настоящую жизнь, искренние чувства, нежность и любовь? Но ведь удастся же.

Мне кажется, это потому, что режиссер (и театр РАМТ в целом) — очень тонко понял и ярко передал основную тему книги. В отношениях двух девочек есть, как это часто бывает в жизни, ведущий и ведомый: Манюня Шац не боится ничего, верней, преодолевает страх, атакует, идет на штурм, и сыграно это блестяще, а Наринэ Абгарян с восторгом за ней наблюдает и с наслаждением за ней следует. Но если Манюня — такой детский генерал, ведущий свои «сражения», то кто ее армия, кто позволяет ей оставаться счастливой и легкой, что бы она ни вытворяла, ни придумывала? Это, конечно, не только ее подруги — это целая армия добрых людей. Собственно, философия спектакля в том, что эта армия добрых людей — она всегда присутствует в жизни, она здесь, она растворена в реальности, какой бы реальность ни была.

Это и родители, и соседи, и просто прохожие, и крестьяне, спускающиеся с гор, чтобы подарить Абгарянам самую лучшую в мире сметану или самый лучший в мире сыр, и ангелы-клоуны с «армянского радио», да кто угодно.

Эта «армия добрых людей», которая должна быть всегда и будет всегда, — вот, наверное, главное открытие и главный символ веры Абгарян (уже не персонажа, а писателя). Дети очень тонко чувствуют эту веру и эту надежду, и поэтому для них в спектакле «все понятно» (хотя, казалось бы, многое нужно объяснять: а почему ковер, а почему живой белый медведь, а почему армянское радио, а что за сепарированная сметана, а что такое сто двадцать рублей), ну а взрослые...

А взрослые, как мне кажется, особенно сейчас, в наше время, напряженно думают: а куда же девалась эта «армия добрых людей», в чем сейчас их опора, в чем основа бытия для них сегодня? Куда они ушли и вернутся ли опять?

Есть в спектакле «Манюня» персонаж, о котором стоит сказать отдельно: это Ба, или Баба Роза — в исполнении совершенно удивительной Нины Дворжецкой.

Вокруг нее строится этот мир маленького многонационального армянского городка Берд, о котором рассказано лишь с помощью нескольких деталей, вокруг нее вообще строится весь мир Манюни и Наринэ, она — символ жизни в каком-то смысле, со своей страстностью, любовью, неукротимой жадой справедливости и желанием счастья.

(Вообще, замечу в скобках, национального — то есть «армянского» и «еврейского» — в спектакле много. Это и интонации, и самоирония, и шутки — но почему-то кажется, что это «армянское» или «еврейское» — гармонично вливается во что-то общее, всечеловеческое.)

И если и есть в спектакле скрытая от детей, но понятная взрослым нота горькой ностальгии или грусти, то это как раз ностальгия по этому «всечеловеческому». Носитель его, даже главный носитель — как раз Баба Роза Нины Дворжецкой. Она каким-то неуловимым образом создает вместе с другими членами двух семей, папами и мамами, сестрами и соседями, этот общий на всех мир. Общий и в своих бедах, и в своих радостях.

Конечно, сегодня порой смотришь на это со слезами на глазах.

Хочется туда вернуться, в этот маленький Берд, где все равны и никто никого не ненавидит, не мучает своими злыми мифами.

Где еще не родилась новая, страшная сказка — о том, как сдастся эта армия добрых людей Манюни. Как она терпит поражение.

Но ты понимаешь при этом, особенно на аплодисментах: эти дети, они увидят новый мир. Другой, отличный от нашего. Они обязательно его увидят.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно приобрести на

<http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Москва, ул. Тверская, 17,

вход с Малого Гнездниковского переулка)

«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

12/2022

Читайте:

Самира Асадова, Татьяна Асадова «Весёлые праздники чаучу». Рассказы

*«С давних пор человек и олень неразлучны,
невозможно без оленя в тундре прожить.*

Поэтому его берегут пуще глаз.

*Оленевод свою жизнь сравнивает с жизнью
оленя — ʒоравагыргын. Поэтому календарь
составлен по межсезонному виду деятельности.*

*Январь — ынпылювлен, в это время обучают
ходить в упряжке трёхгодовалых самцов-
кастратов, которых в прошлом году не успели
обучить. Для поддавшихся обучению устраивают
гонки — Ръилет. Февраль — чьачанльоргын:*

*в это время стоят сильные морозы, морда оленя
аж покрывается инеем, потому и назвали так
месяц — «иней на морде оленя». Льоргыҕай —
март, в это время на мордочке внутриутробного
телёнка появляется пушок. Гыройэльгын —
апрель, он так и переводится: месяц отёла.*

Мимлыръылин — май, месяц появления воды.

Кыткытйьэлгын — июнь, весенний месяц.

*Анойьэлгын — июль, месяц жары. Ңэтйьилгын —
август, месяц, когда самцы начинают чистить
рога. Эйуэййьилгын — сентябрь, месяц гона.*

Гытгайьэлгын — октябрь, осенний месяц.

Яравычьын — ноябрь, месяц, когда в утробе

важенки появляется зародыш. Атьылёке —

*декабрь, месяц без светового дня, а моя
бабушка Тымнеквына называла этот месяц*

ʒоольтатгыргын — узкий день...»